

Социокультурные аспекты
национальной безопасности
России

**ПУБЛИЧНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ**
Теория и практика

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ Теория и практика

ISBN 978-5-7567-0931-5

9 785756 709315

Московский государственный
институт международных отношений
(Университет) МИД России

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Под редакцией
доктора политических наук, профессора
М. М. Лебедевой*

Москва
2017

УДК 327
ББК 66.4
П88

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 15-37-11128. Не подлежит продаже.

Авторский коллектив:

*Е. А. Антохова, Б. Х. Бахриев, К. П. Боришполец, Х. Р. Джаббари
Насир, Е. С. Зиновьева, Т. В. Зонова, В. В. Каберник, М. М. Лебедева,
Ю. А. Никитина, А. И. Подберезкин, О. А. Тимофеева, М. В. Харкевич,
Д. Д. Шебалин, Е. О. Шебалина*

Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред.
П88 М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 272 с.

ISBN 978–5–7567–0931–5

Публичная дипломатия сегодня стала действенным инструментом внешней политики и получила широкое распространение в мире. В монографии впервые в России проводится комплексный анализ публичной дипломатии. Рассматриваются теоретические аспекты публичной дипломатии, в частности, выявляются новые моменты, которые появились в публичной дипломатии за последние годы (развитие публичной дипломатии международных организаций, использование интернет технологий в рамках публичной дипломатии и другие).

Особое внимание уделяется вопросам использования публичной дипломатии в конфликтных и кризисных ситуациях. Авторы анализируют конкретные примеры использования публичной дипломатии различными государствами, в том числе, Израилем, государствами Центральной Азии, Ираном и другими.

Предлагаемая читателю книга ориентирована как на специалистов в области международных отношений, занимающихся теоретическими вопросами мировой политики и дипломатии, так и специалистов по конкретным странам. Монография может быть также полезна в учебном процессе при подготовке магистрантов и аспирантов в области международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0931–5

© Коллектив авторов, 2017
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2017

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Содержание

Введение	5
-----------------------	---

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Глава 1. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? (<i>М. М. Лебедева</i>)	8
Глава 2. Военное измерение публичной дипломатии (<i>М. В. Харкевич</i>)	21
Глава 3. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России (<i>А. И. Подберезкин</i>)	36
Глава 4. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов (<i>Е. С. Зиновьева</i>)	54

Часть II

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКРЕТНЫХ СИТУАЦИЙ

Глава 5. Публичная дипломатия Европейского союза (<i>Т. В. Зонova</i>)	70
Глава 6. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов (<i>К. П. Боришполец</i>)	89
Глава 7. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС (<i>Ю. А. Никитина</i>)	112
Глава 8. Публичная дипломатия НАТО в условиях деполяризации политической системы мира (<i>Е. А. Антохова</i>)	128
Глава 9. Централизованное управление инструментарием публичной дипломатии (<i>В. В. Каберник, О. А. Тимофеева</i>)	144

Глава 10. Публичная дипломатия государств Центральной Азии (<i>Б. Х. Бахриев</i>)	177
Глава 11. Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран (<i>Б. Х. Бахриев, Х. Р. Джаббари Насир</i>)	194
Глава 12. Публичная дипломатия Святого престола (<i>Д. Д. Шебалин, Е. О. Шебалина</i>)	217
Примечания	238
Литература	254
Сведения об авторах	271

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный политический мир очень сложный. Он охватывает огромное число участников, принадлежащих к различным культурам и исповедующих разные религии, занятых в разных сферах деятельности.

Предлагаемое издание, выполненное в рамках гранта РФФИ №15-37-11128, — первая в России попытка комплексно осмыслить феномен публичной дипломатии: рассмотреть теоретические аспекты и практики ее использования. Коллективная монография состоит из двух частей: первая часть посвящена теоретическим аспектам публичной дипломатии, истокам и предыстокам ее формирования, а также вопросам обеспечения военно-политической стратегии средствами публичной дипломатии и проблемам цифровой публичной дипломатии при урегулировании конфликтов.

Во второй части монографии анализируются понимание публичной дипломатии, конкретные технологии ее реализации в различных частях мира. В региональном отношении охват кейсов использования публичной дипломатии очень широкий. Это ЕС, СНГ, ОДКБ, ШОС, НАТО, Израиль, КНР, государства Центральной Азии, Иран и Ватикан. Иными словами, это и государства, и надгосударственные образования, и военно-политические организации.

Коллективная монография подготовлена в МГИМО. В ее написании участвовали 14 авторов. Очевидно, что точки зрения исследователей в таком большом коллективе отличались друг от друга. Тем не менее их удалось сблизить по некоторым вопросам за счет проведения серий обсуждений. В результате все авторы монографии исходили из самого общего понимания публичной дипломатии как воздействия одного государства на общество другого. Еще одним общим моментом стало понимание того, что такое воздействие может осуществляться как официальными лицами, так и неофициальными. Значительный акцент в монографии был сделан на осуществлении публичной дипломатии в условиях конфликтов и кризисов. Наконец, авторы согласились с тем, что публичная дипломатия может осуществляться не только государствами, но и надгосударственными образованиями.

Предисловие

Тем самым были внесены корректировки в понимание распространенного подхода к публичной дипломатии.

Открытым остался вопрос о том, насколько, например, публичная дипломатия допускает средства противоборства. Впрочем, задача достижения консенсуса среди участников исследования по всем вопросам не ставилась. Читатель может познакомиться не только с разными проблемами публичной дипломатии, но и с разными точками зрения.

М. Лебедева

Москва, июнь 2017

Часть I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
И ПОДХОДЫ
К АНАЛИЗУ
ПУБЛИЧНОЙ
ДИПЛОМАТИИ**

ГЛАВА 1

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИЛИ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ?

Публичная дипломатия в условиях трансформации политической организации мира

На рубеже XX и XXI вв. мир претерпел кардинальные изменения. Этот тезис «красной нитью» проводится во многих исследованиях. Так, У. Бек видит эти изменения как смену политических координат и сравнивает современное знание в области политической науки с тем, что произошло в астрономии, впрочем не только в астрономии, в связи с открытием Галилея [Beck, 2016]. Большинство авторов связывают изменения на международной арене с крушением биполярной системы [см., напр., Барановский, 2017]. В целом же представляется, что мир действительно переживает глобальную трансформацию, которая охватывает три уровня: 1) эрозию Вестфальской системы; 2) распад биполярной системы межгосударственных отношений; 3) изменение политических систем многих государств. Уникальность современной политической организации (точнее, реорганизации) мира заключается как раз в том, что все три процесса происходят одновременно, усиливая друг друга и образуя эффект синергии, или «идеального шторма» [Лебедева, 2016].

Эти тектонические трансформации не могли не отразиться на публичной дипломатии, которая понимается как политика воздействия одного государства на общество другого (других) государства [Snow, Taylor, 2009], причем воздействие осуществляется именно в политических целях [Долинский, 2012]. При этом публичная дипломатия является частью реализации инструмента «мягкой силы», который,

согласно Дж. Наю, предполагает прежде всего создание привлекательности [Nye, 2002]. Собственно, идея привлекательности, когда противоположная сторона добровольно и осознанно делает выбор, — это то новое, что появилось в связи с концепцией Дж. Наю и отличает ее от пропаганды [Лебедева, 2017]. Сказанное, однако, не означает, что публичная дипломатия не может реализовываться в русле пропаганды. Более того, в ряде случаев она может быть даже эффективна, если говорить о быстром и краткосрочном воздействии. Тем не менее в данной главе публичная дипломатия рассматривается именно как инструмент «мягкой силы».

Каналы воздействия при помощи публичной дипломатии могут быть двоякими. Во-первых, воздействие может осуществляться по официальным каналам, т.е. путем выступлений официальных лиц в СМИ, с публичными лекциями, в социальных сетях и т.п. Во-вторых, по неофициальным каналам: через НПО, фонды, образовательные программы, женские и молодежные организации, университеты и т.д. Тот факт, что каналы публичной дипломатии могут быть как официальными, так и неофициальными, не нашел четкого отражения в литературе. В результате понятийный аппарат публичной дипломатии, особенно в русскоязычной литературе, оказался крайне размытым. Наряду с понятием «публичная дипломатия» в качестве синонимов используются термины «общественная дипломатия», «народная дипломатия» [см., напр., Мухаметов, 2014]. Такой подход значительно сужает сферу деятельности публичной дипломатии, поскольку исключает официальные каналы ее реализации. На данный аспект обращает внимание А. Долинский. Он пишет, что у публичной дипломатии «появилось и второе значение термина в русском языке — дипломатия на уровне общественных организаций. Это породило опасную путаницу: даже среди экспертов встречается убеждение, что *public diplomacy* — это лишь диалог на уровне неправительственных организаций. Между тем *public diplomacy* подразумевает более широкий спектр направлений деятельности...» [Долинский, 2012]. Сходной позиции придерживается и Т. Зонова, говоря, что «в нашем внешнеполитическом лексиконе в ходу два термина применительно к дипломатии: «публичная» и «общественная». Однако к взаимозаменяемости этих терминов надо относиться с особой осторожностью. Мы живем в эпоху глобальной коммуникации, а следовательно, и глобального перевода. Определение «общественная» будет переводиться на другие языки и как социальная, и как гражданская, и как народная. Понятно, что «общественной» мы именуем дипломатию неправительственных организаций» [Зонова, 2012].

Еще более узкими понятиями являются «культурная дипломатия», «спортивная дипломатия», «экономическая дипломатия» и т.п., которые ориентированы на определенные сферы деятельности публичной дипломатии. Очевидно, что все эти понятия имеют право на существование, однако важно понимать, что имеется в виду в каждом конкретном случае и что они не заменяют понятие «публичная дипломатия».

В связи с воздействием через каналы публичной дипломатии на общества других стран возникает вопрос: если такое воздействие оказывается, то как быть с проблемой суверенитета? Очевидно, что власти государства, общество которого подвержено воздействию, не всегда с этим согласны. Развитие активности негосударственных акторов, во многом обусловленное научно-технической революцией, приводит к усилению транснационализации и открывает все большие возможности для внешнего влияния. В результате мир все чаще сталкивается с проблемой транснационального воздействия извне. Формы такого воздействия оказываются различными: от пропаганды (прямого, иногда жесткого и манипулятивного воздействия) до использования «мягкой силы». По сути, речь идет о том, используется ли псевдо-«мягкая сила» в качестве ее инструмента публичная дипломатия в формате реалистской парадигмы (и тогда применяются нажим, шантаж и т.п.) либо в рамках конструктивистской и/или неолиберальной концепции. В последнем случае на первый план выходит привлекательность для противоположной стороны предлагаемых действий, образов, ценностей и т.п. [Лебедева, 2017].

Соотношение дипломатии и публичной дипломатии в современных условиях

Как соотносится публичная дипломатия с традиционной дипломатической деятельностью? Одна из крайних точек зрения заключается в том, что в связи с активностью негосударственных акторов и развитием гражданского общества дипломатия в современных условиях заменяется международной деятельностью военных, социальных работников, представителей НПО и т.п. [Der Derian, 1992]. Иными словами, традиционная дипломатия фактически исчезает. Противоположная ей, но также крайняя точка зрения состоит в том, что принципиальных изменений в современной дипломатии по сравнению с прошлым нет. Поэтому те формы и методы, которые были наработаны в течение веков, остаются действенными и ныне. Альтернативная крайним точкам зрения позиция исходит из того, что современный мир претерпевает

кардинальные перемены и требует качественно новых подходов к решению международных вопросов. При этом дипломатия не исчезает, заменяясь иными типами взаимодействия, а создает новые способы и формы. Данная позиция, отстаиваемая целым рядом исследователей [см., напр., Berridge, 2010], представляется более обоснованной. Резко возросшая активность негосударственных акторов, обусловленная во многом возможностями информационных и коммуникационных технологий, которые позволяют легко взаимодействовать с широкими массами, способствовала развитию такой формы, как публичная дипломатия.

В связи с тем что публичная дипломатия предполагает воздействие как по государственным, так и по негосударственным каналам, нередко возникают вопросы относительно адекватности использования этих каналов и их возможностей. Насколько официальные лица могут быть вовлечены во внутренние процессы в другой стране? Д. Коуплэнд, например, полагает, что дипломат должен в стране пребывания быть своеобразным «партизаном»: выступать консультантом, активно вовлекаться в гуманитарные вопросы и т.п. [Copeland, 2009]. Важно отметить, что подобная точка зрения находит отражение в практической работе, в частности, американской дипломатии. Так, М. Макфол, будучи назначенным послом США в России, сразу стал ориентироваться на взаимодействие с общественными структурами, причем в основном настроенными оппозиционно. В результате его каналы связи с официальными российскими структурами были в значительной степени утрачены. Другой пример. В декабре 2013 г. помощник Государственного секретаря по делам Европы и Евразии В. Нуланд в разгар внутривнутриполитического конфликта вышла в Киеве на майдан к оппозиции. При этом Президентом Украины в то время являлся В. Янукович.

Очевидно, что во многих случаях совмещение различных каналов публичной дипломатии, в том числе использование официальными лицами каналов прямого взаимодействия с оппозицией, ведет к прерыванию или резкому ограничению контактов с официальными представителями данной страны. А за этим следует осуждение в связи с вмешательством во внутренние дела других государств.

С использованием неофициальных каналов дела обстоят сложнее. Существует множество соглашений, предполагающих культурные, образовательные и другие подобного рода контакты [Hall, 2010]. По этой причине сложно говорить о вмешательстве во внутренние дела. В то же время необходимо иметь в виду, что негосударственные акторы не являются простыми проводниками политики государства при реали-

зации публичной дипломатии. В этом случае они не стали бы акторами, а были бы проводниками (впрочем, часть из них выступает именно в таком качестве и здесь порой проявляются ограничения в эффективности воздействия). Иными словами, негосударственные акторы во многих случаях довольно самостоятельны и могут иметь собственную публичную дипломатию [Mellissen, 2005]. Более того, негосударственные акторы одного государства могут использоваться в качестве каналов публичной дипломатии другим государством. Связи и отношения здесь оказываются очень сложными.

В различных ситуациях государство может оказывать непосредственное содействие негосударственным акторам в их деятельности, а может дистанцироваться, исходя из того, что негосударственные акторы обычно вызывают большее доверие [Natsios, 1996]. При этом государство, взаимодействуя с различными по степени близости к нему негосударственными акторами, может более тонко использовать инструменты своей публичной дипломатии.

Россия в настоящее время ориентируется в основном на те негосударственные структуры, которые в значительной степени ассоциируются в сознании другой стороны как аффилированные именно с властью (независимо от источников финансирования, уставных документов и т.п.). Учитывая, что возможности гораздо шире, если работать с разными типами негосударственных акторов, важно расширить их список, в частности активно привлекать академические круги и университеты.

Новая публичная дипломатия

Публичная дипломатия как оформленное теоретическое направление реализации внешней политики и дипломатии изначально появилась в США и ведет свою историю с середины XX в. В ее задачи входило представление позитивного образа государства вовне.

Пережив упадок в 1990-е годы под действием иллюзии «конца истории», американская публичная дипломатия возродилась с новой силой после трагедии 11 сентября 2001 г. [Долинский, 2011б]. США определили в качестве политической задачи необходимость воздействия на общества арабских стран с тем, чтобы изменить в них отношение к Соединенным Штатам.

Немного позднее и другие государства, решая свои задачи, обратились к инструменту публичной дипломатии. Так, Россия, активизируя свою внешнюю политику в начале XXI в., стала создавать фонды («Рус-

ский мир», Фонд публичной дипломатии им. А. М. Горчакова и др.), а также открыла телевизионный канал *Russia Today*.

Вскоре США пришли к выводу, что действовать привычными методами публичной дипломатии в условиях значительно измененной политической организации мира становится недостаточно эффективным. Теоретическое осмысление новых условий привело к заключению о необходимости более активного использования негосударственных акторов в публичной дипломатии [Mellissen, 2005]. В XXI в. негосударственных акторов не только стало значительно больше [Gotz, 2011], но и усилилось их взаимодействие с государствами. Кроме того, значительное число авторов стало указывать на то, что характер коммуникации в информационный век изменился [см., напр., Leonard, Alakeson, 2000].

В то же время представляется, что наиболее значимые моменты, обусловившие новую публичную дипломатию, связаны со следующими аспектами. Во-первых, существенным отличием новой публичной дипломатии от практики периода холодной войны является ее ориентирование на концепцию «мягкой силы», поэтому в ее арсенале отсутствуют инструменты, связанные с использованием лжи, шантажа, нажима и т.п.

Во-вторых, новая публичная дипломатия обращает внимание на необходимость отказа от монолога и формирования диалога с обществами других стран [Melissen, 2005; Cull, 2008; Зонова, 2012], а также с ее сетевой природой и неразрывностью характера воздействия на внешнюю и внутреннюю аудиторию [Melissen, 2005]. Так, ранее публичная дипломатия рассматривалась скорее как «улица с односторонним движением», т.е. общество, на которое оказывалось воздействие, выступало в качестве объекта (система отношений «субъект-объект»). Новая публичная дипломатия исходит из системы «субъект-субъектных» отношений. Иными словами, предполагается, что противоположная сторона активна и может по-разному интерпретировать направленные на нее действия. Кроме того, противоположная сторона сама может применять инструмент «мягкой силы» в ответ. При этом подчеркивается, что эффективным оказывается выстраивание отношений по принципу диалога. В настоящее время США большое внимание уделяют формированию диалога с обществами других стран. В определенной мере это происходит под влиянием европейцев [Долинский, 2011].

Наконец, в-третьих, публичная дипломатия XXI в. связана с достаточно широким использованием лоббистских бизнес-структур для формирования позитивного образа государства [Gilboa, 2001]. Интересно,

что государство нередко обращается не к своим бизнес-структурам, а к тем, которые действуют в том или ином регионе, а также являются ведущими пиар-агентствами, как, например, *Ketchum*. В принципе в этой сфере происходит то же, что и при обращении государств к рейтинговым агентствам, а именно крупные бизнес-структуры все больше становятся в этом смысле «наднациональными».

Выстраивание взаимодействия с обществом других государств предполагает осознание того факта, что любое общество неоднородно. Для одной социальной группы привлекательно одно, а для другой — другое. Поэтому не может быть универсальной привлекательности или, иными словами, универсальной «мягкой силы», а следовательно, и универсальной публичной дипломатии. Например, российское образование в области медицины привлекательно для многих жителей Индии в соответствии с критерием «цена — качество» и с целью дальнейшей их работы в сельской местности или в центрах, где отсутствует сложная и дорогая аппаратура. Для большинства жителей Европы и США подобное медицинское образование не столь привлекательно. Они ориентированы скорее на более дорогое медицинское образование, но в большей степени технически оснащенное. Поэтому при использовании публичной дипломатии, а также при ее изучении и оценке эффективности влияния важно определить, насколько адекватно выбран адресат именно для данного типа воздействия.

Другой важный момент в реализации публичной дипломатии — то, что на международной арене в одно и то же время действуют множество акторов, обладающих различными стратегиями публичной дипломатии и одновременно теми или иными характеристиками, которые воспринимаются негативно. Так, уровень развития кубинской медицины может быть привлекательным, в то время как уровень жизни населения страны такой характеристикой не обладает. При использовании публичной дипломатии государство встречает конкуренцию со стороны других. В результате различные государства, а также негосударственные акторы порой со своей публичной дипломатией конкурируют друг с другом за внимание третьих сторон. В этих случаях разные акторы пытаются найти свою специфическую нишу. Например, в отношении Центральной Азии Европейский союз предлагает образовательные программы, которые включают вопросы прав человека, природоохранные проблемы, в то время как США в этом регионе концентрируются на молодежных программах и программах по новым технологиям [Лебедева и др., 2016]. Тем самым в результате взаимодействия на международной арене происходит своеобразная конкуренция стратегий ис-

пользования публичной дипломатии участниками. От того, как будет выстроена стратегия реализации публичной дипломатии и будет ли она выстроена вообще, зависит успешность воздействия.

Конкуренция различных государств за свою привлекательность исследована явно недостаточно, поскольку большинство научных работ сконцентрировано на анализе публичной дипломатии того или иного государства без учета деятельности других акторов на международной арене. Отчасти эти вопросы рассматриваются в исследованиях в рамках информационного и идеологического противоборства. Однако там акценты смещаются в сторону рассмотрения вопросов «действие—противодействие», взаимной дискредитации сторон и т.п. Они не сконцентрированы в области формирования привлекательности образа и по этой причине.

Публичная дипломатия в условиях конфликта и кризиса

В современные конфликты, как подчеркивается почти всеми авторами, вовлекается множество участников и посредников, как внутренних, так и внешних. В результате урегулирование конфликта значительно усложняется, поскольку практически невозможно просчитать, во-первых, какие действия предпримет каждый из них, во-вторых, какие последствия данные действия вызовут. В этой ситуации обычно осуществляется комплексное воздействие на различных участников, в том числе с привлечением публичной дипломатии.

Государства, а также международные организации привлекают НПО и бизнес для предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов, а также для восстановления отношений между представителями конфликтовавших сторон, так как сама сложность, многоплановость современных конфликтов (участие во внутренних конфликтах различных боевых групп, вовлечение этнического, религиозного факторов и т.п.) требует и соответствующего воздействия на них. В частности, неправительственные организации с их разнородностью (обычно урегулированием конфликта одновременно занимаются многие неправительственные организации с разной ориентацией и направленностью) здесь крайне полезны, поскольку воздействуют на разные группы населения.

Воздействие государства на зарубежное общество в условиях конфликта и кризиса может быть двояким. В первом случае это воздействие осуществляется в рамках противоборства. Большое количество работ в этой области существует по информационным войнам, «цвет-

ным революциям» и т.п. И хотя такое противоборство нередко определяется как «мягкая сила» или публичная дипломатия, по своей сути оно таковым не является, но в ряде случаев подобное воздействие может быть эффективным.

Новая публичная дипломатия основана на концепции «мягкой силы», понимаемой не просто как отсутствие военных действий, а именно как формирование привлекательности. Поэтому информационные войны и прочие противостояния выходят за рамки публичной дипломатии. Впрочем, грань здесь довольно условная. Так, военная мощь, победы над противником могут быть привлекательны и их демонстрация может использоваться публичной дипломатией. Тем не менее собственно публичная дипломатия в условиях конфликта не связана с противостоянием сторон и представляет собой другой тип воздействия на общества в условиях конфликта. Эти вещи важно различать.

В условиях конфликта особую роль приобретает дипломатия относительно нейтральной, т.е. третьей, стороны. Сегодня такой стороной часто выступает государство, группа государств, неправительственные организации, бизнес-структуры. Действуют они нередко в конфликте одновременно. В связи с этим остро встает проблема взаимоотношений официальной дипломатии с гражданскими и бизнес-структурами, а в более широком плане — вообще проблема согласования действий акторов, участвующих в процессе урегулирования конфликта. В идеале каждый участник, вовлеченный в урегулирование конфликта, должен заниматься своим делом при общей согласованности действий. Именно это подразумевает многонаправленная дипломатия при урегулировании конфликтов [Diamond, McDonald, 1993]. Так, для НПО характерны следующие функции в конфликте: реабилитационная (налаживание отношений после окончания вооруженной стадии конфликта); превентивная, предполагающая раннее предупреждение конфликта; мониторинг соблюдения прав человека; деятельность, направленная на разрешение конфликта и примирение конфликтующих сторон [Aall, 1996].

Реализация этих функций НПО обеспечивается тем, что у неправительственных организаций обычно устанавливаются довольно хорошие и обширные связи среди различных слоев населения. На уровне массового сознания они часто рассматриваются как наиболее независимые. Неправительственные организации обладают, как правило, довольно обширной информацией с мест [Risse, 2002]. Кроме того, представители НПО могут действовать в отдаленных областях, работая непосредственно с населением в зоне конфликта, куда доступ официальным ли-

цам не всегда открыт. Наконец, в современных конфликтах, большей частью внутренних, представители официальных структур не всегда могут установить контакты с лидерами противоборствующих сторон. Это порой лучше удается делать представителям НПО [Лебедева, 1998].

Бизнес-структуры в условиях конфликта могут обеспечивать финансирование деятельности НПО, а также способствовать реализации совместных бизнес-проектов представителями конфликтующих сторон. Например, такие проекты были на Ближнем Востоке. В них участвовали как палестинцы, так и израильтяне.

Отсутствие согласования и координации действий между акторами, которые пытаются урегулировать конфликт, приводит к его усилению и даже появлению новых конфликтов. В этом отношении показателен пример, который приводит А. С. Нациос. Во время конфликта в Руанде в середине 1990-х годов в соседних деревнях гуманитарная помощь распределялась двумя различными НПО. В одной деревне НПО выдавала помощь всем нуждающимся, а в соседней другая неправительственная организация — только тем, кто участвовал в проекте, ориентированном на снижение напряженности. В итоге из-за полученной гуманитарной помощи возник конфликт между жителями этих двух деревень [Natsios, 1996].

Негосударственные структуры, через которые нередко осуществляется публичная дипломатия, имеют и другие ограничения, не только связанные с автономностью поведения и согласованностью действий. Так, неправительственные организации, работая с населением, часто не видят целостной картины конфликта [Natsios, 1996], в результате их действия оказываются односторонними. Есть немало вопросов и к квалификации представителей НПО. В одних случаях это действительно высокопрофессиональные специалисты, в других — волонтеры, не имеющие необходимых навыков и знаний.

Еще один аспект, важный для публичной дипломатии именно в ситуации конфликта. Публичная дипломатия обладает инструментами, ориентированными как на долгосрочные, так и на краткосрочные цели. К краткосрочным инструментам в значительной степени относятся СМИ. Е. П. Панова отмечает по поводу СМИ, что «по продолжительности воздействия этот инструмент явно уступает культурно-образовательным программам и научно-политическому дискурсу, однако успешен для достижения быстрых результатов» [Панова, 2010: 96]. Образовательные же программы, напротив, направлены на реализацию долгосрочных целей при реализации «мягкой силы» [Панова, 2011] и соответственно публичной дипломатии.

В вооруженном конфликте на первый план, прежде всего, выступают краткосрочные цели, причем в рамках публичной дипломатии они могут быть различными: направленными на то, чтобы прекратить вооруженное противостояние и урегулировать конфликт, или ориентированными на поддержку одной из сторон конфликта. В последнем случае особо интенсивно используются СМИ. В результате разворачиваются массмедийные или информационные войны, широко описанные в литературе. Задача этих войн в том, чтобы вытеснить из информационного поля других участников [Долинский, 2011а]. В условиях трансграничности, распространения Интернета и социальных сетей сегодня такие действия наблюдаются все чаще. В результате средства публичной дипломатии сопровождаются, а иногда подменяются средствами информационных войн.

В то же время большое значение в условиях конфликта придается и образовательным программам с целью его урегулирования. Так, А. И. Кубышкин и Н. А. Цветкова приводят пример активизации образовательной деятельности США в Боснии в середине 1990-х годов, которая «была охвачена американскими программами гражданского обучения» [Кубышкин, Цветкова, 2013: 137]. На первый взгляд такое поведение представляется противоречащим тезису о том, что образование ориентировано на долгосрочные цели, а в условиях конфликта необходимо, прежде всего, постараться снизить уровень противостояния или, в других случаях, поддержать одну из сторон, т.е. реализовать краткосрочные цели. Однако это не совсем так. Во-первых, образовательные программы могут не только выполнять долгосрочные функции по формированию определенных ценностей, установок, а также созданию политической элиты, но иметь и краткосрочный демонстрационный эффект, символизирующий помощь государства, предоставляющего такие программы.

Во-вторых, если говорить о разрешении конфликтов, восстановлении отношений противоборствующих сторон, то здесь как раз нужны долгосрочные цели. Это было хорошо показано в исследованиях ряда авторов еще в 60–70-е годы прошлого столетия на примере специально организованных семинаров представителей конфликтующих сторон на Кипре, в Израиле, в регионе Африканского Рога. Цель этих семинаров заключалась в том, чтобы выявить искажения в восприятии ситуации каждого из участников конфликта, сделать его более адекватным и попытаться найти решения выхода из конфликта [см., напр., Kelman, 1972; Doob, 1974]. В качестве организаторов семинаров выступили представители академических кругов. Как писали позднее Г. Келман и С. Коэн,

этот подход уникален, поскольку он способен вызывать изменения на политическом уровне через изменения в индивидуальных восприятиях и отношениях [Kelman, Cohen, 1979]. Неофициальные рабочие встречи-семинары между представителями конфликтующих сторон получили довольно широкое распространение и являются важным инструментом воздействия на конфликты с целью их мирного разрешения.

Российская публичная дипломатия, которой в последние годы стало уделяться значительное внимание, все же в меньшей степени ориентирована на работу в конфликтных ситуациях. НПО, структуры Россотрудничества работают по продвижению русского языка, российской культуры в зарубежных странах, но в целом не занимаются проблемами урегулирования конфликтов. В конфликте российская публичная дипломатия ограничивается в основном воздействием посредством СМИ, в том числе и «новых СМИ». Практически вне конфликтной сферы оказывается бизнес, который если и вовлекается в конфликтную проблематику, то не в области публичной дипломатии. Наконец, практически невостребован академический потенциал российской публичной политики в его прикладном аспекте по урегулированию конфликтов. Явно недостаточно сегодня используются и возможности университетов для урегулирования вооруженных конфликтов. И это несмотря на то, что в российской литературе публикуются работы, показывающие роль научных контактов для развития публичной дипломатии [см., напр., Ягья, Пономарева, 2015]. Университеты могут выступать своеобразными площадками по выработке путей выхода из конфликта, обучения навыкам ведения переговоров и т.п.

ВЫВОДЫ

Современная (новая) публичная дипломатия представляет собой набор сложного инструментария, установок и ценностных ориентиров. Понятие «публичная дипломатия» оказывается довольно неопределенным, по-разному понимаемым разными авторами. Это на практике вызывает трудности в выборе инструментов воздействия, а главное — в адекватности их применения в той или иной ситуации. Воздействие на общества других государств порождает противодействие, что может выливаться в различные формы, вплоть до информационных войн, которые, однако, не являются ни «мягкой силой», ни проявлением публичной дипломатии. Тем не менее информационные войны в ряде случаев оказываются действенным средством воздействия. Однако важно понимать их возможности и ограничения.

Не менее сложно обстоят дела и с собственно публичной дипломатией, ориентированной на формирование привлекательности. Здесь возникает проблема в успешном сочетании и использовании официальных и неофициальных каналов воздействия. Официальные каналы нередко воспринимаются как пропагандистские, в то время как неофициальные — как менее поддающиеся регулированию и общему согласованию. Один из путей преодоления этих сложностей в России — создание координирующего органа [Долинский, 2013]. Причем координирующий орган должен заниматься именно координацией, а не выполнять функции «высшей инстанции». Он также должен выполнять консультативные функции, давая возможность всем участникам, занимающимся урегулированием конфликта (включая НПО, которые часто исключаются из координации [Aall, 2013]), обмениваться информацией, технологиями и т.д.

В связи с трансформацией политической организации мира будет изменяться и публичная дипломатия. Так, пока не получила должного развития публичная дипломатия наднациональных образований, несмотря на то, что еще в 2005 г. Я. Мелиссен указывал, что Европейский союз и ООН могут иметь свою публичную дипломатию [Melissen, 2005]. Правда, стали появляться отдельные работы по этой проблеме [см., напр., Rasmussen, 2009]; глава Т. В. Зоной в данной монографии также посвящена анализу публичной дипломатии. Для России особенно важна публичная дипломатия ЕАЭС и БРИКС. Сетевые взаимоотношения в рамках публичной дипломатии в значительной степени пока лишь констатируются, но не подвергнуты тщательному анализу. Исключение составляет воздействие, оказываемое через социальные сети и Интернет. Но и это воздействие исследуется в основном в плане идеологического и политического противостояния.

В целом же, отвечая на вопрос, поставленный в заголовке данной главы, представляется, что перед публичной дипломатией открываются новые горизонты. Проблемой же остается, какой по своему содержанию и инструментарию будет эта публичная дипломатия будущего. Вопросов много, но, пожалуй, еще больше их появится в будущем.

ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Публичная дипломатия в научной литературе обсуждается преимущественно как практика мирного времени, исследований публичной дипломатии в условиях конфликтов крайне мало [Van Nam, 2003; Setetko, 2009]. При этом большинство институтов современных международных отношений сформировалось в военное время и несет на себе его отпечаток. Как показывают современные археологические и антропологические исследования, «естественное состояние» человека было скорее ближе к «войне всех против всех» по Гоббсу, чем к «золотому веку» человечества по Руссо [Morris, 2014]. Историческая социология, в свою очередь, показывает, что и современная система международных отношений родилась из войны. «Война создала государство, а государства ведут войны» [Tilly, 1992] и формируют систему международных отношений. Со временем эволюция системы международных отношений, возможно, отдаляет нас от гоббсианской войны и приближает к миру Руссо или Канта [Bull, 2012]. Тем не менее, учитывая эффект зависимости от пройденного пути (*path dependence*) [March, Olsen, 1983], современные институты мира не могут не сохранять генетическую память войны. Поэтому так важно обращаться к изучению военного измерения существующих институтов мировой политики. Такой анализ позволяет, в частности, определять условия эффективности и возможные направления дальнейшей эволюции изучаемых институтов и практик.

В данной главе разберем существующие модели публичной дипломатии, подробно остановимся на колониальной модели, в которой военное измерение публичной дипломатии раскрывается в полном объеме, а в конце обсудим эффективность публичной дипломатии в условиях конфликта.

Понятие публичной дипломатии

Публичная дипломатия описывается в научной литературе как относительно новое явление. Большинство работ рассматривает кейс США и связывает развитие этого явления с холодной войной. При этом практически все публикации по этому вопросу начинаются признанием, что публичная дипломатия остается спорным понятием. Вклад в развитие теории публичной дипломатии внесли сразу несколько научных направлений. Теория международных отношений в лице Дж. Ная [Nye, 2004] и его сторонников [Bátora, Van de Craen, 2006; Melissen, 2005] определила «мягкую силу» в качестве инструмента публичной дипломатии; коммуникационные исследования показали, что публичная дипломатия базируется на взаимодействии трех компонентов: правительство, медиа и общественное мнение [Soroka, 2003]; исследователи связей с общественностью раскрыли общность публичной дипломатии и PR: обе эти практики во многом схожи, а следовательно, весь багаж знаний, теорий, методов и моделей, наработанный в PR, применим и к публичной дипломатии [Ham, 2002; Grunig, 1993]. В последнем случае публичная дипломатия интерпретируется как способ управления репутацией страны на международной арене [Wang, 2006].

Расцвет публичной дипломатии пришелся уже на постбиполярный период и связан как минимум с тремя революциями: в международных отношениях, технологиях массовой коммуникации и политике [Gilboa, 2008]. Революция в СМИ — это появление Интернета и глобальных СМИ, таких как CNN. Политическая революция заключается в третьей волне демократизации, которая привела к росту массового участия в политике [Huntington, 1993]. Революция в международных отношениях проявилась в том, что государства все чаще стали конкурировать не за территории и ресурсы, а за свои репутации, за свою привлекательность для инвестиций, идей, талантов, культур [Luttwak, 1990; Strange, 1996].

Первые попытки концептуализации публичной дипломатии сконцентрировались на вопросе целей. К примеру, Г. Малоун дает типичное для своего времени определение: «Это прямая коммуникация с народами зарубежных стран с целью повлиять на их мышление и в конечном счете повлиять на их правительства» [Malone, 1985: 199]. Таким образом, возникает двухступенчатая модель влияния: сначала на иностранное общественное мнение, которое затем влияет на свое правительство. При этом автор этого определения не обсуждает, например, принципиальный вопрос контроля коммуникации.

В дальнейшем исследователи обратили внимание на акторов и содержание коммуникации в публичной дипломатии. Так, Гач опреде-

ляет публичную дипломатию как «процесс общения правительства с иностранными обществами с целью добиться понимания у них своих национальных идей и идеалов, институтов и культуры, а также национальных целей и политики» [Tuch, 1990: 3].

В начале 1990-х годов на концептуализацию публичной дипломатии оказывает значительное влияние исследование связей с общественностью (PR). Одно из наиболее популярных определений публичной дипломатии того времени формулируется как «способ, которым государственные и негосударственные акторы прямо или косвенно влияют на те общественные отношения и мнения, которые оказывают непосредственное влияние на внешнюю политику иностранного правительства» [Signitzer, Coombs, 1992: 138]. С точки зрения авторов этого определения различия между публичной дипломатией и международными связями с общественностью (*international public relations*) носят только субъективный, но не содержательный характер. Публичной дипломатией занимаются правительства, а международными связями с общественностью — бизнес-структуры.

К середине 1990-х годов произошло определенное смещение терминов «публичная дипломатия» и «медийная дипломатия». В публикациях на данную тему эти понятия были разделены следующим образом: публичная дипломатия — правительство одной страны оказывает влияние на общественное мнение в другой стране; медийная дипломатия — правительство одной страны оказывает влияние на правительство другой страны посредством медийных каналов [Rawnsley, 1995].

К началу 2000-х годов в литературе появилось понятие «новая публичная дипломатия», что стало отражением глобализации информационного общества. До сих пор это понятие остается спорным. С одной стороны, предлагается с его помощью фиксировать размывание границы между внутригосударственной и международной информационной политикой, между официальной и публичной дипломатией [Vickers, 2004]. С другой стороны, у многих исследователей возникают сомнения относительно необходимости менять понятие, в котором изначально содержатся идеи размывания всех указанных выше границ [Potter, 2002; Melissen, 2005].

Три модели публичной дипломатии

На начало 2017 г. в научной литературе сформировались три основные модели публичной дипломатии: *модель холодной войны*, *транснациональная модель*, *внутригосударственная PR-модель* [Gilboa, 2008].

Первая модель сложилась в годы холодной войны, она предполагает использование публичной дипломатии в контексте долгосрочного противостояния. Цель такой дипломатии заключалась в смягчении враждебного отношения правительства противоположной стороны через информационное влияние на гражданское общество и противодействие негативной пропаганде. Основными каналами такой дипломатии были радио и телевидение.

С увеличением количества и качества участия негосударственных акторов в мировой политике модель публичной дипломатии холодной войны уступила место транснациональной модели. Основные акторы данной модели — негосударственные участники. Для своих целей они используют глобальные телекоммуникационные сети, действуя поверх национальных границ. Ярким примером реализации данной модели являются события «арабской весны». Демократическая оппозиция, используя глобальные информационные сети, в том числе социальные, организует глобальную PR-поддержку своих усилий. Благодаря этому правительства начинают испытывать международное давление и им уже сложнее подавлять выступления оппозиции. Эти PR-кампании правительства интерпретируют по модели холодной войны как враждебные действия со стороны внешних игроков. Под подозрение, как правило, попадают США. Однако, скорее всего, происходит ошибка восприятия. Транснациональная модель существенно отличается от модели холодной войны, она не конфронтационная и реализуется негосударственными акторами с использованием транснациональных информационных каналов.

Если во времена холодной войны государства использовали свои национальные информационные каналы для публичной дипломатии, то в рамках внутригосударственной PR-модели государство нанимает PR-компании и лоббистов в иностранном государстве для проведения там кампаний публичной дипломатии. Самыми известными примерами реализации этой модели можно считать кейсы Кувейта и России. Во время агрессии Саддама против Кувейта местный монарх в изгнании нанял американскую PR-фирму *Hill and Knowlton*, чтобы она обеспечила поддержку со стороны американского общества, Конгресса и СМИ военной кампании во главе с США против Ирака. Россия пользовалась услугами американской PR-компании *Ketchum*, которая с середины 2000-х годов старалась создать положительный образ России и Газпрома в США. Однако в связи с украинским кризисом от услуг *Ketchum* пришлось отказаться, так как, по словам пресс-секретаря Президента России Д. Пескова, «общая атмосфера в настоящий момент мало под-

вержена пиар- и коммуникационным усилиям в условиях реальной коммуникационной войны, которая имеет место»¹.

«Колониальная» модель публичной дипломатии

«Колониальная» публичная дипломатия в научной литературе не описана. Это авторская концепция, строящаяся на работах по исторической социологии и анализе современных кейсов коммуникации между военными одного государства и гражданским населением другого государства. Именно в этой модели военное измерение публичной дипломатии реализуется наиболее полно.

«Колониальная дипломатия» возникает в связи с необходимостью выстраивания отношений с мирным населением на завоеванной территории или на территории конфликта, если завоеватели планируют там остаться и развивать территорию. Развитие территории со времен Древнего Рима было эффективной стратегией покорения населения. Территорию необходимо было зачистить от вооруженного неприятеля, удерживать продолжительное время и обеспечить ее социально-экономическую реконструкцию по цивилизационному образцу завоевателей.

Пересказывая историю Ветхого Завета как историю борьбы оседлого населения с кочевниками, И. Кант красочно описывает работу «мягкой силы» публичной дипломатии (естественно, что в эпоху Канта эти термины были неизвестны). «Со временем, — пишет Кант, — все увеличивающаяся роскошь горожан, в особенности их искусство нравиться, благодаря которому городские дамы затмевали чумазых женщин пустыни, должна была стать для кочевников влекущей приманкой и побуждать их к вступлению в союз со своими врагами и разделению с ними блистательной нищеты города» [Кант, 1994: 84–85].

Если реконструкция удавалась, то иностранные цивилизационные образцы становились привлекательными для местного населения, и они постепенно их интернализировали. В качестве курьезного можно привести пример, как в Намибии члены местного племени гереро, увидев женские одежды викторианской эпохи, были настолько восхищены ими, что вплоть до настоящего времени стали пользоваться ими как национальным типом одежды.

Если реконструкция не происходила из-за нежелания завоевателей либо из-за невозможности (например, горная местность), население оставалось непокоренным, враждебным. Выстроить устойчивый мир на такой территории оказывалось затруднительно.

Развитие территории означало строительство не только физической инфраструктуры, но и институциональной основы мира. Завоеватели были уверены, что, пожив в условиях мира и процветания, местное население признает их власть. Для институционального развития необходима соответствующая культура, а следовательно, письменность и воспитание нравов. В конечном счете покорение чужеземцев сводилось к их перевоспитанию.

История показывает, что расширение римской, китайской, персидской империй проводилось путем «продуктивных войн»² и колониальной дипломатии. Средние века были эпохой «непродуктивных войн», так как оседлые народы не могли окончательно одолеть кочевников. В Новое время происходит возврат к продуктивным войнам и «колониальной дипломатии». Завоеватели обычно занимались развитием покоренных территорий, в том числе и после Первой и Второй мировых войн. Сегодня, с точки зрения Я. Морриса, мы снова переходим к эпохе непродуктивных войн. При этом «колониальная дипломатия» продолжает практиковаться (примеры приводятся ниже), но без продуктивных войн она оказывается, как правило, неэффективной.

Покоряемое население воспринималось европейскими военными администрациями как «другое» [Said, 1979]. Подчеркнуть колониальность военной публичной дипломатии можно с помощью аналитического приема, предложенного П. Джексоном в его размышлениях о «цивилизации» как концепции [Jackson, 1999]. С его точки зрения принципиально важно, кто именно описывает цивилизацию: исследователь как внешний наблюдатель или носитель цивилизационной идентичности как включенный участник отношений между цивилизациями. Эти два параметра позволяют отделить колониальную практику от неколониальной. Колониализм основывается как раз на онтологии внешнего наблюдателя, воспринимающего объект своего наблюдения как внешний, «другой», который необходимо изучить, описать, подчинить, но при этом сохранить на расстоянии от себя (прежде всего, на социальном расстоянии). Поэтому колониальная практика была неразрывно связана с такими общественными науками, как антропология, этнография, история.

Онтология внешнего наблюдателя основана на инструментальной рациональности. Эта рациональность лежит в основе стратегического действия, направленного на максимально эффективное достижение цели, ценность и значение которой не ставятся под вопрос. Инструментальной рациональности подчинено общение в форме торга. В ходе такого общения интересы и идентичности акторов не претерпевают из-

менения, цель заключается в максимизации предпочтений. Инструментальная рациональность описывается теорией рационального выбора.

Онтологии включенного наблюдателя соответствует коммуникативная рациональность. В отличие от остальных форм рациональности она основана на intersubъективном процессе аргументированного обсуждения; его цель — поиск консенсуса, который становится основанием для совместного действия (коммуникативного действия). Ценности, интересы и предпочтения акторов в ходе такой дискуссии претерпевают изменения. Основное отличие коммуникативной рациональности заключается в ее intersubъективности. У нее нет привязки к эффективности (инструментальная рациональность), к общественным нормам и правилам (нормативная рациональность), к субъективной рефлексии, психологии актора (драматургическая рациональность). Коммуникативная рациональность формируется в ходе дискуссии, определяется дискуссией и принадлежит участникам дискуссии.

«Колониальная публичная дипломатия» совместима с любой идеологией, основанной на инструментальной рациональности (практически все идеологии модерна), и чужда системам идей, основанным на коммуникативной рациональности (различные идейные течения постмодерна). Например, в XIX в. «колониальная публичная дипломатия» уживалась с либерализмом. Империализм долгое время оставался внешнеполитическим инструментом либеральных империй Нового времени, хотя и очень противоречивым [Bell, 2016].

Примеры публичной дипломатии в ходе завоевательных походов

Примеры описания публичной дипломатии в ходе завоеваний можно обнаружить в классических текстах Н. Макиавелли и Э. Саида, а также в описаниях завоеваний римских полководцев Помпея Великого и Агриколы.

В 67 г. до н.э. сенат отправил Гнея Помпея на борьбу с пиратами, которые свирепствовали в греческих морях. Помпей разделил Средиземноморье на 13 секторов и за одно лето один за другим освободил их от пиратов, реализуя стратегию «зачистить, удержать, реконструировать». При этом захваченных и сдавшихся пиратов он не убивал. Плутарх этот эпизод описывает следующим образом: «Что касается самих пиратов (а их было взято в плен больше двадцати тысяч), то казнить всех Помпей не решился; с другой стороны, он считал неблагоприятным-

ным отпустить разбойников на свободу и позволить им рассеяться или вновь собраться в значительном числе, так как это большей частью были люди обнищавшие и вместе с тем закаленные войной. Помпей исходил из убеждения, что по природе своей человек никогда не был и не является диким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопреки своему естеству, мирные же обычаи и перемена образа жизни и местожительства облагораживают его. Даже лютые звери, когда с ними обращаются более мягко, утрачивают свою лютость и свирепость. Поэтому Помпей решил переселить этих людей в местность, находящуюся вдали от моря, дать им возможность испробовать прелесть добродетельной жизни и приучить их жить в городах и обрабатывать землю» [Плутарх, 1994]. Перевоспитав пиратов в земледельцев, Помпей не только решил проблему пиратства, но и создал лояльные Риму поселения.

В 77 г. н.э. Юлий Агрикола покорял Британию. Лето этого года он провел в сражениях и успешно подавил сопротивление, а зимой занялся воспитанием местного населения. Тацит об этом повествует так: «Рассчитывая при помощи развлечений приучить к спокойному и мирному существованию людей, живущих уединенно и в дикости и по этой причине с готовностью берущихся за оружие, он частным образом и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превознося похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов, и соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение. Больше того, юношей из знатных семейств он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью» [Тацит, 1993: 21].

Изучая историю римских завоеваний, Макиавелли также советовал своему государю в случае завоевания страны, которая отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, использовать «колониальные практики», а именно: переселиться туда самому и учредить там колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. «Только живя в стране, — пишет Макиавелли, — можно заметить

начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она пойдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо взывать к суду государя» [Макиавелли, 2001: 52]. Колонии же будут менее обременительны и для населения, и для государя по сравнению с размещением в завоеванной стране войска на постоянной основе.

В Новое время основой колониальной практики покорения чужой культуры стала экспедиция Наполеона в Египет в 1789 г. Э. Саид пишет, что это вторжение во многом оказалось «моделью подлинно научного освоения одной, очевидно более сильной культуры, другой. Именно с наполеоновской оккупацией Египта пришел в движение процесс выстраивания отношений между Востоком и Западом, который до сих пор определяет наши культурные и политические перспективы» [Саид, 2006: 67]. Арабского хроникера этой экспедиции Абд-ал-Рахмана ал-Джабарти более всего изумило то, что Наполеон использовал ученых для налаживания контактов с местными жителями. «Когда Наполеон понял, что его армия слишком мала, чтобы навязать свою волю египтянам, он попытался привлечь на свою сторону местных имамов, кади, муфтиев и улемов, чтобы они толковали Коран в пользу Grande Armée. С этой целью он пригласил шестьдесят обучавшихся в Азхаре (Azhar) улемов в свою штаб-квартиру, где им были оказаны все воинские почести, а затем они выслушали льстивые признания Наполеона в восхищении исламом и Мохаммедом, а также в его полном почитании Корана, с которым он был, по-видимому, неплохо знаком. Это себя оправдало, и вскоре население Каира, как кажется, утратило всякое недоверие к оккупантам» [Саид, 2006: 128–129]. Объединение науки (общественной науки) и административной власти в контексте управления населением на новых территориях получает в дальнейшем свое развитие в практике колониализма. Публичными дипломатами при этом выступают имперские администраторы.

Ярким примером «колониальной публичной дипломатии» в XX в. может служить американская политика денацификации побежденной Германии. Оккупационные власти буквально перевоспитывали немецкий народ. Как отмечает Г. Кун, слово «*Umerziehung*» (перевоспитание) использовалось в немецких документах того времени в буквальном смысле без кавычек [Кун, 2007]. Перевоспитание населения начиналось с эстетической шоковой терапии. Население принуждали осматривать концлагеря, просматривать документальный фильм о лагерях уничтожения «Жернова смерти». Политолог К. Васмунд пишет: «Дена-

цификация и перевоспитание, по первоначальному замыслу союзников, имеют такую же тесную взаимную связь, как поршень и цилиндр машины... Замысел предусматривал воспитание или перевоспитание взрослых и особенно детей и молодежи в убежденных демократов, с помощью надежных, политически безупречных немцев, посредством прессы, радио, кино» [Кун, 2007].

Вся немецкая пресса была сразу же запрещена оккупационными войсками. Американские военные, а именно отдел психологического ведения войны занялся производством газет для немцев. Первой газетой, которую стали выпускать уже не американские военные, а немецкие журналисты, стала «Новая газета». В первом номере была статья Эйзенхауэра, сообщавшая читателям, что: «Германия обязана превратиться в страну мирных тружеников, в которой каждый получит возможность проявить свою инициативу... Физическую демилитаризацию мы доведем до конца, но она одна не создаст гарантии, что Германия в будущем снова не втянет мир в войну. Для всех народов земли война сама по себе нечто аморальное, но немцы должны быть перевоспитаны для понимания этой самоочевидной истины. Также в этом аспекте немцам предстоит самим искоренить опасные ростки своей философии» [Кун, 2007].

В 1952 г. социологические опросы западных немцев показали американцам, что образ США у респондентов складывался главным образом из информации от соотечественников, которые побывали в США. После этого американцы значительно расширили финансирование программ академического и профессионального обменов. Десять лет спустя 31% членов бундестага, 53% бундесрата и 70% кабинета министров ФРГ были выпускниками какой-либо американской обменной программы [Data Driven Public Diplomacy, 2014: 9].

Сегодня ни одна война с участием сухопутных сил развитых государств, особенно США, не обходится без специалистов по связям с общественностью. В качестве яркого примера можно привести американскую кампанию в Ираке в начале 2000-х годов. Осознание ключевой роли мирного населения в борьбе с повстанцами в Ираке, связанное с именем американского генерала Дэвида Петреуса [Mansoor, 2013], позволило американцам переломить ситуацию. Петреус оказался внимательным учеником французского подполковника Д. Галула, который в своих теоретических работах постарался осмыслить опыт французов в колониальных войнах в Индокитае и Алжире [Galula, 2006]. Главной максимой Галулы стал тезис о том, что основная задача военных в борьбе с повстанцами — это обеспечение безопасности мирного населения.

В этом случае оно переходит на сторону оккупационных сил и перестает помогать повстанцам, которые в такой ситуации не могут продолжать сопротивление. Петреус сравнил повстанцев с рыбой в воде, роль которой выполняет мирное население. Если завоевать доверие населения, «рыба» останется без «воды». Для установления доверительных отношений с населением, кроме обеспечения его безопасности, необходимо было постоянно вступать с ним в общение, укреплять доверие и свой позитивный имидж. Таким образом, созданная Петреусом социально-центричная стратегия³ борьбы с повстанцами [Nagl, 2008], по сути, подпадает под определение публичной дипломатии: иностранное государство в лице своих вооруженных сил напрямую взаимодействует с иностранным обществом, устанавливая с ним доверительные отношения.

Колониальные признаки современной публичной дипломатии США

Публичная дипломатия в ее современном виде сформировалась в США. Институционализована она была при Вудро Вильсоне в форме Комитета по общественной информации (*Committee on Public Information*). В задачу Комитета входило распространение официальной правительственной информации среди населения США, а после 1917 г. Комитет получил мандат на работу с зарубежной аудиторией. Руководитель Комитета Джордж Крил обозначил новую задачу как «борьба за сердца и умы человечества».

С окончанием Первой мировой войны Конгресс прекратил финансировать работу Комитета. Потребность в публичной дипломатии снова возникла только накануне Второй мировой войны. В целях противодействия распространению нацизма в Латинской Америке в Госдепартаменте было создано Подразделение по культурным отношениям во главе с Д. Рокфеллером. В ходе войны практика публичной дипломатии США расширилась за пределы Западного полушария. После Пёрла-Харбора появился «Голос Америки», который стал вещать в Европе. По окончании Второй мировой войны, как отмечалось выше, американцы использовали инструменты публичной дипломатии для «переучивания» Германии и Японии: создавались специальные журналы, снимались документальные фильмы и т.д.

В 1948 г. при Государственном департаменте была создана Консультативная комиссия по публичной дипломатии. Задача данной комиссии заключалась в распространении среди иностранных обществ информа-

ции о политике США. Эта комиссия работает до сих пор, с 2013 г. она ежегодно выпускает доклад по публичной дипломатии и международной активности в сфере телерадиовещания (*Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Activities*).

В 1999 г. в США произошла интеграция классической и публичной дипломатии, после чего началась институциональная экспансия публичной дипломатии. Произошло слияние Информационного агентства и Государственного департамента, что потребовало и изменения бюрократической культуры, и создание нового профессионального профиля дипломатической службы. При этом, согласно Консультативной комиссии по публичной дипломатии, реформа движется крайне медленно [Center, 2013]. Публичная дипломатия требует более открытого взаимодействия с общественностью, чем классическая, что сопряжено с повышенным риском и для самих дипломатов, и для их деятельности, которое реализуется в инокультурном контексте. «Хождение в народ» всегда непредсказуемо.

Теракты 11 сентября 2001 г. ускорили экспансию публичной дипломатии во внешней политике США. Еще до этого предпринимались попытки интегрировать существовавшие отдельно гражданские и военные составляющие публичной дипломатии. После терактов была предпринята попытка сформировать общий стратегический подход к «войне идей», создающий единое целое из разрозненных информационных действий дипломатов и военных. Однако лидерство в этой стратегической коммуникации захватили военные, ссылаясь на слабую организованность Госдепартамента. Консультационная комиссия отмечает, что в этот период возникло даже опасение чрезмерной милитаризации публичной дипломатии.

В результате реформ Соединенные Штаты децентрализовали дипломатическую деятельность, что привело к стиранию различий между публичной и традиционной дипломатией. Взаимодействие с иностранным гражданским обществом стало рассматриваться в США как стратегический императив для дипломатической практики. Поэтому задачи дипломатии существенно расширились. Ее приоритетами стали укрепление государственных институтов, поддержка демократических движений и укрепление гражданского общества.

Процесс интеграции публичной и традиционной дипломатии проходил эволюционно. Госсекретарь К. Пауэлл (генерал армии США, председатель объединенного комитета начальников штабов при Буше-старшем) осознал значение информационной революции для дипломатии и стал перераспределять ресурсы и кадры в пользу новых

технологических направлений, в частности на использование информационного влияния спутникового телевидения на авторитарные режимы. Госсекретарь К. Райс продолжила переосмысление дипломатии, назвав ее «трансформационной дипломатией». Госсекретарь Х. Клинтон продолжила эту работу в рамках концепции «умной силы», в которой военные и гражданские внешнеполитические усилия государства должны дополнять и усиливать друг друга, причем их соотношение должно варьироваться в зависимости от решаемой задачи.

В итоге всех этих усилий, как отмечается в докладе Консультативной комиссии по публичной дипломатии [Center, 2013], центр тяжести внешней политики США сместился в сторону общественной дипломатии.

Из всех перечисленных инициатив наиболее последовательной была «трансформационная дипломатия» К. Райс. Наверное, именно благодаря этому колониальная составляющая просматривается в ней хорошо. Представляя концепцию трансформационной дипломатии, в 2006 г. в Джорджтаунском университете К. Райс заявила: «Почти год назад в своей второй инаугурационной речи президент Буш изложил свое видение цели Америки в мире. «Политика Соединенных Штатов», сказал президент, «заключается в поиске и поддержке ростков демократических движений и институтов в каждой стране и культуре с конечной целью покончить с тиранией в нашем мире». Для достижения этой смелой миссии Америке нужна столь же смелая дипломатия. Дипломатия, которая не только сообщает о мире, но стремится изменить его. Я и другие назвали эту миссию «трансформационной дипломатией» [Rice, 2006].

В указанном императиве «трансформационной дипломатии» угадывается неожиданная рифма с известным тезисом Маркса о том, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Маркс вполне мог бы назвать свое учение трансформационной философией. И если для Маркса конечной целью этой философии было построение коммунистического общества через революцию и отказ от государства, то для трансформационной дипломатии конечная цель — построение либерально-демократического общества посредством смены режимов и государство-строительства.

Реформа дипломатической службы предполагала следующие меры:

- усиление американского дипломатического присутствия в наиболее проблемных с точки зрения американских интересов регионах мира, таких как Китай, Индия, Бразилия, Египет, Нигерия, Индонезия, Южная Африка и Ливан;

- требование ко всем дипломатам пройти службу в течение некоторого времени в горячих точках, таких как Ирак и Афганистан; при этом по крайней мере в двух регионах; и свободно владеть двумя иностранными языками, в том числе редкими;
- сосредоточение внимания на решении таких проблем, как терроризм, незаконный оборот наркотиков и распространение инфекционных болезней;
- работа с государствами на двусторонней основе с целью помочь их развитию и снижению зависимости от американской помощи.

Трансформационную дипломатию, государствовоительство, смену режимов можно рассматривать как единый либеральный комплекс, идейные корни которого уходят в теорию демократического мира [Doyle, 2011].

Условия эффективности публичной дипломатии

Четыре модели публичной дипломатии — *модель холодной войны*, *транснациональная модель*, *внутригосударственная PR-модель* и *«колониальная модель»* — можно распределить по критерию конфликтности между субъектом и объектом публичной дипломатии на две группы. В условиях конфликта реализуются модель холодной войны и «колониальная модель», при отсутствии конфликта — транснациональная модель и внутригосударственная PR-модель. Транснациональная модель может реализовываться субъектом, который находится в недружественном для себя окружении, например среди протестных групп в ходе «арабской весны».

Эффективность мирной публичной дипломатии зависит от степени ее соответствия идеальному коммуникативному акту. Таким условием, согласно Хабермасу, является наличие у акторов «общего жизненного мира» (*gemeinsame Lebenswelt*) в форме общих культуры, системы институтов, норм и правил. Кроме того, акторы должны обладать равным доступом к дискуссии и признавать друг друга в качестве ее легитимных участников. Необходимыми условиями развития коммуникативной рациональности в мировой политике, согласно Т. Риссе, являются наличие общих институтов, норм и правил; неиерархические отношения между акторами; неопределенность интересов или отсутствие определенного знания и понимания проблемной ситуации; а также существование сетевых институтов, которые служат благоприятной дискуссионной площадкой [Risse, 2000].

Социальные сети формируют среду для идеального коммуникативного акта, так как нивелируют иерархию, предоставляют коммуникативную площадку и являются инклюзивными. Однако, как показывают исследования социальных сетей, в них формируется не общий жизненный мир, а отдельные жизненные мирки. Коммуникация распадается на отдельные сообщества, которые общаются внутри себя, но не между собой [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001]. Такая плюрализация «жизненного мира» не позволяет транснациональной модели публичной дипломатии иметь всеобщий инклюзивный охват. Она должна быть таргетированной и плюрализированной. Технологии «*big data*» могут способствовать этому процессу.

Условия идеального коммуникативного акта отчасти реализуются и для внутригосударственной PR-модели. Ее непосредственными исполнителями являются не иностранные, а свои, «домашние» акторы, которые разделяют общую картину мира с объектом влияния, правительством. Тем не менее неиерархичность и инклюзивность при реализации такой модели имеют определенные ограничения, так как деятельность PR-компаний регулируется национальным законодательством, с одной стороны, а с другой стороны, эти компании не скрывают коммерческого характера своей деятельности, а значит, и наличия предвзятости в коммуникации.

Идеальный языковой акт недостижим при конфликте между сторонами коммуникации. В этой ситуации эффективность «колониальной публичной дипломатии» напрямую зависит от способности завоевателей обеспечить приемлемый мир, порядок и процветание покоренному населению. Иными словами, «колониальная публичная дипломатия» может быть успешной только в сочетании с «продуктивной войной».

Модель холодной войны фактически ушла в прошлое и сегодня практически не реализуется в чистом виде. Тем не менее в условиях обострения отношений между Россией и Западом в последние несколько лет некоторые ее формы получили второе рождение. Информационная война, ведущаяся с помощью государственных СМИ, сегодня уже стала обыденностью. Но, в отличие от времен холодной войны, основным объектом пропаганды является не иностранная, а домашняя аудитория. Эффективность этой модели напрямую зависит от ограничения альтернативных источников информации, что довольно сложно сделать в современном информационном обществе.

ГЛАВА 3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ УГРОЗАМ РОССИИ

Обычно считается, что дипломатия как традиционное средство внешней политики, представляющее собой совокупность конкретных мероприятий, приемов и методов, применяемых официальными и иными органами [Краткая российская энциклопедия, 2003] для достижения определенных политических целей, включает в себя также достаточно новое явление — публичную дипломатию [Зонова, 2007].

Существует соотношение понятий «официальная дипломатия» как частное к более общему — «публичная дипломатия». Это имеет важное политико-практическое значение: государственные (публичные) средства и способы дипломатии могут использовать в своих интересах средства и способы публичной дипломатии. Так, в СССР часто ЦК КПСС использовал в интересах внешней политики государства многочисленные общественные организации, имевшие за рубежом своих партнеров: Советский комитет защиты мира, Фонд мира, Комитет молодежных организаций, Ассоциацию содействия ООН, Союз советских обществ дружбы (ССОД) и т.д.

Сразу необходимо оговориться о спорности такого определения, по поводу которого существует немало противоречивых мнений. Считается, что в международных отношениях термин «общественная дипломатия» (или «публичная дипломатия» — *public diplomacy*) возник для обозначения аспектов международной дипломатии, не относящихся к взаимодействию между государственными структурами. Общепринятого определения «общественной дипломатии» пока не существует.

Одно из наиболее ранних (1965 г.) определений принадлежит декану Школы права и дипломатии Университета Тафта Эдмунду Галлиону [Gullion, 2015], обозначившему этим термином «программы, финансируемые правительством, направленные на информирование и воздействие на общественное мнение в других странах».

В действительности публичная дипломатия существовала с самого начала появления организованного человеческого сообщества. Еще до возникновения государственной дипломатии как формы взаимодействия между государствами на уровне родо-племенных отношений те или иные лица были заинтересованы в оказании влияния на определенный круг людей (групп, сообществ) и создании определенного мнения о себе, своем окружении и поведении.

И в Древней Греции, и в Римской империи, и в других странах существовали различные средства и методы формирования благоприятного общественного мнения — от гладиаторских боев и бесплатной раздачи хлеба до подкупа отдельных слоев населения. В Новгородской республике еще в X–XII вв., например, были специальные люди, которые должны были «перекричать» всех на вече, специальные — для распространения слухов, объема собственности и т.д.

Естественно, что в последующие столетия публичная дипломатия не исчезла из политической практики государств, но на разных этапах развития общества и государства она играла разную роль и существовала в самых разных формах. Можно говорить, что в XXI в. для нее наступил новый этап, когда она превратилась из средства обеспечения политической деятельности в решающее по своему значению средство политической деятельности, вытесняющее и интегрирующее в себе другие формы, включая самые традиционные и радикальные.

В определенном смысле произошло «сжатие» других политических и дипломатических средств, их превращение в дополнительные средства для публичной дипломатии.

Роль официальной и публичной дипломатии в XXI веке

В конце XX — начале XXI в. мы наблюдаем, как при сохранении в целом тех же политических целей у основных акторов мировой политики качественно меняются роль и значение средств официальной и публичной дипломатии. Это соотношение начало заметно меняться еще в 60-е и 70-е годы XX в., когда появились многочисленные политические и общественные организации, а также СМИ, чье влияние стало стремительно усиливаться, нередко в ущерб политико-дипломатиче-

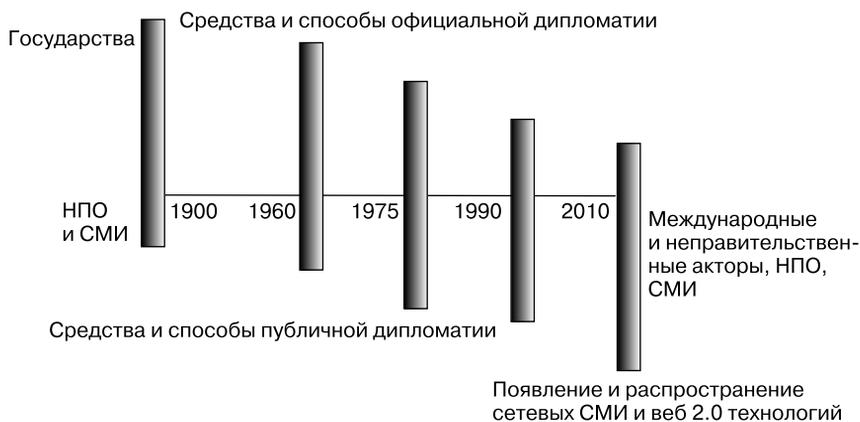

Рис. 1. Соотношение средств и способов публичной и официальной дипломатии в XX и XXI вв.

ским средствам официальной дипломатии. Рубежом, наверное, стало подписание Заключительного акта в Хельсинки в августе 1975 г., которое фактически легализовало общественные организации в качестве политических инструментов, государств и отдельных акторов. Особенно быстро этот процесс пошел после появления в начале XXI в. сетевых СМИ и Web 2.0 технологий. Очень схематично этот процесс изменения влияния и соотношения между этими средствами изображен на рис. 1.

Очевидна тенденция эволюции соотношения сил и средств официальной и публичной дипломатии, которая, безусловно, будет развиваться и в дальнейшем. Во втором десятилетии XXI в. можно уже говорить, что собственно официальная дипломатия стала частью публичной, причем, очевидно, подчиненной и производной от нее. В России это выразилось в том, что единственным субъектом внешней политики стал Президент РФ, выражающий не только государственную, но и общенациональную, а также блоковую и даже цивилизационную точки зрения.

По мере исчезновения абсолютной роли международного права при возникновении доминирования западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) в конце XX в. снижалось и значение официальной дипломатии в странах Запада как главного средства политики и, соответственно, росло значение публичной дипломатии. Нередко публичная дипломатия, в том числе официальных лиц, стала вытеснять официальную дипломатию, очевидно замещая и даже выхолащивая ее. Это особенно ярко видно на примере кризиса на Украине (2014 г. — настоящее время), когда официальная дипломатия (в лице действовавшего Президента Украины В. Януковича и представителей главных стран ЕС)

договорилась о некоем компромиссе, который в тот же день был сломан усилиями целого набора средств публичной дипломатии (от политического давления США, атаки СМИ, действий вооруженных банд и т.д.), а затем эта практика украинских властей легализована в действиях президента, депутатов Верховной рады и других институтов государства.

Публичная дипломатия имеет большой набор внешнеполитических средств, значительно более разнообразный, чем перечень традиционных дипломатических мер и средств, но в конечном счете подчиненных внешней политике государства и ее интересам безопасности. Активизация роли публичной дипломатии в XXI в. связывается нередко с необходимостью расширения коалиционного сотрудничества в рамках нарастающего процесса формирования военно-политических и финансово-экономических союзов локальных человеческих цивилизаций [Подберезкин, 2015: 11–25].

Подобное расширение спектра и функций публичной дипломатии иногда расценивается как простое стремление к увеличению популярности и привлекательности той или иной системы ценности и продвижению интересов страны–лидера ЛЧЦ. Так, политолог А. Долинский пишет: «Публичная дипломатия была одним из основных инструментов влияния в годы холодной войны, но завершение биполярного противостояния снизило ее популярность. После трагедии 11 сентября 2001 г. США и другие страны стали восстанавливать свою публичную дипломатию, чтобы улучшить отношение к себе в зарубежных обществах. Однако в изменившихся мирополитическом и коммуникационном контекстах требовался новый подход. Публичная дипломатия, основанная на принципах сотрудничества с негосударственными субъектами, двусторонней коммуникации и использования современных технологий, получила название новой публичной дипломатии. Эта концепция появилась как преимущественно академический термин, но довольно быстро стала прикладной в среде практиков» [Долинский, 2011].

Таким образом, политологи отмечают определенный переход публичной дипломатии в новое качество «новой публичной дипломатии», на котором необходимо остановиться подробнее.

«Новая публичная дипломатия» представляет собой в действительности набор принципиально новых средств и мер политики, во-первых предназначенных для достижения внешнеполитических целей в новых геополитических условиях, а во-вторых, в качестве части новой геополитической стратегии западной ЛЧЦ — стратегии сетевцентрической войны.

Если говорить коротко о новых геополитических условиях, сформировавшихся в начале XXI в., то они могут быть названы как обо-

стрение международной и военно-политической обстановки из-за стремления Запада сохранить скопившиеся военно-политические и финансово-экономические системы в условиях изменения соотношения сил [Подберезкин, Харкевич, 2015: 19–73].

Новую стратегию Запада в этих условиях можно (в концентрированном виде) охарактеризовать как комбинацию политико-силовых и вооруженных средств в единую сетцентрическую стратегию, что, естественно, означает изменение места, роли и значения как традиционной дипломатии вообще, так и публичной дипломатии в частности [Подберезкин, 2015: 31].

В целом логика изменения роли и места публичной дипломатии в XXI в. позволяет говорить о качественно новом значении этих средств (см. табл.).

Таблица

Изменение роли и значения публичной дипломатии в XXI в.

Во второй половине XX в.	В начале XXI в.
<i>Главные цели публичной дипломатии</i>	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Дестабилизация внутривнутриполитической ситуации в социалистических странах. 2. Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ. 3. Формирование оппозиции внутри социалистического блока. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики. 2. Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах. 3. Смена политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ.
<i>Основные ресурсы</i>	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Государственные средства внешней политики, СМИ и специальные средства. 2. Поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Масштабное использование государственных, частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальных средств не только разведсообществ, но и других министерств (МО, например, финансов и др.) и ведомств. 2. Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в том числе вооруженную, борьбу.
<i>Стратегия</i>	
Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТО.	Сетцентрическая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ.

Публичная дипломатия, таким образом, включает в себя бесконечный перечень потенциально возможных средств воздействия и участников — от официальных лиц до деятелей науки, культуры, образования, представителей СМИ и др., — которые фактически становятся основой для проведения не только политики «мягкой силы», но и в целом силовой стратегии, направленной на усиление военного противоборства, и в этом смысле частью государственной внешней политики [Зонова, 2012]. Эта часть средств политики рассматривается сегодня как важнейший внешнеполитический ресурс, точнее ресурсы. Так, социальные сети стали даже причиной возникновения нового термина «твиломаси». В США уже в 2012 г. фолловерами официальных лиц было 43 млн человек (а в России, для сравнения, — 2,5 млн).

Другой феномен — «твиломаси», — когда политические и общественные лидеры используют для своей дипломатии социальные сети. Так, среди 20 мировых лидеров в этой области весной 2015 г. были папа римский, президенты США, Турции и Азербайджана, а все мировые лидеры имели в это время более 210 млн последователей, из которых на американского президента приходилось более 56 млн, папу римского — почти 20 млн, премьер-министра Индии — 10 млн человек и т.д.

Таким образом, публичная дипломатия представляет собой мощный политический ресурс, чьи масштабы и эффективность в XXI в. становятся не только вполне сопоставимы с государственными ресурсами, но и уже превосходят их, так как включают в себя (в отличие от XX в.) ресурсы не только государства, но и бизнеса, общества и даже ресурсы других стран. По сути, они составляют значительную часть ресурса всей военной организации ЛЧЦ и нации и набор очень эффективных политических средств. В последней четверти XX в. эти средства получили, как уже говорилось, название «мягкой силы», что не вполне точно отражает их характер и политический смысл в силу неопределенности их значения и реальной роли в политике [Цветкова, Кубышкин, 2012].

В российской внешней и военной политике этот ресурс использовался в последние десятилетия, очевидно, недостаточно, да и сами его масштабы и функции были сознательно снижены в 90-е годы XX в. до уровня, который не удается восстановить до настоящего времени: разрушены целые государственные и общественные институты (Комитет и Фонд защиты мира, Комитет молодежных организаций, Комитет солидарности стран Азии и Африки и т.д.), а оставшиеся — существенно снизили свою активность и функциональные возможности [Подберезкин, 2012].

Более того, появление такого феномена публичной дипломатии, как транснациональные акторы, совершенно по-новому ставит проблему определения цели их деятельности, последствий такой деятельности и ответственности за такую деятельность [Лебедева, 2015: 62–63]. Так, ИГИЛ, например, очень характерно с этой точки зрения: его цели, последствия и ответственность в деятельности остаются не просто опасными, но и до сих пор до конца не выясненными.

Значение средств и методов публичной дипломатии в современной политике государств

Значение тех или иных средств публичной дипломатии во многом предопределяет их выбор в политике. Значение этих средств стремительно усиливается с развитием нового, информационного этапа научно-технической революции и в начале XXI в. приобрело новое качество. В XXI в. эти средства порой не только дополняют, но и вытесняют традиционные политические инструменты, включая силовые, однако, как правило, они оказываются особенно эффективными при «комплексном» использовании таких средств в политических целях, давая мощный синергетический эффект.

Выбор того или иного средства публичной дипломатии из всего набора политических средств (военной силы, санкций, информационного давления и т.д.) зависит от целого ряда обстоятельств, которые в конечном счете и определяют то или иное значение средств публичной дипломатии. Так, в условиях разгорающейся войны в Сирии в 2011–2014 гг. Россия, как правило, ограничивалась политико-дипломатической поддержкой официальной власти и отчасти военно-технической помощью, предусмотренной соответствующими соглашениями. В сентябре 2015 г. спектр традиционно дипломатических средств был расширен до оказания прямой военной и информационно-пропагандистской помощи. Причина была очевидной: без такой поддержки режим Асада уже не мог бы долго продержаться.

Выбор тех или иных средств и методов публичной дипломатии также зависит от имеющихся ресурсов — экономических, военных, информационных и др. К примеру, один самолето-вылет авиации России в Сирии требовал до 10 т топлива, до 12 т боеприпасов, а также других ресурсов, что в целом означало за сутки не менее одного железнодорожного эшелона расходных материалов, не говоря уже о финансовых и иных издержках.

Выбор тех или иных средств публичной дипломатии во многом также предопределяется теми направлениями в социально-экономической жизни оппонента (коалиции), на которые требуется воздействовать в наибольшей степени. Так, социологические опросы в 2015 г. в России показали, что наиболее актуальными проблемами для граждан были:

- развитие российской экономики;
- развитие социальной помощи населению;
- повышение благосостояния народа;
- усиление престижа России в мире и др.

По этим направлениям и действовал Запад, вводя санкции против России в 2014–2015 гг., пытаясь задеть наиболее чувствительные области.

Именно финансовые, экономические и гуманитарные санкции в качестве основных средств публичной дипломатии играли важную роль в 2015 г. Это, однако, не означало, что другие средства не использовались. Совсем наоборот: военные демонстрации (полеты самолетов, заходы судов), развитие военной инфраструктуры, усиление информационно-психологического давления и другие средства публичной дипломатии применялись системно и целенаправленно в рамках стратегии сетцентрической войны против России [Подберезкин, 2015], но значение этих средств было не столь приоритетным [Подберезкин, Харкевич, 2015].

Выбор тех или иных средств, таким образом, определяется целями и возможностями (ресурсами) того или иного государства (коалиции) и их противников. Не существует изначально «только эффективных» или «неэффективных» средств: в политике все определяется не только общей международной обстановкой (МО) или ее частью — военно-политической обстановкой (ВПО), но и конкретной стратегической обстановкой (СО) [Стратегическое прогнозирование..., 2015].

Естественно, что для этого необходимо точно знать свои и чужие возможности — политические, дипломатические, экономические, военные, иные, — которые могут быть использованы в противостоянии, что является конечным результатом деятельности множества государственных ведомств и специальных служб.

Пока что публичная дипломатия нередко воспринимается в качестве «дополнения» к другим политическим средствам или даже как «побочное» средство, хотя в действительности она давно уже стала их общим знаменателем, синтезом. Сегодня «публичная дипломатия, цель которой — воздействие на общественное мнение и формирование

объективного имиджа своей страны за рубежом, представляет собой целый «космос», где действуют политики, деятели культуры, науки, образования, СМИ, НПО, пользователи социальных сетей», — пишет известный исследователь этой проблемы профессор Т. Зонова [2013: 170]. В самом общем виде их можно было бы представить на следующем рисунке, имея в виду, что лучше бы им соответствовало определение «средства политики».

Если со второй частью суждения профессора Т. Зоновой — оценкой набора средств публичной дипломатии как «космоса», — безусловно, можно согласиться, то с первой частью — целью публичной дипломатии только как «воздействие на общественное мнение» — нет. Публичная дипломатия — комплекс всех политических средств (от собственно дипломатических до военно-силовых, экстремистских и террористических), предназначенных для достижения конкретной политической цели. Причем ясно выраженной границы между этими средствами не существует, а все усилия государств в XXI в. направлены на то, чтобы уничтожить и те немногие, оставшиеся пока еще границы, добиться синтеза силовых средств в единой сетецентрической стратегии [Подберезкин, 2015: 52–53].

Нередко эти средства пытаются превратить в демократическую цель, некую абстракцию, представляющую собой «самоценность», ради которой и делается политика.

Иногда трудно понять логику развития тех или иных политических событий в мире и объяснить ее с точки зрения стратегии тех или иных государств, имеющих к ним на первый взгляд самое прямое отношение. С точки зрения стратегии, это означает выбор политических целей и наиболее эффективных средств. В частности, если речь идет, например, о внешней политике США на Ближнем Востоке и их отношении к ИГИЛ, где эту политику можно описать как «вооружение по ночам и бомбежка по утрам». Поэтому изначально важно точно определить цели такой стратегии и наиболее приоритетные задачи, вытекающие из этих целей и стратегии, получившей название «сетецентрической стратегии» [Подберезкин, 2015: 11–13]. Только в этом случае можно попытаться представить себе весь возможный спектр допустимых средств и методов силовой, военной и комбинированной политики.

Все становится предельно ясным, если для этого попытаться сформулировать глобальные, наиболее общие цели стратегии США в мире, где частная стратегия США, например по отношению к ИГИЛ, является именно частной, подчиненной глобальной стратегии. Соответственно, и конкретные средства такой политики подчинены частным

политическим целям и стратегиям. Никто, например, не будет из-за множества возможных противоречий каждый раз использовать военную силу в прямой форме, т.е. в качестве вооруженного насилия. Спектр силовых средств бесконечно расширяется, превращаясь ежегодно, ежечасно во все новые формы комбинированного силового воздействия государств, акторов и даже искусственно созданных международных субъектов [Подберезкин, Харкевич, 2015: 99–101]. При этом грань между силовыми и военными средствами политики становится все более условной. Так, решение Б. Обамы в конце октября 2015 г. направить в Сирию «до 50–100 специалистов-инструкторов» носит как политический, так и военный характер.

С политической точки зрения это решение, безусловно, может рассматриваться как акт публичной дипломатии, который показывает:

- демонстративное игнорирование законного правительства Сирии и режима Б. Асада;
- игнорирование международных институтов (Совета Безопасности ООН);
- публичную поддержку оппозиции Б. Асаду;
- публичное противодействие операциям ВКС России.

Одновременно это решение Б. Обамы является и военно-силовым решением. И не только потому, что военные инструкторы США (боевое подразделение) будут находиться на территории Сирии, но и потому, что их присутствие должно обеспечивать защиту от ударов ВКС России.

Вместе с тем пока что можно говорить о том, что синтез традиционных силовых средств, дипломатии, публичной дипломатии и информационно-психологической войны, как показывает практика, оказывается наиболее эффективным. Это видно, например, из действий российских ВКС, сирийской армии, информационно-психологических мероприятий и использования ВТО в Сирии после 30 сентября 2015 г.

Взаимодействие средств публичной дипломатии, психологической войны, высокоточного оружия и специальных сил, т.е. всего «набора» средств сетцентрической войны, очень хорошо видно на примере действий сирийских вооруженных сил и средств ВКО России после 30 сентября 2015 г. В частности, появление в распоряжении Сирийской арабской армии (САА) новых высокоточных средств разведки и огневого поражения позволяет защитникам Сирии прибегать к новой тактике уничтожения террористов.

Так, на первом этапе наступление САА развивается после авиационных и артиллерийских ударов, а также после специальных операций по ликвидации полевых командиров террористических группировок

и проведения диверсий против их инфраструктуры: систем связи, управления и обеспечения.

На втором этапе операциям сирийских войск по освобождению оккупированных боевиками территорий предшествует проведение информационных и пропагандистских мероприятий. Таким образом мирному населению и даже боевикам предоставляется возможность уйти из зоны наступления.

Иногда, заняв тот или иной населенный пункт, сирийские войска создают видимость отступления из него, для того чтобы избежать жертв. Что касается крупных населенных пунктов, то их попросту изолируют, захватив господствующие высоты и дорожные развязки.

На третьем этапе готовятся условия для реализации этой новой тактики в оккупированных ИГИЛ районах, а именно: все передвижения террористов отслеживаются. В случае их концентрации в той или иной местности по ним наносится точный удар силами авиации и артиллерии. Именно так были уничтожены отряды, пытавшиеся снова проникнуть в Ачан и Сукейк в районе севернее Хамы, а также группировка, попытавшаяся снова занять населенный пункт Джуб аль-Ахмар в горах на севере провинции Латакия.

Большое значение имеет взаимодействие появившихся у САА беспилотных летательных аппаратов с артиллерией, которая значительно усилила свой огневой потенциал и точность.

Однако подобная тактика лучше подходит для равнинной местности. В горах преимущества сирийской армии в разведывательном и огневом обеспечении снижаются. Поэтому правительственные войска заинтересованы в выходе террористов на равнину для их последующего уничтожения либо, по крайней мере, в их уходе в Турцию и другие соседние страны. С этим, однако, возникают проблемы: с недавних пор турки значительно ограничили возможности перемещения террористов и даже начали минировать участки сирийско-турецкой границы. На этом этапе особое значение приобретают средства публичной дипломатии воздействия на Турцию. Поэтому трудно согласиться с выводом А. Долинского и других авторов о том, что завершение холодной войны «снизило ее популярность» [Долинский, 2011: 40].

«Новая публичная дипломатия» и Web 2.0 технологии: новые политические возможности

Значение социальных сетей и Web 2.0 технологий в современной политике определяется не столько технологическими результатами

развития средств связи и информатики, сколько тенденциями в развитии международной и военно-политической обстановки в мире в последнее десятилетие и другими фундаментальными причинами в развитии человечества, экономики, общества, элит и их представлений об эффективной политике.

Наиболее эффективной в XXI в. оказывалась та внешняя политика Запада, когда удавалось объединить все три новые самые влиятельные парадигмы в развитии технологий — возможности постановки спецэффектов, спутниковой связи и цифровых технологий. Синергетический эффект, который реализовывался в политике, оказывался огромным и очень действенным. Так, Т. Мейсан приводит три таких примера «новой публичной дипломатии», которые иллюстрируют этот тезис [Мейсан, 2016].

Например, пишет Т. Мейсан, чтобы представить воссоединение Кувейта с Ираком в качестве военной агрессии (1990 г.), Министерство обороны США с помощью агентства *Hill & Knowlton* инсценировало выступление некой санитарки. Та рассказала, что видела, как иракские солдаты выкрали в кувейтском роддоме медицинские инкубаторы, оставив на верную смерть 312 находившихся там младенцев.

В 1999 г. был сделан еще один шаг. НАТО организовала масштабное переселение людей, которое СМИ засняли и тут же его по-своему интерпретировали. За три дня 290 тыс. албанцев мигрировали в Македонию. Подавление Югославией терроризма УЧК было представлено как истребление мусульман (план «подкова», предложенный министром обороны Германии Рудольфом Шарпингом), чтобы после этого оправдать войну в Косово.

А в 2001 г. еще интереснее. Два самолета врезаются в башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, и они рушатся. Эти события сопровождаются необъяснимыми явлениями. Пожар полностью опустошает кабинет вице-президента, в Пентагоне гремят два взрыва, а в Нью-Йорке рушится третье здание. Власти прикрываются противоречивыми заявлениями, и их бессвязные речи служат тому, чтобы исключить любые вопросы. В течение нескольких дней подряд по телевидению непрерывно транслируются картинки двух самолетов, сталкивающихся с башнями, так что у телезрителей голова идет кругом. Конгресс в шоке голосует за введение постоянного чрезвычайного положения (*Patriot Act*), и страна ввязывается в целую серию войн.

Пропаганда достигает совершенства тогда, когда зрители в течение длительного времени наблюдают один и тот же посыл, когда их привлекают его принять, а затем им показывают, что их обманывали и вынуждали принимать черное за белое.

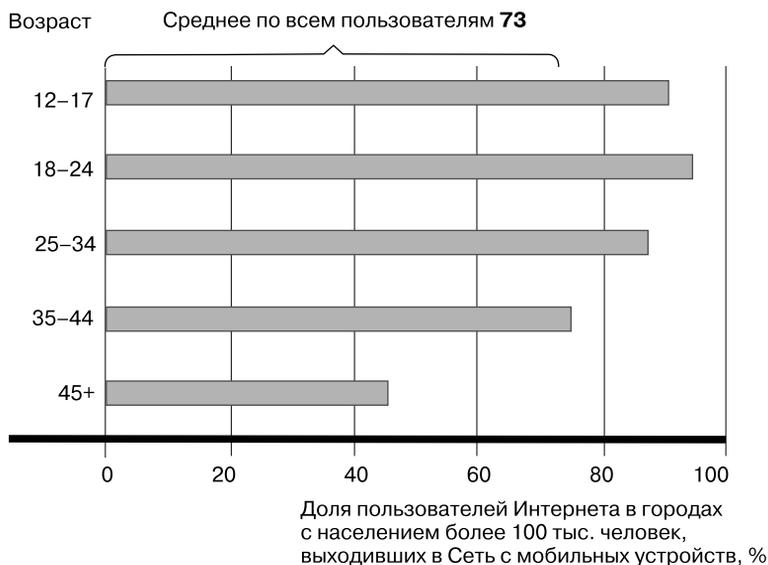

Рис. 2. Распределение по возрасту людей, выходящих в Сеть с мобильных устройств

Эти манипуляции стали возможными потому, что стремительное развитие интернет-технологий привело к радикальному расширению социальной базы политики.

Речь идет, например, о феномене сверхбыстрого развития Интернета и охвата им в короткие сроки новых социальных групп населения. Так, социологические опросы последних лет показывают, что в 2003 г. 22,1% молодых людей проводили более трех часов в Интернете (не считая школьных занятий), а в 2016 г. — уже почти 42%. При этом стремительно растет число пользователей мобильными устройствами среди всех возрастных групп населения, где, естественно, лидирует молодежь⁴ (рис. 2).

Иными словами, сегодня почти у половины молодых людей ежедневно сознание «погружено» в социальные сети и общение в Интернете, что, естественно, непосредственно отражается на их восприятии мира, его ценностей и интересов, т.е. формируется социальными сетями. Глубина такого «погружения» очень значительна и варьируется в зависимости не только от возраста, но и от устройств. Так, для мобильных устройств она достигает несколько часов в неделю и даже в день, причем динамика развивается по нарастающей стремительно по мере расширения общей численности пользователей⁵ (рис. 3).

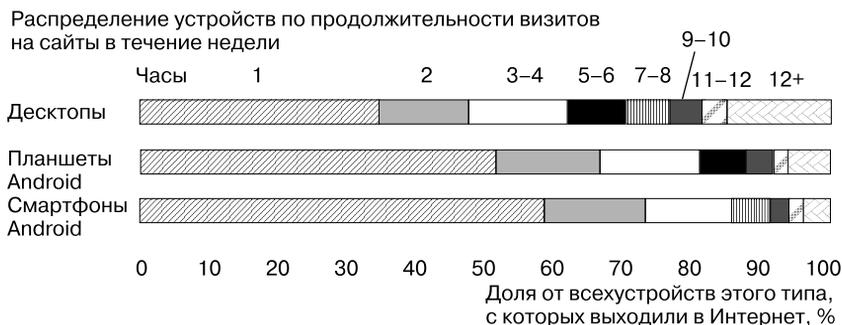

Рис. 3. Количество времени в неделю, проводимое на веб-сайтах с разных устройств

Этот социальный аспект остается вне эпицентра внимания, когда анализируется влияние Интернета и социальных сетей на общество, потому что, как правило, на первый план выходит его технологическая и даже техническая составляющая. Вот почему необходимо подчеркнуть, что было бы неправильным рассматривать значение и роль интернет-технологий исключительно с технологической точки зрения, хотя следует признать, что именно она нередко опережает социально-политические и экономические импульсы. Это опережение закладывает неизбежные сюрпризы в политическое будущее всех ЛЧЦ, но особенно тех из них, чье быстрое развитие ведет к массовому внедрению Интернета и социальных сетей: их социально-политические последствия, после того как 2 млрд новых пользователей к 2020 г. добавятся из развивающихся стран, непредсказуемы.

Стремительное развитие телекоммуникационных технологий на рубеже XX–XXI вв. способствовало активизации процесса не только информационной глобализации, но и социально-политической активности современного мира. Сопутствующий рост проницаемости национальных границ обусловил диверсификацию форм дипломатической деятельности, проявившуюся в усилении активности негосударственных акторов международных отношений.

В этой связи небезынтересной представляется теория сетевых акторов (*Actor Network Theory*), разработанная в начале 80-х годов Бруно Латуром, Мишелем Кэллоном и Джоном Лоу [Latour, 2005.]. Основная характеристика теории сетевых акторов (ТСА) — это беспристрастный анализ одушевленных и неодушевленных узлов единой сети, обладающей характеристиками актора. Они рассматриваются как эквивалент-

ные акторы в сетях, которые хотят достичь общей цели, а не доминирующую роль технологий.

Технологический детерминизм указывает, что развитие технологии следует своей логике. Социальный конструктивизм говорит, что общество и его акторы развивают ту технологию, которую «хотят» и используют ее как хотят, т.е. что технология сама по себе не играет роли.

В ТСА технология и общество неразделимы и рассматриваются как части комбинированной социально-технической системы.

Одной из характеристик ТСА является представление о комбинированной социотехнической системе. Таким образом, технология и общество рассматриваются как комбинированная система [Савин, Федорченко, Шварц, 2015: 11]. ТСА отличается от других теорий сетей тем, что в ней акторами сетей являются в основном не люди, а объекты и организации. Они коллективно соотносятся с акторами или иногда с актантами. Основной принцип акторно-сетевой теории — концепция гетерогенной сети. Это сеть, которая состоит из многих разнородных элементов.

Одним из наиболее активно применяемых направлений публичной дипломатии является так называемая цифровая дипломатия, или «публичная дипломатия Web 2.0». Как понятно из названия, данный метод осуществления публичной дипломатии подразумевает влияние на общественное мнение и процессы принятия внешнеполитических решений посредством сети Интернет. Цифровая дипломатия позволяет государственным и негосударственным акторам в максимально короткие сроки доносить свою позицию до многомиллионной зарубежной аудитории с минимальными издержками, мгновенно получать ответную реакцию общественности и гибко реагировать, изменяя содержание своей дипломатической деятельности. Основные формы осуществления цифровой дипломатии — твитпломатия, ведение блогов и страничек в социальных сетях. Как известно, в настоящее время США располагают наибольшими ресурсами для осуществления подобной деятельности, а именно: 700 правительственными аккаунтами на разных языках мира, число читателей которых составило 89,6 млн человек на 2014 г. Большинство данных ресурсов расположено в *Facebook*, *Twitter* и *You Tube*, которые охватывают многомиллионную аудиторию по всему земному шару. Особо стоит выделить также функционирование в США Команды по внешним цифровым контактам (*Digital Outreach Team*), деятельность которой заключается в противодействии терроризму и продвижении американских ценностей по всему миру. Основные языки деятельности *DOT* — арабский, фарси и урду.

Цифровая дипломатия может рассматриваться как эффективный инструмент управления гетерогенными акторами-сетями.

Взаимосвязь экстремизма и терроризма как средств публичной дипломатии во внешней политике

В ноябре 2015 г. председатель комитета начальников штабов США высказал мысль о том, что Россия представляет для США большую угрозу, чем терроризм, в частности ИГИЛ. Это не случайно. Действительно, экстремизм как крайние политические взгляды и меры в XXI в. стал органической частью публичной дипломатии США и ряда других стран, как это может ни показаться странным с первого взгляда. Заблуждение и несовместимость методов экстремизма и терроризма с методами публичной политики сложились искусственно в период, когда пытались создать иллюзию господства международного права. По сути, экстремистские и даже террористические взгляды и методы являются всего лишь крайними (т.е. наиболее агрессивными) взглядами и методами практической политики, но отнюдь им не противопоставляются ни теоретически, ни методологически, ни практически. А значит, и не исключаются изначально из арсенала всех политических средств.

Более того, действующая сетцентрическая стратегия западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) предполагает максимальное расширение всего спектра силовых средств, признает и стимулирует в своих интересах создание и развитие «наиболее эффективных» экстремистских взглядов и методов. Не секрет, что многие террористические и экстремистские группировки создавались спецслужбами США и других стран либо поддерживались ими.

Это следует иметь в виду потому, что современное военно-политическое противоборство предполагает расширение спектра сил и средств экстремистского и террористического характера в политике по отношению к другим государствам, превращение таких средств и методов в своего рода новый вид вооруженных сил, выступающих в авангарде так называемых «grox war». Сказанное означает, что:

- 1) экстремизм и терроризм не только расширяют спектр силовых средств политического противоборства, но и фактически легализуют их в качестве специальных операций вооруженных сил государств или руководимых ими международных акторов;
- 2) борьба с «мировым терроризмом и экстремизмом», объявленными в качестве важнейших угроз безопасности в начале столетия, сознательно вводит в заблуждение общественное мнение, так как является борьбой государств только с враждебными им террористическими группировками. Такая «борьба» предпола-

гает одновременно как поддержку, так и создание собственных террористических и экстремистских группировок (которые, как правило, позже выходят из-под контроля);

- 3) публичная дипломатия находится в прямом противоречии с нормами международного права. «Хорошие» террористы (талибы, ваххабиты, прочие «борцы за свободу»), как, например, чеченские бандформирования, сознательно поддерживаются зарубежными государствами;
- 4) основной акцент государств делается на создании подконтрольных экстремистских НКО и СМИ, способных обеспечить ведение войны в режиме «*proxu war*».

У военных историков принято вести отсчет разных поколений войн по мере используемого в них разного вида оружия и вооружения: от холодного, огнестрельного и быстрострельного, химического до современного ракетно-ядерного. В современных условиях террористами могут использоваться все их виды, кроме последнего поколения. Нельзя, впрочем, исключать, что в скором времени террористы могут овладеть и оружием массового поражения (ОМП). Пока же они довольствуются таким оружием массового устрашения, как террор во всех его проявлениях. В условиях ведения так называемых гибридных войн при запутанности причин и целей многих конфликтов и кризисов на Ближнем Востоке «Исламский халифат» при всей его вандалистской сущности оказывается очень востребованным для решения своих тактических задач.

Экстремизм как идеология и политическая практика представляет собой не только взгляды, идеи и концепции, но и набор конкретных инструментов, которые являются частью общего арсенала средств и методов публичной дипломатии. Вопрос заключается не столько в том, какие это средства, сколько в готовности их использования. В этом случае другие государства планируют ответные меры.

ВЫВОДЫ

Из всего вышесказанного можно сделать выводы:

1. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма предполагает, прежде всего, политико-идеологическое противодействие, как минимум наличие другой идеологии, которая будет еще более привлекательной и эффективной, чем идеология терроризма и экстремизма. Соответственно, если у вас нет такой идеологии, то у вас и нет такого инструмента противодействия. В конце октября 2015 г. на совещаниях

различного уровня и в разном составе, пожалуй, впервые руководство России, Совета безопасности РФ и ФСБ озвучило (причем неоднократно) эту мысль публично.

К сожалению, следует признать, что это несколько запоздало: запрет на государственную идеологию, существующий в Конституции РФ, рассматривается нередко как отказ вообще от идеологии. Эта трактовка активно поддерживается либеральными кругами, сохранившими свое влияние во власти.

2. В этой связи необходимо вернуться к тому, что мы называем термином «идеология» и что понимаем под ним. Идеология — это система взглядов, способ понятийного мышления, когда то или иное явление рассматривается в его сути, взаимосвязи с другими, прогнозируется и оценивается в своих последствиях. Идеология — это также и наиболее эффективная система управления, в том числе способная противодействовать противнику.

3. Идеология экстремизма и терроризма составляет их суть, основу, без которой эти явления не могут носить полноценный и массовый политический, а значит, и опасный характер. Соответственно, и бороться надо прежде всего с идеологией экстремизма и терроризма при помощи другой идеологии. Причем носители такой идеологии, как правило, не только находятся под контролем соответствующих спецслужб, но и создаются и поддерживаются ими (как это существует на Украине и в Сирии).

Анализ современной международной и военно-политической обстановки показывает тесную взаимосвязь методов публичной дипломатии и экстремизма. На основе этого анализа можно выделить следующие тенденции:

1. Изменение соотношения сил между ЛЧЦ и центрами силы в мире, прежде всего, между западной ЛЧЦ, китайской, российской и индийской.
2. Стремление западной ЛЧЦ силой, в том числе и военной, сохранить контроль над финансово-экономическими и военно-политическими системами.
3. Военная сила вновь становится востребована Западом, что означает возвращение ее в большую политику.
4. Международные правовые и политические институты уступают место военной силе под давлением Запада, превращаясь в устаревшие.
5. Усиление значения невоенных инструментов насилия: искажение объективных реалий, создание новой «виртуальной реальности», использование СМИ, сетевых средств в качестве инструментов силы.

ГЛАВА 4

ЦИФРОВАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Влияние социальных сетей на динамику современных международных конфликтов

Средства массовой коммуникации традиционно оказывали влияние на ход конфликтов и поиск путей их разрешения. Они использовались сторонами конфликта для идеологического влияния, усиления и популяризации собственной позиции, воздействия на общественное мнение. Достижение власти на международной арене всегда осуществлялось при помощи не только насилия, но и убеждения. Современный этап развития общества, характеризующийся широким распространением информационных технологий, создает новые возможности для разрешения конфликтов за счет использования новых каналов коммуникации и воздействия на конфликтующие стороны ненасильственным путем. Прежде всего, речь идет о цифровой коммуникации, осуществляемой при помощи глобальной сети Интернет, которая создает условия для глобальной интерактивной коммуникации в режиме реального времени. Развитие Интернета формирует глобальное информационное пространство, постепенно приобретающее черты СМИ. Под глобальным информационным пространством в настоящей работе понимается электронная среда, посредством которой информация создается, передается, принимается, хранится, обрабатывается и уничтожается, а также собственно информация и знания, которые обращаются в рамках этой среды. Таким образом, глобальное информационное пространство не исчерпывается сетью Интернет, в него входят как другие информационные сети, так и информация и знания,

создаваемые, хранимые, обрабатываемые и передаваемые посредством этих сетей. Однако именно Интернет представляет собой основную инфраструктуру информационного общества и характеристики, присущие Интернету, оказывает влияние на природу глобального информационного пространства и проблематику обеспечения международной информационной безопасности.

Интернет усиливает многие значимые тенденции и процессы современной мировой политики, в том числе глобализацию, размывание государственных границ, взаимозависимость в экономической сфере, выход негосударственных акторов на мировую арену. Одним из негативных последствий глобальной информатизации стало ее влияние на межгосударственное противоборство, которое переходит в цифровую среду, порождая такой феномен, как информационные войны и конфликты. Таким образом, в условиях информационной революции существенные изменения претерпевают как средства массовой коммуникации, так и природа международной политики, что отражается и на конфликтах, и на подходах к их урегулированию. Трансформация Вестфальской политической системы мира, размывание государственного суверенитета и усиление влияния новых акторов мировой политики влекут за собой изменение природы международных конфликтов и актуализируют поиск новых подходов к их урегулированию. Важным фактором трансформации политической системы мира становится научно-техническая революция, в рамках которой особое значение приобретает развитие информационно-коммуникационных технологий. На современном этапе развития информационного общества важную роль играют Web 2.0 технологии (наиболее известны среди них социальные сетевые сервисы Facebook, Twitter, ВКонтакте и др.). Социальные медиа позволяют пользователям Интернета связываться друг с другом, обмениваться информацией: текстами, фотографиями, видео- и аудиозаписями. Причем пользователи становятся активными создателями контента и могут составить конкуренцию крупным медийным корпорациям. На практике находит свое воплощение модель коммуникации «многие-ко-многим». Масштабы и популярность социальных сетей как средства коммуникации во всем мире возрастают. Показательно, что в 2009 г. впервые число пользователей социальных сетей превысило число пользователей электронной почты, которая до этого была самым популярным онлайн-сервисом. Особенностью социальных медиа является отсутствие традиционных «привратников» (газет и телевидения, которые ранее имели возможность определять новостную повестку дня и характер подачи информации), что позволяет выйти на глобальную

аудиторию отдельным пользователям Сети. Таким образом, социальные медиа играют роль новых привратников, трансформируя политическую коммуникацию в глобальном масштабе, что оказывает влияние и на сферу мирополитического.

Использование этих технологий в дипломатической практике получило название «цифровая дипломатия» (также распространены термины «интернет-дипломатия», «дипломатия социальных сетей», «Web 2.0 дипломатия» и др.) и первоначально применялось к внешней публичной политике США, ориентированной на интерактивное взаимодействие с гражданами иностранных государств напрямую посредством социальных сетей, минуя официальные каналы. В частности, под ним подразумевалось широкое использование информационно-коммуникационных технологий, в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной сети [Цветкова, 2011]. Цифровая дипломатия — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитами зарубежных государств. Правительство Соединенных Штатов определяет цифровую дипломатию как применение социальных сетей в дипломатической практике правительства США для обеспечения взаимодействия американских дипломатов с зарубежными пользователями Интернета [IT Strategic Plan, 2010]. Сегодня программы цифровой дипломатии развивает большинство стран мира, в том числе и Россия.

Для понимания специфики цифровой публичной дипломатии представляется целесообразным более подробно остановиться на характеристиках современных Web 2.0 технологий. Термин Web 2.0 был предложен Т. О'Рейли в 2003 г. для описания современного этапа развития глобального информационного пространства, где немаловажную роль играют социальные сети. О'Рейли выделил семь ключевых принципов Web 2.0, на которых основано развитие Всемирной сети [O'Reilly, Battelle, 2009]:

- 1) Интернет становится ключевой платформой политического дискурса;
- 2) использование Интернета в политических целях формирует коллективное самосознание пользователей Сети;
- 3) значимость данных превышает значимость программного обеспечения и технической инфраструктуры;
- 4) быстрая трансформация публичной политики в результате использования социальных медиа;

- 5) распространение политического контента с помощью различных приложений;
- 6) обширная пользовательская аудитория на политических сайтах.

Исследователи акцентируют внимание на том, что социальные медиа и Web 2.0 технологии способствуют коллективным действиям, вследствие чего они обладают значительным политикообразующим потенциалом как в рамках отдельного государства, так и на уровне транснациональной политической среды [O'Reilly, Battelle, 2009]. Таким образом, социальные медиа и Web 2.0 технологии представляют собой инструменты, которые обладают рядом функций в политической коммуникации в глобальном масштабе: позволяют получить представление о событиях, происходящих в мире; формируют отношение к тому или иному событию; позволяют распространять информацию, в том числе культуру, ценности, религию и пр., а также выполняют развлекательную функцию. При этом у каждой функции, которую выполняют медиа, есть обратная сторона, т.е. «дисфункция» (медиа предоставляют информацию людям, которую они впоследствии могут использовать как на пользу, так и во вред себе и обществу в целом, — например, СМИ распространяют информацию о природном бедствии, чтобы люди имели возможность подготовиться и принять меры, но эта же информация может спровоцировать панику и хаос и др.).

Влияние социальных медиа как инструментов новой цифровой публичной дипломатии на международный конфликт может быть двояким — они могут способствовать как урегулированию конфликтов, так и их разжиганию.

Сторонники концепции цифровой публичной дипломатии как инструмента урегулирования конфликтов отмечают, что социальные медиа способны не только изменять иерархический характер коммуникации, свойственный традиционной дипломатии, но и вовлекать рядовых граждан в решение дипломатических задач, а также напрямую обращаться к зарубежной аудитории. Дж. Кован и А. Арснольт указывают, что если изначально практика публичной дипломатии обеспечивала переход от монолога к диалогу, то цифровая дипломатия также создает условия для развития проектов сотрудничества, в качестве инструментов могут использоваться различные цифровые платформы для создания контента (*wiki*-, онлайн-энциклопедии и др.), а также реализация акций и программ, координируемых в онлайн-среде при помощи специальных инструментов краудсорсинга⁶ и краудфандинга⁷ (например, платформы ушаиди — *ushahidi*) [Cowan, Arsenault, 2008].

Показательно, что концепт цифровой дипломатии на современном этапе приобретает более агрессивную окраску. В дипломатическую практику входит новая концептуальная парадигма «стратегическая коммуникация» («диалоговая пропаганда»), которая предполагает использование новых интернет-технологий, но в более конфликтном ключе. Как отмечает Н. А. Цветкова, в дипломатической практике США с 2013 г. прошла реформа публичной дипломатии, направленная на развитие программ пропаганды, что «лучше приспособливает американскую публичную дипломатию к условиям открытой информационной войны» [Цветкова, 2015]. Российские исследователи также отмечают дестабилизирующую роль информационных технологий в условиях слабых государственных институтов — информационные технологии, особенно Web 2.0, способны стимулировать откат к политической архаике. Под политической архаикой авторы понимают возвращение к неформальным институтам и практикам, основанным на потестарности, криминале, религии, родственности и клановости [Лебедева, Харкевич, Зиновьева, Копосова, 2016].

В целом глобальное информационное пространство становится полем столкновения государственных интересов, а большинство современных международных конфликтов также характеризуется наличием цифровой составляющей. В публицистике и исследовательской литературе появляются термины «информационная война», «информационный конфликт», «информационное противоборство». Авторитетный американский политолог Д. Най также отмечает значимость информационного воздействия в конфликтах. Он полагает, что в современных конфликтах военные силы и гражданское население, физическое разрушение и информационное воздействие тесно переплетены. Более того, наличие камер в каждом мобильном телефоне и программы для редактирования фото на каждом компьютере лишь усиливают информационную составляющую современного межгосударственного противостояния [Нуе, 2011: 34]. Действительно, сегодня информационное освещение, в том числе посредством социальных сетей, является неотъемлемым компонентом международной политики, в том числе и международных конфликтов.

В последние годы все чаще публикуются работы с пессимистичными оценками роли социальных медиа как факторов разжигания конфликтности, что стало в некоторой степени ответом на события «арабской весны». Высказываются опасения, что социальные медиа могут быть использованы государствами как инструмент дестабилизации ситуации в рамках как отдельной страны, так и региона в целом. Говоря о влиянии социальных сетей и иных цифровых каналов коммуникации

на эскалацию конфликтов, следует отметить ряд примеров подобного влияния. Как отмечает политолог Е. Морозов, «в Африке СМС часто используются для разжигания вражды. ... Конфликт мусульман и христиан в нигерийском городе Джос унес жизни более трехсот человек. Правозащитники, изучавшие конфликт в Джосе, собрали по меньшей мере 145 таких сообщений. Одни содержали инструкции по убийству людей и сокрытию их трупов («Убей, пока не убили тебя. Закопай, пока не закопали тебя»). С помощью других распространялись слухи, которые привели к эскалации насилия» [Mogozov, 2012: 215].

Однако использование данных цифровой коммуникации и их анализ позволяют снизить напряженность и обратить вспять развитие конфликта, зачастую это достигается отключением коммуникаций. Как отмечает уже упоминавшийся Е. Морозов, в ходе конфликта в Кении социальные сети и мобильная телефония использовались для того, чтобы сначала собирать конфиденциальную информацию о представителях отдельных этнических групп, а затем распространять ее для нападения на них и запугивания. «Кровь невинных кикуйю больше не будет литься! Мы перебьем врагов прямо тут, в столице. Во имя справедливости запишите имена всех луо и калео, которых знаете на работе, на участке, вообще в Найроби, и не забудьте, какой дорогой их дети добираются в школу. Мы укажем номер, на который нужно отправлять эти сообщения», — гласило СМС. Кенийские власти тогда решили отключить мобильные сети, чтобы избежать эскалации насилия, что способствовало снижению насилия, но не смогло предотвратить негативных последствий конфликта — от восьмисот до полутора тысяч человек погибло, около 250 тысяч покинули свои дома [Mogozov, 2012: 215].

Таким образом, первоначальный оптимизм относительно способности социальных медиа содействовать демократизации и, как следствие, снижению конфликтности во всем мире впоследствии сменился более критичными оценками. В этих условиях актуализируется необходимость изучения возможностей направленного применения социальных медиа в дипломатической практике в целях урегулирования международных конфликтов, с пониманием их возможностей и ограничений, при этом урегулирование конфликта не достигается простым отключением социальных сетей, а предполагает использование сложного инструментария цифровой публичной дипломатии.

Несколько иной взгляд на проблему предлагает американский политолог и социолог М. Кастельс. По его мнению, широкое распространение социальных сетей и новых медиа и их использование государствами следует рассматривать не как угрозу международной безопасности, а скорее как источник новых возможностей для развития и разреше-

ния современных глобальных проблем, масштаб которых несоизмерим с возможностями и ресурсами отдельно взятого государства. Подобная разница между уровнем проблем и возможностями по их разрешению формирует запрос на глобальное управление. Глобальные информационные сети и социальные медиа предлагают возможности для формирования глобального гражданского общества и глобальных дискуссий. Публичная дипломатия в таком контексте рассматривается не как дипломатия государства, но как народная дипломатия, которая действует поверх межгосударственных отношений, основываясь на общих подходах [Castells, 2008]. Именно в таком контексте в настоящей работе будет рассматриваться цифровая дипломатия, направленная на урегулирование международных конфликтов.

Цифровая публичная дипломатия, направленная на поддержку гражданских инициатив, создание каналов коммуникации и установление диалога между конфликтующими сторонами, позволит изменить информационный контекст конфликта, таким образом трансформируя его динамику, выступая одним из инструментов посредничества. Вместе с тем на различных этапах конфликтного противостояния объект воздействия цифровой публичной дипломатии и критерии выбора посредника различны. Как отмечает М. М. Лебедева [2007], в ходе предварительной фазы конфликта наибольшее влияние оказывают структурные факторы (объективные факторы, которые задают определенный «порог», являющийся критическим при развитии конфликтных отношений), а на завершающей фазе конфликта оказываются значимыми процедурные факторы (субъективные факторы, выражающиеся в ориентации конфликтующих сторон на дальнейшее разрешение конфликта и продолжение противостояния). Таким образом, в ходе урегулирования открытых вооруженных конфликтов целесообразно воздействовать на структурные факторы, а в ходе постконфликтного урегулирования, чтобы исключить предпосылки для возникновения новых конфликтов, — на процедурные, что определяет критерии выбора объекта воздействия цифровой публичной дипломатии.

Возможности использования цифровой дипломатии в целях предотвращения эскалации конфликта

На этапе открытого противостояния особенно значимы структурные (субъективные) факторы, поэтому основной задачей посредника в данном случае является оказание давления на конфликтующие сто-

роны с целью изменения принимаемых ими односторонних решений. А цифровая дипломатия предоставляет возможность оказания опосредованного давления путем воздействия на общественное мнение.

Интерактивные Web 2.0 технологии формируют информационный контекст, в котором разворачивается конфликт. Социальные сети способствуют интерактивной коммуникации и распространению информации о конфликтах, создавая возможности для большого количества людей, проживающих в зоне конфликтных действий или вовлеченных в конфликт, напрямую передавать информацию о нем для широкой аудитории, расширяя круг косвенных участников конфликта и трансформируя взгляды и предпочтения конфликтующих сторон, т.е. воздействуя на структурные факторы конфликтного противостояния.

При этом объектом цифровой дипломатии становятся не граждане противоположной стороны, а международное общественное мнение. Это тем более парадоксально, потому что объектом цифровой дипломатии в мирное время, как правило, являются общества зарубежных государств. Субъектами же цифровой дипломатии могут быть как государства, так и международные организации, даже отдельные влиятельные лица, например блогеры или журналисты. В ходе конфликта стороны апеллируют к международному общественному мнению как внешнему арбитру. Особое внимание, конечно, уделяется институтам и лицам, которые оказывают ключевое влияние на формирование международного общественного мнения. Это ООН, особенно ее Генеральный секретарь, международные общественные организации, папа римский и т.д. Показательно, что выше обозначенные лидеры общественного мнения также представлены в социальных сетях и обладают значительным количеством подписчиков⁸.

Принципиальное значение имеет конкуренция или взаимодействие с глобальными СМИ. Информация, распространяемая пользователями социальных медиа, может совпадать, а может и противоречить тому, что говорится на таких «глобальных СМИ», как *CNN*, *BBC*, *Al Jazeera*. Некоторое разнообразие в глобальном медийном пространстве позволяет социальным сетям в любом случае доносить свою версию происходящего. Однако, если официальные СМИ и социальные медиа создают определенную медийную картину какого-то события в симбиозе, в этом случае, скорее всего, именно эта картина сформирует международное общественное мнение. Например, в ходе протестов в Иране в 2009 г. существенную роль в их освещении сыграла социальная сеть микроблогинга «Твиттер», которая, по сути, сформировала отношение мирового общественного мнения к протестам, — значительная часть

мировых СМИ перепечатывала сообщения пользователей социальной сети, как выразился Е. Морозов, «мир следил за революцией в Иране через Твиттер» [Morozov, 2012: 28]. Центр «Пью рисерч» установил, что 98% самых популярных гиперссылок, размещенных в Твиттере во время беспорядков в Иране, были связаны с этими событиями. Но в большинстве случаев записи в Твиттере были сделаны (или продублированы) людьми, находившимися не в Иране [Morozov, 2012: 28].

Однако эффективность цифровой дипломатии будет зависеть от чувствительности сторон конфликта к международному общественному мнению, прежде всего, с точки зрения недопустимости жертв среди гражданского населения. Некоторые политические режимы к нему абсолютно равнодушны, другие, напротив, — крайне чувствительны. Томас Зейтсофф, профессор школы публичной политики Американского университета, проанализировал на базе обширной статистической информации влияние публикаций в социальных сетях динамику конфликта в Газе в 2012 г. [Zeitsoff, 2016]. Автор отмечает, что изменения общественного мнения в результате публикаций о насилии в отношении гражданских лиц снижают интенсивность конфликтных действий; прежде всего, это касается Израиля, который в большей степени, чем ХАМАС, склонен ориентироваться на общественные настроения. Вместе с тем внимание со стороны посредников — Египта, США, ООН — по традиционным каналам дипломатии, а не путем использования социальных сетей ведет к эскалации конфликта, причем как для Израиля, так и для ХАМАС. Как отмечает автор, и ХАМАС, и Израиль активно использовали социальные медиа, чтобы оказать влияние на зарубежную аудиторию в ходе этого конфликта. Более того, использование Твиттера обеими сторонами конфликта было беспрецедентным.

Исходя из того, что неприемлемость жертв среди гражданского населения является ценностью, характерной для индивидуалистической западной политической культуры, в рамках которой значимы идеалы Просвещения, можно сделать вывод, что использование цифровой дипломатии как инструмента давления будет эффективным в отношении государств, являющихся частью международного сообщества Запада (понимаемого в терминах Х. Булла [Bull, 2012]) или стремящихся войти в него. Это утверждение подтверждается статистикой — более 40% пользователей Твиттера проживают в странах Западной Европы и США [Jarsky, 2015].

Несмотря на различия политических режимов в чувствительности к международному общественному мнению, практически все они сегодня прибегают к цифровой дипломатии, если для этого есть соответ-

ствующие ресурсы. Этим занимается, к примеру, и ХАМАС, и Израиль. Объясняется это тем, что никто не хочет испытывать дополнительное давление извне. Исключения составляют государства, которые способны обеспечить информационный вакуум для своих граждан, позволяющий последним не замечать внешнее информационное давление, даже если оно возникнет. Но в современном мире сделать это крайне сложно, особенно учитывая практически повсеместное распространение смартфонов, а также планы ряда ИКТ-компаний, таких как Google, по созданию инфраструктуры для глобальной зоны беспроводного Интернета.

Проведенный анализ показывает, что цифровая дипломатия в условиях конфликта будет эффективно снижать его остроту только в случае чувствительности одной из сторон к международному общественному мнению. С другой стороны, эффективность социальных СМИ как инструментов разжигания и поддержания конфликтов практически не зависит от внешних факторов. Например, социальные медиа играют ключевую роль в практике рекрутирования в ИГИЛ. Как показывают исследования, данный процесс носит характер самоорганизации. Перебравшись в Ракку, молодой житель, например, Лондона активно использует социальные медиа, чтобы обращаться к своим друзьям, близким и знакомым, оставшимся в Великобритании, напоминая им о том, что они мусульмане и должны сражаться за общее дело, что они вместе когда-то давали по этому поводу клятвы и т.д. Как правило, такой призыв от знакомого человека находит отклик и ряды террористов пополняются новобранцами. С другой стороны, данные сообщения в социальных сетях, посты с фотографиями, к которым привязаны геотеги, позволяют силам, борющимся с ИГИЛ, наносить точечные удары по базам боевиков, используя незадачливых блогеров как наводчиков.

Таким образом, приходится признать, что социальные медиа служат более удобным инструментом для разжигания конфликтов, чем для их урегулирования. Вместе с тем использование социальных медиа для воздействия на общественное мнение самих конфликтующих сторон может привести к противоположному эффекту. В условиях конфликта высока роль внутригруппового сплочения и внутригрупповой идентификации, поэтому подобная информация может способствовать лишь разжиганию конфликта. В качестве примера можно привести внутренний конфликт в Китае. В 2009 г. в китайской провинции Синьцзян Интернет был отключен на 10 месяцев в результате массовых столкновений на этнической почве между уйгурами и ханьцами. Поводом к беспорядкам стала провокационная запись на форуме *sg169.com*; последующей эскалации насилия способствовал видеоролик, за-

печатлевший избиение ханьцами нескольких уйгуров-рабочих толпой, вооруженной металлическими трубами [Mogozov, 2012: 13].

Таким образом, цифровая дипломатия как инструмент урегулирования открытых вооруженных конфликтов может применяться и как инструмент дискредитации сторон конфликта в глазах мирового общественного мнения, но она эффективна лишь в отношении государств, уже являющихся частью Западного международного сообщества, понимаемого в терминах Х. Булла или стремящихся войти в него. В данном случае цифровая дипломатия меняет информационный фон конфликта, побуждая его участников изменить политический курс с односторонних на кооперативные действия. Вместе с тем международное внимание отнюдь не всегда способно воздействовать на ситуацию в регионе конфликта, изменить ее к лучшему.

Цифровая публичная дипломатия как инструмент постконфликтного урегулирования

На этапе постконфликтного урегулирования особенно значимо воздействие на объективные процедурные факторы, которые закладывают основу для долгосрочного кооперативного взаимодействия между участниками противостояния. К числу процедурных исследователи относят такие объективные факторы, как структура общества, уровень экономического развития и др. [Лебедева, 2007: 212].

Использование социальных сетей, в том понимании, о котором говорят Д. Кован и А. Арснольт, т.е. в целях реализации проектов сотрудничества между конфликтующими сторонами [Cowan, Arsenault, 2008], создает возможности воздействия на процедурные факторы конфликта и может быть использовано на этапе миростроительства, создавая, помимо прочего, и возможности по реабилитации сообществ, на значимость чего указывает И. Д. Звягельская [Звягельская, 2008: 53].

По мнению американского социолога М. Кастельса, широкое распространение социальных сетей и новых медиа и их использование государствами следует рассматривать как источник новых возможностей для развития и разрешения конфликтогенных ситуаций. Глобальные информационные сети и социальные медиа предлагают возможности для формирования гражданского общества и создают площадку для дискуссий. Публичная дипломатия в таком контексте рассматривается не как дипломатия государства, но как народная дипломатия, действу-

ющая поверх межгосударственных отношений и конфликтов, основываясь на общих интересах [Castells, 2008].

Действительно, обсуждение проблем постконфликтного урегулирования на уровне рядовых пользователей Интернета и мобильных телефонов может способствовать укреплению безопасности благодаря формированию атмосферы доверия в международных отношениях. В этом контексте программы цифровой дипломатии способствуют формированию единого информационного пространства, гражданского общества и разрешению кризисов.

В 2012 г. было опубликовано исследование ОБСЕ «Подготовка к миру: коммуникации и разрешение конфликтов», в котором среди прочего рассматривается потенциал социальных медиа и интерактивных онлайн-сервисов в постконфликтном урегулировании. В докладе выделено несколько уровней конфликта, воздействие на которые при помощи каналов социальных медиа может быть эффективным при достижении целей постконфликтного урегулирования:

- индивидуальный уровень — новые медиа создают информационное пространство, в рамках которого их пользователи получают доступ к информации и новостям, а также коммуникативным инструментам, способствующим изменению их отношения к предмету конфликта;
- отношения между локальными сообществами — создание Web 2.0 платформ, таких как Peace.Facebook.com, которые способствуют установлению отношений между сообществами, длительное время находившимися в конфликте друг с другом, как израильтяне и палестинцы;
- формирование институтов гражданского общества — распространение социальных медиа облегчает координацию коллективных действий на уровне гражданского общества, что способствует демократизации и участию различных групп в политическом процессе, содействуя постконфликтному урегулированию⁹.

Как отмечают авторы доклада, уже сегодня можно привести ряд примеров, когда социальные медиа используются на уровне сообществ в целях урегулирования конфликтов, их предотвращения или постконфликтного урегулирования по следующим направлениям:

- **Налаживание межэтнического диалога.** Автор приводит в качестве примера создание социальной сети молодых лидеров *YaLa-Young Leaders* на Ближнем Востоке, которая включает в себя как

палестинцев, так и израильтян, что позволяет налаживать связи и устанавливать взаимопонимание «на опережение», предотвращая новый виток конфликтного цикла.

- **Управление выборами.** В Кении и Судане при помощи социальных медиа осуществлялся мониторинг процесса голосования с целью исключить насилие или мошенничество, информация о которых распространялась через социальные сети. В обеих странах не так давно прошли референдумы, которые были расценены международными обозревателями как шаг на пути к предотвращению насилия.
- **Предотвращение криминала и бандитизма.** В Бразилии сообщества жителей фавелл («палаточных городов» беднейших жителей) используют социальную сеть «Твиттер»-информирования, что способствует снижению уровня насилия со стороны как преступных группировок, так и полиции. Аналогичные программы реализуются в Мехико.
- **Выработка текста основного закона.** В Египте при работе над текстом конституции страны были задействованы все граждане, мнения и предложения которых собирались при помощи социальных медиа, хотя пример Египта и не является наиболее успешным. Однако аналогичный опыт показал свою эффективность в таких странах, как Марокко и Исландия, и, вероятно, будет использоваться в будущем¹⁰.

Вследствие своей популярности социальные медиа широко используются на уровне сообществ, а также отдельных лиц, вовлеченных в конфликт и заинтересованных в его урегулировании и снижении негативных последствий. Это доступное средство, снижающее стоимость коллективных действий, повышающее эффективность координации, не всегда дает одинаково успешные результаты, однако широко используется и очевидно, что данная тенденция сохранится и будет усиливаться в будущем.

В этом случае роль посредника заключается, прежде всего, в информировании участников постконфликтного урегулирования в возможностях для диалога, предоставляемых Web 2.0 технологией, обучения их использованию и созданию необходимых цифровых площадок. Вместе с тем условием эффективного посредничества является нейтральность посредника или его равноудаленность от сторон конфликта. Зачастую социальные медиа воспринимаются как инструмент внешней политики государств и могут быть использованы как инструмент дестабилизации ситуации в рамках как отдельной страны, так и региона в целом.

Например, в исследовательской литературе также можно встретить точку зрения, согласно которой США сыграли определенную роль в разжигании протестов «арабской весны», имея возможность воздействовать на общественные настроения и динамику самоорганизации при помощи инструментов «цифровой дипломатии», основанной на использовании социальных сетей для взаимодействия с широкими кругами граждан зарубежных государств [Morozov, 2012]. Это ведет к тому, что государства, участвующие в конфликтах, стремятся ограничить доступ к информации, передаваемой онлайн, как это происходит, например, в Сирии¹¹.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то что в последние годы исследователи уделяют внимание в основном конфликтному потенциалу современных интернет-технологий и социальных сетей, последние могут быть использованы в качестве эффективного инструмента урегулирования конфликтов в ходе цифровой публичной дипломатии.

В главе рассматриваются условия эффективности цифровой публичной дипломатии, направленной на урегулирование конфликтов. Автор приходит к выводу, что на различных этапах конфликтного противостояния условия эффективности цифровой дипломатии как инструмента урегулирования различны. На этапе открытого противостояния, когда на ход конфликта существенно влияют процедурные (субъективные) факторы, социальные сети могут быть использованы посредниками как инструмент давления на стороны конфликта, при этом воздействие цифровой дипломатии наиболее эффективно, если она дискредитирует конфликтующие стороны и направлена на зарубежную аудиторию, от мнения которой зависит образ сторон конфликта. Однако подобное воздействие эффективно лишь в отношении тех конфликтующих стран, которые либо являются частью западного международного сообщества (понимаемого в терминах Х. Булла), либо стремятся стать его частью. При этом посредники, использующие цифровую дипломатию, также должны быть частью западного международного сообщества и обладать в нем достаточным авторитетом.

На этапе постконфликтного урегулирования наиболее значимы процедурные (объективные) факторы. В этой ситуации целесообразно направить программы цифровой дипломатии на общества конфликтующих сторон и реализовывать программы налаживания диалога и взаимодействия на уровне обществ. При этом важно, чтобы посредник воспринимался как нейтральный и равноудаленный от сторон конфликта, это важное условие эффективности программ цифровой публичной дипломатии.

Часть I. Теоретические аспекты и подходы к анализу публичной дипломатии

Следует отметить, что использование цифровой дипломатии в целях урегулирования конфликта не всегда обеспечивает его разрешение, однако предоставляет возможности, недоступные для традиционной дипломатии, и, таким образом, потенциально создает условия для снижения уровня насилия в рамках конфликта и устранения предпосылок, его порождающих. Понимание условий эффективности цифровой дипломатии позволит направленно использовать предоставляемые ей инструменты воздействия на конфликт с целью его урегулирования.

Часть II

**ПУБЛИЧНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ:
ИССЛЕДОВАНИЕ
КОНКРЕТНЫХ
СИТУАЦИЙ**

ГЛАВА 5

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Публичная дипломатия, как правило, ассоциируется с понятием «мягкой силы», ненасильственно, путем убеждения заставляющей других желать того же, что и вы сами [Nye, 2004: 5]. По словам известного исследователя дипломатии Яна Мелиссена, публичная дипломатия — это ключевой инструмент «мягкой силы» [Melissen, 2005: 5]. Такая дипломатия, нацеленная на интерактивный диалог с гражданским обществом, становится сегодня приоритетным направлением работы не только для неправительственных организаций, но и для государственных внешнеполитических институтов и профессиональных дипломатов [Zonova, 2012]. Трансформация внешнеполитического механизма и дипломатических структур в отдельных странах Европейского союза (ЕС) и в самом ЕС красноречиво об этом свидетельствует.

Европейский союз — пока единственное в мире объединение, достигшее столь высокого уровня интеграции, — конечно, не является «супергосударством» или федерацией, но как интеграционное объединение претендует на проведение общего внешнеполитического курса. Документы ЕС, обсуждавшиеся в Маастрихте, Амстердаме, Кельне, Ницце, Лиссабоне, неизменно подчеркивали необходимость достижения единства в вопросах международной политики. Перед Евросоюзом ставилась задача «говорить одним голосом», т.е. ЕС призван выражать единое мнение по международным проблемам, отстаивать общую позицию в международных организациях и на международных конференциях, вести переговоры с государствами и международными организациями в целях заключения международных договоров. Подразумевалось, что страны-члены должны солидарно оказывать поддержку Общей внешней политике и политике безопасности (ОВППБ), координировать свой внешнеполитический курс с общими позициями

ЕС, выступать с общих позиций на международных форумах и в обязательном порядке информировать не представленные в этих организациях страны ЕС о ходе обсуждения интересующих их вопросов. Это, бесспорно, создавало основу для общей публичной дипломатии, проводимой от имени Евросоюза.

Лиссабонский договор (2007) окончательно утвердил положение о Европейском союзе как едином юридическом лице, обладающем правосубъектностью на мировой арене, ведущем переговоры с государствами и международными организациями и выступающем стороной в подписании международных договоров.

Публичная дипломатия для Евросоюза стала едва ли не главной составляющей его дипломатической деятельности: «Публичная дипломатия состоит в оказании влияния на позиции общественности. Она преследует цель продвижения интересов ЕС, добиваясь их понимания, путем информирования. Требуется ясное объяснение целей, политики и деятельности ЕС, достижение понимания его целей осуществляется через диалог с гражданами, группами, институтами и массмедиа»¹².

Следует иметь в виду, что интеграция сама по себе является не столько результатом, сколько незавершенным проектом, корректируемым в соответствии с изменениями, происходящими на мировой арене. Таким образом, публичная дипломатия ЕС по ряду черт отличается от публичной дипломатии внешнеполитических ведомств, входящих в ЕС стран. Действительно, исторически интеграционная публичная дипломатия в основном была нацелена на «внутреннюю» аудиторию, на формирование так называемой европейской идентичности, а ценностные ориентиры ЕС были обращены к европейцам. Следовательно, в процессе становления европейских институтов внимание уделялось, прежде всего, гражданам стран Европы.

С течением времени, особенно в результате информационной революции и возможности доступа любого члена мирового сообщества к официальной информации ЕС, различать внутренний и внешний аспекты политики становилось все труднее. Наглядным примером в этом отношении стал кризис суверенных долгов в странах еврозоны, оказавший влияние на финансовую систему всего ЕС. Не случайно поэтому в экспертных оценках все чаще звучит термин *intermestic*, т.е. политика, сочетающая в себе как внутренние, так и внешние аспекты [Manning, 1977]. Это не может не отразиться и на характере публичной дипломатии.

В постбиполярный период проводники публичной дипломатии ЕС, направленной на страны, не входящие в Союз, лейтмотивом сво-

ей деятельности сделали пропаганду закономерностей развития европейской интеграции в качестве примера для подражания. В Лиссабоне подчеркнули необходимость делать упор на присущее странам-членам стремление к мирному решению конфликтных ситуаций, отмечать достигнутый уровень жизни, а также акцентировать внимание на непременности признания «человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека»¹³. Требовалось показать, насколько политика ЕС способствует улучшению жизни людей, созданию новых рабочих мест и развитию, какой вклад она вносит в решение глобальных проблем мира и безопасности, а также проблем, связанных с изменениями климата и обеспечением устойчивого роста.

Выделяют пять приоритетов в опирающейся на общие ценности публичной дипломатии ЕС¹⁴:

- 1) продвижение имиджа ЕС как главного партнера в демократическом транзите, особенно в странах—соседах ЕС;
- 2) продвижение имиджа ЕС как самого главного донора в области сотрудничества и развития;
- 3) продвижение имиджа ЕС как глобального экономического объединения, находящего ответы на вызовы кризиса и использующего торговлю как средство перемен;
- 4) продвижение прав человека через диалог на высшем уровне с партнерами ЕС и стратегическое сотрудничество, включающее лоббирование отмены смертной казни;
- 5) продвижение имиджа ЕС как стража безопасности, отвечающего на глобальные угрозы.

Предполагалось, что большая последовательность, эффективность и наглядность во внешней деятельности ЕС будут способствовать повышению уровня публичной дипломатии этого интеграционного объединения. От имени Европейской комиссии неоднократно уточнялось определение публичной дипломатии Европейского союза как инструмента проекции образа ЕС: «Публичная дипломатия преследует цель продвижения интересов ЕС путем достижения понимания, информирования и влияния. То есть ее задача заключается в разъяснении целей, политики и деятельности ЕС. Понимание этого достигается путем диалога с каждым гражданином, группой граждан и со средствами массовой информации»¹⁵. Особое значение при этом постоянно придавалось комплексу норм, правил, законов и обязательств, которые страна-кандидат призвана интегрировать в свою правовую, экономическую и политическую систему (так называемые *acquis communautaires*).

В настоящее время пропагандируется концепция трансформационного (*transformation*) характера публичной дипломатии ЕС с акцентом на продвижение европейских ценностей. Все это отличает дипломатию ЕС от традиционной дипломатии, проводники которой во главу угла ставили принцип невмешательства во внутренние дела, как это и указано в ст. 41 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. В этом плане можно сделать вывод о сближении европейской дипломатии с дипломатией США, впервые взявшей на вооружение принципы трансформационной дипломатии.

По мнению руководителей общеевропейской дипломатии, она должна носить особый характер «тихой дипломатии» (*quiet diplomacy*), что подразумевает такое направление дипломатической деятельности, которое в отличие от открытой дипломатии (*open diplomacy*) исповедует конфиденциальность, не являясь при этом тайной дипломатией. Тихая дипломатия не обращается к мировому общественному мнению с целью оказать давление на конфликтующие стороны, ее задача — создать условия, при которых стороны могут хладнокровно оценить ситуацию, взвесить все «за» и «против» каких-либо действий, прислушаться к независимому и беспристрастному мнению. Считается, что делегации ЕС, мультикультурные по составу и не преследующие определенный национальный интерес, — идеальный инструмент такой дипломатии, способной предотвращать конфликты и развязывать гордые узлы политики [Зонова, 2014].

Значительным шагом на пути к совершенствованию институтов внешнеполитической деятельности Сообщества явилось положение Амстердамского договора (1997) о создании новой должности Высокого представителя по вопросам ОВППБ; полномочия и бюджет Высокого представителя были значительно расширены в 2009 г. благодаря совмещению этого поста с должностью вице-председателя Европейской комиссии.

Дипломатические структуры Европейского союза

Вошедший в силу 1 декабря 2009 г. Лиссабонский договор предусматривал также создание Европейской службы внешних действий (ЕСВД) как своего рода министерства иностранных дел Европейского союза в его отношениях с окружающим миром¹⁶. Службу возглавляет Высокий представитель Европейского союза по внешней политике и политике безопасности. В Службе нет специального департамента по публичной дипломатии, но деятельность на этом направлении ко-

ординируется подразделением «Инструменты внешней политики». Решение о создании подразделения было принято Комиссией в 2010 г. Публичная дипломатия вменяется в обязанность этого подразделения, которое с помощью аудиовизуальных средств, интернет-сайтов, печатной продукции, а также путем других средств коммуникации и информационных инициатив ее осуществляет. К сфере компетенций Высокого представителя относится также деятельность миссий по наблюдению за выборами как Европейского инструмента за демократию и права человека. Публичной дипломатией занимается и подразделение Стратегической коммуникации.

Определенную роль в публичной дипломатии играют двенадцать Специальных представителей ЕС, действующих в кризисных регионах. Правда, они назначаются Комитетом по проблемам политики и безопасности и не являются сотрудниками ЕСВД.

Эксперты отмечают, что до Лиссабона публичная дипломатия Евросоюза носила весьма фрагментарный характер [Duke, 2013]. В основном внешняя политика и политика безопасности были сосредоточены в рамках второго «опорного столпа»¹⁷. Ее проводниками являлись, прежде всего, секретариат Совета в лице Высокого представителя по ОВППБ, его сотрудников и Генеральной дирекции по коммуникации, информационной политике и протоколу. Внешней политикой занималась также Комиссия, причем явно недостаточной была координация действий между аппаратом Высокого представителя и Комиссией.

Содержанием публичной дипломатии, осуществляемой Комиссией, становилась преимущественно информационно-разъяснительная работа, нацеленная на граждан как ЕС, так и всего мира. С этой целью еще в 1960-х годах была создана сеть Информационных центров ЕС, действовавших в соответствии с инструкциями, получаемыми от Генеральной дирекции по внешним связям. Было учреждено более 500 таких центров в разных странах мира, причем в стране–стратегическом партнере ЕС таких центров могло быть несколько. Публичную дипломатию координировал Информационный комитет. Он собирался раз в месяц, в его работе принимали участие представители генеральных дирекций развития, торговли, помощи, гуманитарной помощи, расширения ЕС, прессы, экономики и финансов. Важной составляющей Информационного комитета было наблюдение за тем, чтобы в рамках публичной дипломатии проводилась политика Комиссии как наднационального института. Сложности возникали при согласовании действий Комиссии, Совета и Европейского парламента. Еще одним препятствием на пути развития публичной дипломатии становились

ресурсы, которыми располагала Комиссия. Комиссары делали упор на политику внутри Союза, в то время как Общая внешняя политика и политика безопасности получали весьма ограниченное финансирование. Учитывая, что в ЕС каждое государство имеет право на самостоятельную внешнюю политику и дипломатию, в принятии совместных решений возникает известная напряженность. Европейские внешнеполитические акторы (министры иностранных дел, дипломаты) играют двойственную роль, являясь, с одной стороны, национальными акторами, а с другой — действуя в качестве проводников Общей внешней политики и политики безопасности.

Стремясь сохранить национальные приоритеты внешней политики, члены ЕС пытались заручиться поддержкой в ротируемом председательстве ЕС или непосредственно обратиться за такой поддержкой к Высокому представителю по ОВПБ. Временами подобное положение порождало дополнительные проблемы. Эксперты сокрушались по поводу отсутствия стратегического видения в приоритетах внешнеполитического курса ЕС, к коим относились борьба с терроризмом, нераспространение ОМУ, проблемы устойчивого развития. Сложность состояла и в том, что проводники публичной дипломатии Евросоюза в диалоге с третьими странами делали упор на ценности ЕС и его нормативные принципы. Как следствие, в отношениях ЕС с большинством стран Азии и с Россией расхождения в трактовках ценностей и принципов становились препятствием на пути стремления многих стран—членов ЕС к развитию сотрудничества, в частности к обеспечению поставок энергетического сырья из этих регионов.

Публичная дипломатия после Лиссабона

С вступлением в силу Лиссабонского договора публичная дипломатия не являлась больше прерогативой Совета или Комиссии. С появлением постоянного президента ЕС и обретением ЕС юридического лица национальные интересы меняющейся каждые полгода страны-председателя не выдвигались более на первый план и поэтому возникали надежды на более последовательный внешнеполитический курс ЕС.

В этом контексте учрежденная Лиссабоном Европейская служба внешних действий (ЕСВД) стала весомой внешнеполитической структурой ЕС, осуществляющей публичную дипломатию. Официально ответственным за публичную дипломатию является возглавляющий ЕСВД Высокий представитель по внешней политике и политике безопасности ЕС¹⁸. В рамках ЕСВД было решено учредить специальный Де-

партамент по информации и публичной дипломатии. Подчеркивалось, что ЕСВД призвана в первую очередь обеспечить профессиональную, сильную и содержательную деятельность средств круглосуточной массовой информации в качестве связующего звена во взаимодействии со стейкхолдерами и общественным мнением. Службе надлежит наладить диалог с гражданским обществом, неправительственными организациями, другими негосударственными акторами¹⁹. В начале 2010-х годов ЕСВД, завершив процесс становления, стала активно действовать. Всего лишь за 2011 г. Высоким представителем и самой Службой было сделано 593 заявления по многим вопросам внешней политики и дипломатии [Mai'a, Cross, Mellisen, 2013: 120].

Публичная дипломатия стала также одним из направлений созданного в рамках ЕСВД в 2010 г. подразделения «Инструменты внешней политики». Это подразделение находится в ведомости Высокого представителя, Комиссия отвечает за финансовую сторону вопроса. За миссии наблюдателей за выборами отвечает Европейский инструмент борьбы за демократию и права человека. Публичной дипломатией занимаются также 12 специальных представителей ЕС, причем некоторые из них проживают в странах своего происхождения, остальные находятся в Брюсселе. Их задача состоит в связях со странами-членами, и действуют они в рамках Комитета по политическим проблемам и проблемам безопасности. Подобная фрагментация, по мнению обозревателей, не способствует эффективности акций по публичной дипломатии.

Публичная дипломатия, нацеленная на внутреннее потребление, осуществляется Генеральной дирекцией по коммуникации. Информационный комитет по внешним связям ЕСВД координирует их под началом Подразделения ЕСВД по стратегической коммуникации. Его задача снабжать всех глав представительств ЕС, прессу и чиновников, занимающихся информацией, соответствующими ежедневными инструкциями.

Основные направления публичной дипломатии ЕС

Внешним акторам публичная дипломатия предлагала определенные модели-символы, призванные свидетельствовать о привлекательности ЕС, например, весьма удачным стал бренд «единство в разнообразии», подчеркивающий возможность странам-членам проводить

общую политику, сохраняя при этом свою идентичность, обогащенную культурой, языком, традициями. В отношении стран, желающих вступить в ЕС, дипломаты настойчиво пропагандировали идею «большего за большее», что означало: кто проведет более решительные политические реформы, т.е. демократизацию, обеспечит защиту прав человека и реформирует судебную систему, получит большую помощь и признание со стороны Евросоюза. Популярным стал и лозунг, свидетельствующий о способности ЕС обеспечивать «деньги, рынки и мобильность»²⁰. Положительный отклик получила инициатива «Действия вместе с женщинами». На веб-сайтах, в ходе конференций, опросов, культурных мероприятий широко отмечался Международный день за запрет насилия в отношении женщин, или Международный женский день 8 марта. Значительно способствовало улучшению имиджа ЕС присуждение ему Нобелевской премии мира (2012) «за роль, сыгранную ЕС в деле предотвращения войн между европейскими странами, за продвижение демократии и прав человека» [Holzhacker, Luif, 2014].

Успешно проецирует образ Евросоюза его дипломатический протокол²¹. МИД третьей страны (т.е. не члена ЕС), устанавливая дипломатические отношения с Европейским союзом или меняя посла, направляет в протокольную службу Европейской комиссии (непосредственно или через свое представительство при ЕС) запрос на агреман (в форме вербальной ноты, к которому на нетитулованной бумаге прилагается *curriculum vitae* посла). Как правило, на ответ требуется около двух месяцев, а в период отпусков может пройти еще больше времени, так как кандидатура посла должна быть одобрена Европейской комиссией, Советом Европейского союза и правительствами государств-членов. Когда эта процедура благополучно завершена, о результате МИД аккредитующей страны извещают вербальной нотой. По этому поводу Генеральный секретариат Совета ЕС обычно распространяет пресс-релиз.

В ожидании посла протокольная служба Комиссии обращается в МИД Бельгии с просьбой предоставить полагающиеся послу привилегии и иммунитеты и известить об этом таможенную и пограничную службы. Детали церемониала акцентируют внимание на двойственном характере интеграции, строящейся одновременно как на межгосударственном, так и на наднациональном уровне. Аккредитованный при ЕС посол третьей страны, впервые прибывающий в Брюссель, везет с собой не одну, как это принято в мировой дипломатии, а две верительные грамоты. По приезде посла их копии передаются в протокольный отдел Европейской комиссии, после чего определяется время

вручения грамот. Таким образом, одна верительная грамота предназначается Председателю Европейского совета как главе института, строящего свою деятельность на основе межгосударственного согласования, другая — Председателю Комиссии ЕС, института наднационального. Аналогично в обоих случаях вручаются и отзывные грамоты предыдущего главы миссии. Перед окончательным отъездом из Брюсселя посол направляет прощальные письма как главе Европейского совета, так и главе Комиссии.

Непосредственная передача информации в различные страны мира и установление необходимых контактов с их руководством и общественностью осуществляется, прежде всего, в рамках одного из самых многочисленных дипломатических корпусов мира — в дипломатическом корпусе при ЕС в Брюсселе. Там аккредитованы 164 миссии и представительства, 36 международных организаций и ряд других акторов²².

Символический посыл, акцентирующий внимание на христианских корнях европейской цивилизации, заключается в том, что дуайеном дипломатического корпуса при ЕС неизменно становится папский нунций.

В качестве его заместителя выступает посол, приступивший к исполнению своих обязанностей ранее других послов при ЕС. Значимость интеграционной дипломатии выражена также в подчеркивании старшинства послов ЕС, когда на приеме, организованном одним из членов дипломатического корпуса ЕС, аккредитованные при ЕС послы имеют старшинство по отношению к главам других миссий.

Протокол ЕС отдает дань памятным датам общеевропейского и национального характера. По устоявшемуся обычаю, дипломатическая миссия, аккредитованная при ЕС, в День Европы 9 мая вывешивает свой национальный флаг на здании миссии, а по желанию, и на здании резиденции главы миссии. Миссии в Брюсселе вывешивают свой флаг также в День Бельгии 21 июля и в День королевской династии Бельгии 15 ноября.

Особое внимание уделяется сегодня цифровой публичной дипломатии²³. ЕСВД признала возрастающую роль СМИ и зарегистрировалась в социальных сетях в качестве организации. Руководство ЕСВД поощряет делегации к активному присутствию в Интернете. При этом рекомендуется выходить в Сети на языке страны пребывания.

Считается, что это предоставит им большие возможности в проведении коммуникационных стратегий в отношении той или иной группы населения. Дипломаты утверждают: «Если мы стремимся к успешному результату наших усилий обеспечить понимание нашей

общественной жизни и нашей политики населением других стран, мы должны понять культуру, историю и психологию народа, с которым мы хотим общаться» [Gifford, 2002].

В странах, где Интернетом охвачены широкие слои, руководители делегаций делают ставку на электронную коммуникацию, сведя к минимуму распространение печатных материалов или полностью от них отказываясь. Это позволяет постоянно и оперативно обновлять информацию на сайтах посольств и Евросоюза. К тому же цифровая дипломатия дает возможность практиковать многоуровневую дипломатию и в реальном времени непосредственно обращаться к гражданам, минуя правительственные каналы. Через сети устанавливаются связи с людьми, формирующими общественное мнение, с влиятельными блогерами, журналистами и представителями гражданского общества. Очевидно, однако, что зачастую ограниченный объем информации, поставляемой в социальные сети, не позволяет дать всесторонний анализ сложных и трудно разрешимых проблем и начать плодотворный диалог.

Зачастую термины *публичная дипломатия* и *культурная дипломатия* взаимозаменяемы. Таким образом, культура, бесспорно, является значимой составляющей публичной дипломатии. Культурные ассоциации и организации сотрудничества выступают в качестве важнейших партнеров в проведении в жизнь дипломатии «мягкой силы». В декларациях ЕС подчеркивается готовность к диалогу с гражданским обществом в рамках Ассоциаций дружбы, НПО, профсоюзов и пр. Отмечается, что совершенно необходим диалог с теми, кто не согласен с политикой ЕС, например, при обсуждении заключаемых Союзом торговых соглашений²⁴. Европейский парламент активно занимается продвижением публичной дипломатии в области культуры, стремится «повысить интерес к европейским ценностям»²⁵.

В 2016 г. Комиссия одобрила новую «Стратегию ЕС в развитии международных культурных отношений»²⁶. Ее разработчики отмечают роль культуры как ценного ресурса, способствующего преодолению возникающих вызовов, например, разрешению проблем интеграции беженцев и мигрантов, борьбе с радикализацией насилия, защите культурного наследия. Для успешного проведения в жизнь положений этой Стратегии предлагается осуществлять поддержку культуры как двигателя социального и экономического развития. Культура рассматривается как центральный элемент новой креативной экономики, инноваций, компьютеризации и доступа к знаниям. Культурная и творческая промышленность представляет 3% глобального ВВП и предоставляет 30 млн рабочих мест, из них 7 млн в странах ЕС.

Особое внимание Стратегия уделяет межкультурному диалогу, включая межрелигиозный диалог, как ключевому способу создания миролюбивых и инклюзивных обществ, сохраняющих ценность культурных различий и уважающих права человека. Диалог призван осуществляться путем сотрудничества культурных ассоциаций, молодежного и студенческого обмена, обмена учеными, исследователями и преподавателями. Сохранение культурного наследия будет способствовать расширению туризма и станет серьезной поддержкой экономического роста.

Комиссия берет на себя обязательство выступить с законодательной инициативой, направленной на регулирование импорта культурных товаров в ЕС. Она также предлагает Европейскому парламенту и Совету ЕС превратить 2018 г. в Год культурного наследия. Главное, что следует сделать, — это обеспечить синергию основных акторов культурной политики, т.е. правительственных организаций, культурных ассоциаций, гражданского общества. В этом контексте особая роль принадлежит ЕСВД и делегациям ЕС, которые уже накопили опыт проведения значительного числа культурных мероприятий в странах их пребывания. Им и далее надлежит способствовать сотрудничеству между культурными институтами, фондами, частными и государственными предприятиями.

Предложенная в феврале 2016 г. «Платформа культурной дипломатии» рассчитана на стратегических партнеров и осуществляется совместно Консорциумом институтов культуры стран ЕС. Задача Консорциума — консультировать Европейскую комиссию и ЕСВД по вопросам культурной политики, развивать сетевое сотрудничество, взаимодействовать со стейкхолдерами в области культуры и разворачивать тренинги для работников культуры.

Конкретным примером в этой области стал пилотный проект создания сети молодых предпринимателей в области культуры. Креативная европейская программа, основной инструмент финансирования культуры, открыта для соседей и стран-кандидатов на вступление в ЕС. Подготовленная Комиссией Программа 2014–2020 гг. рассчитана на группу африканских стран и стран Карибского и Тихоокеанского бассейнов, представленных Комитетом послов этих стран. Она направлена на поддержку вклада культурной индустрии в социально-экономическое развитие²⁷. Разрабатывается инициатива межкультурного диалога между местными органами власти, финансируемая еэсовским Инструментом развития сотрудничества.

ЕС заявляет также о поддержке фонда Анны Линд²⁸ и программы «Голоса арабской молодежи», направленной на противодействие экстремизму и радикализации насилия. Продолжается проведение в жизнь второго этапа Культурной программы в отношении творческих групп гуманитарного, социального и экономического развития стран Восточного партнерства. Разработан проект Стратегии развития исторических городов, включая города Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы и Украины. В настоящее время изучается возможность культурного сотрудничества с Ираном, открытия в Тегеране Дома европейской культуры, похожий проект готовится в отношении Украины²⁹. Делегации рассматриваются в качестве основного проводника культурной политики за рубежом ЕС.

Несомненно, частью публичной дипломатии ЕС стала дипломатия СМИ, включающая и понятие пропаганды. СМИ вносят новые моменты в дипломатический процесс. Общественное мнение становится все более осведомленным благодаря скорости передачи информации. Дипломаты могут извлечь немалую пользу из того факта, что СМИ молниеносно воздействуют на общественное мнение, что позволяет использовать его потенциальные возможности для достижения поставленных целей. Европейская служба внешних действий считает своей первоочередной задачей работу с международной прессой, аккредитованной в столице Бельгии. Примером такого взаимодействия может служить имевшая место в 2016 г. дискуссия с участием членов Европейского парламента и чиновников Европейской службы внешних действий. На мероприятие были приглашены представители прессы. Речь шла о французских военных операциях в Мали и о проблемах Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Ход дискуссии освещался как в прессе стран ЕС, так и в массмедиа других стран³⁰.

В настоящее время все значимые европейские конференции, саммиты, форумы, как правило, немедленно знакомят мировое общественное мнение с информацией о ходе работ, размещаемой на соответствующих веб-сайтах. Правда, в условиях постоянного совершенствования информационных технологий, обеспечивающих общение в режиме реального времени в глобальном масштабе, общественное мнение может быть умышленно введено в заблуждение. Для дипломатов существует и опасность того, что массмедиа способны оттеснить на второй план профессиональные дипломатические институты и подменить собой традиционные дипломатические каналы связи, — все это грозит значительным усложнением дипломатических отношений.

Следуя за СМИ, внешняя политика лишается возможности проведения инновационного курса, она, как правило, ограничится реакцией на поступающие сообщения. Бесспорно и то, что временами публичная дипломатия ЕС, политизируя свою пропаганду, прибегает к бытующим в народном сознании стереотипам. С сарказмом подобные стереотипы высмеивает проживающий в Лондоне болгарский художник Янко Цветков. Нарисованные им «карты Европы» фиксируют бытующее восприятие европейцами той или иной страны. Так, Россия изображается сплошной серой территорией, над которой нависает надпись «Газпром» [Zonova, 2013].

ЕСВД действует в тесной координации с внешнеполитическими акторами стран-членов. Проекция имиджа ЕС осуществляется как пассивным способом (посредством веб-сайтов, блогов или публикаций различных материалов и результатов исследований), так и активно (в ходе визитов официальных представителей ЕС в страны мира или посольствами ЕС в этих странах).

Учитывая возросшую роль неправительственных организаций в международной политике, ЕСВД придает большое значение синхронизации своей публичной дипломатии с той, которую осуществляют НПО. Это намного повышает эффективность дипломатии Евросоюза [Rasmussen, 2009]. Такое взаимодействие в исследовательской литературе получило название «дипломатия-катализатор» [Зонова, 2003].

Временами публичная дипломатия, проводимая ЕС, и публичная дипломатия стран-членов преследует разные цели. Нередко чиновники ЕС выказывают недовольство освещением их действий прессой стран, входящих в ЕС. Так, Марго Вальстрём в бытность вице-председателем Европейской комиссии жаловалась, что «национальные правительства любят подчеркивать доверие к той политике ЕС, которая находит положительный отклик у граждан, когда же речь идет о непопулярных мерах, они во всем обвиняют “Брюссель”» [Wallström, 2007]. Публичная дипломатия стран—членов ЕС, как считает ряд экспертов, чаще нацелена на продвижение имиджа своей собственной страны, в то время как политика ЕС остается за скобками [Melissen, 2011].

Многие обозреватели полагают: эффективность интеграционной дипломатии снижается в связи с тем, что европейские внешнеполитические акторы оказываются в двойственном положении. Ведь министры иностранных дел и подчиненные им дипломаты по своей природе являются национальными акторами. Однако в течение ограниченного времени они действуют как акторы Общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ). В самом деле, дипломаты и политики

третьих стран не всегда могут четко представить себе различие между ролью министра как представителя своего государства и его ролью как представителя интересов ЕС [Зонова, 2015].

Делегации также призваны поддерживать и защищать деятельность национальных вещаний, имеющих выход на широкую мировую аудиторию, например Би-би-си, Французское интернациональное радио, «Дойче Велле». В рамках ВТО страны ЕС сталкиваются с требованием либерализовать рынок культурной собственности. В их интересах координировать деятельность европейских стран в этом направлении.

Публичная дипломатия ЕС должна бы использовать почему-то забытое радио, передачи которого могут дойти до слуха большего числа людей, чем это делает Интернет. Для значительного числа жителей Африки южнее Сахары и ее других регионов радио все еще остается самым главным средством массовой информации. Делегациям можно участвовать в создании программ на местном языке с помощью наемных местных кадров, причем это не будет стоить больших затрат.

Роль в публичной дипломатии представительств ЕС

Сеть представительств ЕС намного превосходит сеть двусторонних посольств большинства членов ЕС. Сегодня делегации ЕС (139 делегаций³¹) аккредитованы при главах государств и международных организациях, в частности при ООН, ВТО и ОБСЕ. В Нью-Йорке представительство Европейской комиссии при ООН было учреждено еще в 1964 г. После Лиссабона статус этого представительства значительно повышен. Раньше в Генеральной Ассамблее Европейский союз представляли по очереди те страны, которые каждые полгода возглавляли Европейский совет. Ныне представительство осуществляется Председателем Европейского совета и Высоким представителем ЕС по вопросам общей внешней политики и политики безопасности. Делегация в Вене представляет ЕС при ООН, при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и при других международных организациях, пребывающих в столице Австрии. В последние несколько лет сеть делегаций ЕС была расширена на Малайзию, Сингапур, Саудовскую Аравию, Камбоджу, Лаос, Непал, Парагвай и Тайвань. Таким образом, создается постоянно расширяющаяся сеть дипломатических структур, которые замыкаются на Брюсселе. В целом в представительствах ЕС занято более 700 дипломатов и функционеров ЕС и около 1600 работающих по контракту местных жителей.

Важность интеграционной дипломатии подчеркивается и изменением статуса миссии третьей страны при ЕС на более высокий статус посольства, если страна становится членом Союза. Все это, несомненно, превращает ЕС в достаточно привилегированного актора международных отношений, а его делегации — в активного проводника публичной дипломатии.

Общеввропейские представительства появились более полувека назад. Начало было положено открытием представительств Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). В США сначала появилось информационное бюро, которое издавало бюллетень «Наша цель — федеральное правительство Европы», в 1954 г. бюро превратилось в представительство. В 1972 г. делегация Комиссии стала первым представительством Европейских сообществ в США. Она была аккредитована в Вашингтоне и в соответствии с принятым Конгрессом законом обрела полный дипломатический статус. Объединяющаяся Европа практиковала и пассивную дипломатию. В 1952 г. при ЕОУС открывается английское бюро по связям, вскоре и США учреждают свое представительство. В 1956 г. в Брюсселе получает аккредитацию английское посольство.

Первые представительства ЕС были фактически небольшими офисами, они представляли не все Сообщество, а скорее лишь один из департаментов Комиссии, который занимался внешними сношениями. Перелом наступил в 1973 г. в связи с вступлением в ЕС Великобритании и подписанием в 1975 г. Ломейской конвенции с сорока шестью развивающимися государствами. В этой Конвенции представитель ЕС именуется главой делегации, а его назначение и аккредитация происходят с соблюдением общепринятых дипломатических процедур. К 1980 г. в мире насчитывалось пятьдесят делегаций, наделенных функциями дипломатического представительства. В последующий период в год открывалось в среднем по пять новых европейских представительств. К началу 1990-х годов в восьмидесяти делегациях численность дипломатического персонала достигла 440 сотрудников, а работающих по контракту местных жителей насчитывалось почти 1500 человек [Hocking, Spence, 2005].

Задача делегаций определена как «участие в проведении общей внешней политики и политики безопасности и вовлеченность в процесс принятия решений по этим вопросам, осуществление публичной дипломатии, сбор информации и подготовка аналитических докладов, тесное сотрудничество с посольствами стран—членов ЕС».

Главы делегаций могут принимать участие в заседаниях Совета по внешней политике и соответствующих комитетов парламента, а также

содействовать работе президента Европейского совета. При назначении нового посла особое внимание обращают на его умение достичь консенсуса при решении спорных вопросов, его гибкость и способность работать в мультикультурной среде, быть успешным посредником в разрешении конфликтов. Эти качества он должен проявлять, прежде всего, в условиях возникающих межгосударственных или межэтнических конфликтов. Наряду с этим, коль скоро в делегацию входят как еврочиновники, так и командированные странами ЕС дипломаты, задача посла — сглаживать объективные противоречия и находить взаимоприемлемые решения внутри самой делегации.

Среди задач делегации особо выделяется необходимость в рамках сотрудничества содействовать развитию отношений и строительству партнерства, основанного на общих принципах. Публичная дипломатия делегации в Вене, способствующая установлению контактов и обмену информацией, направлена на «достижение большего понимания со стороны международных организаций политики и ценностных ориентиров ЕС и его роли на мировой арене, его твердой приверженности положениям Устава ООН и соблюдению международного права»³².

Для публичной дипломатии очень важно, что теперь делегации представляют именно Европейский союз, а не Комиссию, как это было до Лиссабона. От имени Евросоюза происходит осуществление информационных акций в отношении третьих стран и разворачивается программа «ЕС в мире». Это предполагает рассылку приглашений посетить ЕС, распространение публикаций по внешней политике, аудио- и видеоматериалов, развитие онлайн-средств информации, поддержку журналистов, оказывающих влияние на формирование общественного мнения. Делегации на местах занимаются также организацией культурных мероприятий, связями со СМИ, проведением информационных кампаний. В настоящее время на эту деятельность ежегодно выделяется около 15 млн евро. Из этих средств около 10% реализуется внутри ЕС.

Подразделение Стратегической коммуникации ЕСВД ежедневно направляет главам делегаций и их пресс-атташе инструкции. В 2012 г. ЕСВД совместно с Гендирекцией Комиссии по коммуникации выпустили для делегаций «Руководство по информации и коммуникации». Делегациям предписывается сосредоточить действия на пяти приоритетных направлениях, отражающих европейские ценности и стремление к миру, безопасности и процветанию. Речь идет о выдвижении ЕС на роль главного партнера в продвижении демократии; подчеркивании роли ЕС как самого крупного донора в отношении программ сотруд-

ничества и развития; представлении ЕС как мощного экономического актора, использующего в качестве инструмента перемен развитие торговых связей; продвижении прав человека путем политического диалога на высоком уровне; представлении ЕС в качестве неперменного актора, отвечающего на глобальные вызовы безопасности.

Делегациям предписывается также разрабатывать стратегию публичной дипломатии совместно с представительствами стран—членов ЕС. Иногда это весьма успешно осуществляется, как, например, в Бразилии или Мексике. Напротив, со стороны Брюсселя раздается критика по поводу ситуации, сложившейся в Северной Африке, где «только делегации ЕС занимаются продвижением демократии и прав человека, в то время как национальные представительства преследуют исключительно свои собственные интересы» [Witney, Dworkin, 2012: 5].

После Лиссабона в рамки публичной дипломатии включается Общая политика безопасности и обороны (ОПБО), что ранее не входило в сферу компетенции ЕСВД. Необходимость координации их выступлений потребовала создания «Руководства для официальных представителей ОПБО», задействованных в делегациях³³. Задачи глав делегаций в области публичной дипломатии осложнились также в связи с необходимостью уделять много времени внедренному в их обязанности финансовому менеджменту, что происходит и в отдельных странах—членах ЕС [Зонова, 2011].

Очевидно, что задачи публичной дипломатии, осуществляемой делегациями, значительно разнятся от страны к стране. На сайте делегации ЕС в Вашингтоне³⁴ говорится: «Миссия публичной дипломатии — это ключевой приоритет, поскольку партнерство ЕС и США представляет собой стратегическую значимость. Для поддержания основ наших отношений и для все большей продуктивности нашего партнерства важно взаимодействие на всех уровнях наших обществ. Важно, чтобы мы все больше узнавали друг о друге, о том, как функционируют наши политические, экономические и социальные системы и каким образом мы принимаем решения, позволяющие идти к общей цели»³⁵.

Предлагаемые программы включают в себя работу с молодежью, совместные мероприятия с посольствами и консульствами стран—членов ЕС, со СМИ. Большой резонанс получила программа «Рандеву», в ходе которой лидеры ЕС и США обсуждают сложные вопросы трансатлантических отношений. В День Европы послы и консулы стран ЕС разъезжают по территории США, разъясняя проблемы, стоящие перед ЕС, политическую линию и вопросы, касающиеся обеих сторон. В ходе празднования Дня Победы 9 мая во всех посольствах стран—членов ЕС

проводятся дни открытых дверей, на которые приходят десятки тысяч американцев. ЕС открыл также десяток Центров в известных американских университетах. В 2010 г. Европейский парламент учредил в Вашингтоне Бюро по связям, нацеленное на упрочение связей на всех уровнях с американскими конгрессменами и расширение трансатлантического диалога по вопросам законодательства.

Делегация ЕС в Москве располагает отделом прессы и информации, в Токио — прессы, культурных связей и связей с общественностью, в Пекине — прессы и информации. Из департамента стратегической коммуникации в делегации доставляются ежедневные инструкции, включающие сведения, поступающие из Комиссии. По окончании важных заседаний, например Совета, глав делегаций по телефону знакомят с основными результатами, особенно если речь шла об их стране пребывания или о регионе. Из Брюсселя поступают аудио- и видеоматериалы и извещения о предстоящих событиях.

Особое значение это имеет для делегаций, находящихся вблизи зон конфликтов или в странах, переживших кризис. Именно там надо особо разъяснять задачи европейских миссий, их цели и срок их пребывания. В этих случаях члены делегации призваны налаживать связи со значимыми руководителями гражданских или военных миссий в регионе, а спецпредставитель — нести значительную часть бремени публичной дипломатии. Вызов для делегации заключается не только в финансовых или людских ресурсах, но и в способности проводить последовательную публичную дипломатию, нацеленную на конкретную страну или регион, но сохраняющую последовательность и для ЕС в целом. В стране пребывания необходимо выявить значимых собеседников, что очевидно, если речь идет о правительстве или других официальных контактах, но менее очевидно, если это контакты с гражданским обществом. Введение аутсорсинга с целью проектировать «единую кампанию» (так было в Индонезии и на Брунее). Риск в данном случае состоит в том, чтобы брендинг и паблик рилейшнз, которые могут быть частью публичной дипломатии, будут отвлекать от того, что должно быть сутью публичной дипломатии, т.е. от строительства и поддержания долгосрочных отношений.

Делегации ЕС должны тесно сотрудничать с дипломатическими службами стран-членов. В то же время уже с 2010 г. предполагалось, что сотрудники ЕСВД будут выполнять свою работу исключительно исходя из интересов ЕС, они не должны запрашивать или получать инструкции от национальных правительств, властей, организаций или отдельных лиц, за исключением Высокого представителя³⁶.

Серьезной проблемой является координация публичной дипломатии стран-членов и самого ЕС, поскольку добиться того, чтобы они «говорили одним голосом», в настоящее время вряд ли возможно. Упор делается на допущение «единства в многообразии» и от имени ЕС совместные заявления делаются лишь при наличии единодушного одобрения со стороны всех членов. ЕС стремится также, чтобы к его заявлению по возможности присоединялись страны-кандидаты на вступление в ЕС (например, Черногория, Сербия, Албания), страны ЕАСТ (Лихтенштейн, Норвегия, Исландия).

В последние годы для работы в делегациях правительствами стран-членов командировались 174 дипломата, что составило 46,3% всего дипломатического состава представительств ЕС. Как правило, дипломаты остаются на этой работе в течение четырех–восьми лет и затем возвращаются в свои министерства и ведомства. В целом в рамках кадрового состава ЕСВД национальные кадры составляют 32,9%³⁷.

Неоднократно высказывалось мнение, что задачи публичной дипломатии по сложности превосходят цели более классического направления дипломатической деятельности. Именно поэтому в ЕС уже давно обсуждается вопрос об учреждении собственной Дипломатической академии для подготовки дипломатов исключительно для работы в ЕСВД и делегациях.

ВКЛАД ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СНГ В ИНТЕГРАЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОНФЛИКТОВ

Публичная дипломатия стала привычным атрибутом международной жизни начала XXI в. Ее ресурсы направлены на повышение привлекательности страны в глазах зарубежной общественности и широко применяются в мирополитической практике [Долинский, 2011; Зонова, 2012; Лебедева, 2015; Подберезкин, 2016; Cross, 2013; Zaharna, 2013; Schwan, 2011]. Интерес к публичной дипломатии растет и в России, и в странах ее ближайшего регионального окружения. К настоящему времени многие из них, прежде всего Казахстан и Армения, накопили значительный опыт и продолжают успешно работать на этом направлении [Боришполец, 2015]. Тем не менее до сих пор вопрос о потенциале публичной дипломатии интеграционных объединений постсоветских государств и о практике ее применения в контексте интеграционного сотрудничества остается во многом открытым. В этой связи особую актуальность представляет собой анализ публичной дипломатии Содружества независимых Государств (СНГ), для которой характерны, во-первых, наличие большого спектра профильных инициатив по различным направлениям гуманитарного сотрудничества, с участием правительственных и неправительственных акторов, а во-вторых, взаимодополняемость действий по повышению привлекательности интеграционных проектов для населения стран-партнеров и во внешней

международной среде, в-третьих, опора на позитивные элементы сотрудничества в целях преодоления конфликтных вызовов.

Ресурсы публичной дипломатии СНГ в области многостороннего гуманитарного сотрудничества

В 2016 г. исполнилось двадцать пять лет создания СНГ — первого и наиболее широкого по составу формата интеграционного взаимодействия постсоветских государств. История и современность этого объединения находятся в центре общественного внимания, разнообразных дискуссий политического и экспертного уровней. В интервью исполнительного секретаря СНГ С. Лебедева «на полях» заседания Совета глав правительств стран СНГ (Бишкек, 6–7 июня 2016 г.) указывалось, в частности: «Один из главных итогов работы СНГ — формирование условий для эффективного взаимовыгодного сотрудничества, отвечающего национальным интересам каждого участника... СНГ сегодня — это региональная межгосударственная организация, которая имеет сбалансированную программу совместных первоочередных и перспективных действий, направленных на сохранение и развитие широких многосторонних связей в целях обеспечения стабильного и динамичного социально-экономического роста одиннадцати государств Содружества... В истории становления Содружества были проблемные моменты, но есть немало и того, чем по праву можно гордиться. Ограничусь лишь двумя примерами — из начального периода существования организации и из недавнего прошлого... Многосторонние соглашения, заключенные в начальный период существования Содружества, позволили обеспечить нормальную работу социальных механизмов, столь необходимых для повседневной жизни миллионов людей, — выплаты пенсий и пособий, работу транспорта, связи и энергетики, — сохранить возможность беспрепятственного перемещения на постсоветском пространстве... Второй пример. 18 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге был подписан договор о зоне свободной торговли СНГ...» [Лебедев, 2016]. Приведенное суждение указывает на высокий вклад гуманитарной составляющей в успешное осуществление задач СНГ, но именно она изучена пока лишь в «первом приближении», причем скорее в плане институциональной организации, чем других моментов. Иными словами, обращение к теме публичной дипломатии, «встроенной», по существу, в каждое из десяти специализированных направлений гуманитарного сотрудничества по линии СНГ³⁸, интересно не только с точки зрения предмета научного

дискурса, но и для укрепления позитивного имиджа СНГ как многостороннего проекта.

Наиболее широко компонент публичной дипломатии представлен на трех специализированных направлениях взаимодействия стран—членов СНГ в гуманитарной сфере: культурное сотрудничество, молодежная политика и образование.

Культурное сотрудничество³⁹. Практическая работа в области культурного сотрудничества значительно активизировалась на этапе 2015—2016 гг. Характерно, что «диалог культур и культурная политика неизменно рассматриваются государствами—участниками СНГ не только как значимая составляющая часть гуманитарного взаимодействия, но и как один из важнейших факторов укрепления дружбы и доверия между народами стран Содружества»⁴⁰. Положительному общественному восприятию культурного сотрудничества в СНГ способствовало проведение в 2015 г. большого числа крупных международных мероприятий, таких как Всемирный форум по межкультурному диалогу «Обмен культурными ценностями в интересах общей безопасности» (Баку), Международная конференция «Культурная политика, политика для культуры: роль культуры в устойчивом развитии в “повестке пост-2015”», посвященной 70-летию основания ЮНЕСКО (Ереван), Второй Молодежный театральный форум стран СНГ, Грузии и Балтии (Минск), юбилейные Десятые молодежные Дельфийские игры государств—участников СНГ, посвященные 70-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Орловская обл., РФ), Международный выставочный проект Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на Поклонной горе «В борьбе против нацизма мы были вместе», посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Москва), Дни российской духовной культуры в Республике Беларусь (Минск).

Одним из приоритетов программы культурного сотрудничества СНГ на 2016 г. стал выставочный проект «Этно Арт Фест», основанный на идее проведения серии конкурсов в целях развития и укрепления международного культурного сотрудничества через популяризацию традиционных искусств, национальных ремесел и промыслов. Активными участниками проекта стали современные художники, мастера народных промыслов и ремесел из разных регионов России и стран СНГ, а лучшие из тысяч поступивших на конкурс работ были представлены на выставке в Лондоне, посвященной 25-летию СНГ.

Подготовительная работа, большое число участников и зрителей, освещение в СМИ, приветственные послания или непосредственное

присутствие глав государств, деятелей политики и искусства, торжественное вручение наград победителям творческих соревнований придают культурным событиям, организуемым по линии СНГ, во-первых, представительный характер, подтверждающий многосторонний статус Содружества, а во-вторых, становятся мощным импульсом в культурной и духовной жизни населения всего интеграционного пространства. В целом по линии культурного сотрудничества СНГ на период 2016–2020 гг. запланировано проведение более ста крупных мероприятий массового, просветительского и профессионального характера, ориентированных на интересы как широких слоев населения различных стран, так и творческой интеллигенции, деятелей литературы, искусства, кино, библиотечных работников, руководителей исполнительских коллективов, т.е. на весь спектр социальных групп, непосредственно вовлеченных в развитие культурного потенциала общества.

Привлекательность многостороннего культурного сотрудничества стран Содружества в полной мере обусловлена его рабочим содержанием. Широко представлены мероприятия в области театрально-концертной деятельности, музыкальной сферы, изобразительного искусства и книгоиздания. На пространстве СНГ и в мире известны международные конкурсы им. П. И. Чайковского и М. И. Глинки (проходят в РФ), Международный конкурс вокалистов им. Бюльбюля (проходит в Азербайджане), Международный конкурс им. Арама Хачатуряна (проходит в Армении), Международный фестиваль искусств «Белорусская музыкальная осень» (проходит в Белоруссии), Международный фестиваль «Опералия» (проходит в Казахстане).

В перечне популярных мероприятий необходимо отметить и ежегодный Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», в рамках которого регулярно проводятся Международный конкурс исполнителей эстрадной песни, выставки, гала-концерты мастеров культуры, разнообразные программы, например «Фестиваль без границ», «Театральные встречи», «Звездный час», массовые выступления детских коллективов.

Широкую известность и популярность завоевал Международный музыкальный фестиваль в городе Габале (Азербайджан). В 2015 г. с успехом прошли международные кинофестивали «Золотой абрикос» в Ереване и «Лістапад» в Минске, Международный фестиваль театров кукол «Ортеке» в Казахстане и фестиваль ремесленников «Оймо» в Киргизии, Международный фестиваль звезд оперы и балета «Мария Биешу» в Молдавии, Международный фестиваль русских театров стран

СНГ и Балтии «Встречи в России», театральный фестиваль русских театров Центральной Азии в Таджикистане. Многие из перечисленных событий международной культурной жизни на пространстве СНГ носят регулярный характер.

Вклад в развитие культурной жизни вносит и ежегодный Форум переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии, проводимый в Ереване (Армения). Он предоставляет хорошую возможность для продвижения новых проектов и поддержки молодых переводчиков, для установления профессиональных связей между переводчиками и издателями, представляющими разную культурную среду и различные области читательских интересов.

Резонансными в плане привлечения общественных симпатий к интеграционным процессам в формате СНГ стали события культурной и политической жизни, посвященные 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., которые проходили в 2015 г., объявленном в СНГ Годом ветеранов. В этой связи в январе 2015 г. Межпарламентская ассамблея СНГ запустила спецпроект «Все для Победы!». В честь празднования юбилея Победы и в знак благодарности ветеранам во всех странах Содружества было проведено много разнообразных по количеству участников и тематике мероприятий, ставших поводом для проявления приверженности нынешнего поколения граждан общим ценностям, позволившим победить фашистскую агрессию. Массовый публичный характер этих мероприятий наглядно подтвердил, что, несмотря на новые реалии, и через семьдесят лет народы стран СНГ сохранили глубокое уважение к общей истории.

Знаковым стал, в частности, такой интернациональный проект, как «Эстафета памяти», завершившийся в апреле 2015 г. финальной церемонией в Санкт-Петербурге с участием глав парламентов стран СНГ, ветеранов и молодежи, во время которой частички Вечного огня из стран Содружества объединили в одно пламя Победы. Еще одним крупным мероприятием, призванным укрепить позитивный смысл постсоветской интеграции, явилась «Эстафета Победы вдоль внешних границ государств–участников СНГ», стартовавшая 2 февраля 2015 г. из белорусского Бреста и российского Мурманска. Участники эстафетных групп преодолели более 70 тыс. км по границам стран Содружества и Монголии. По маршруту Эстафеты Победы проводились митинги, уроки мужества, встречи с ветеранами и воинами-пограничниками. В завершающей церемонии, проходившей 28 мая 2015 г. в День пограничника на Поклонной горе в Москве, приняли участие руководители

и представители пограничных ведомств Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Монголии, ветераны и курсанты-пограничники⁴¹.

Активным компонентом публичной дипломатии СНГ последних лет явилось продвижение разнообразных выставочных инициатив, крупнейшей из которых стал уже упоминавшийся Международный проект Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Поклонной горе «В борьбе против нацизма мы были вместе». Примечательным было также проведение Пятого Международного историко-культурного форума «Великая победа, добытая единством», многих других мероприятий широкого социогуманитарного профиля: «К 70-й годовщине Победы в странах Содружества было приурочено около 20 международных научных и научно-практических конференций, а также многочисленные эстафеты, спортивные соревнования, международные фестивали, молодежные лагеря, конкурсы, выставки документов, фотоматериалов, книг, вещей героев войны, произведений изобразительного искусства, плакатов военных лет... И делалось это не только для ветеранов, но и для молодежи, для будущих поколений, которые ни в коем случае не должны забыть, какой ценой досталось нам всем мирное небо, только вместе мы сможем противостоять, как теперь принято говорить, общим вызовам и угрозам» [Жусупбеков, 2016].

Как отмечалось в Обращении глав государств–участников Содружества Независимых Государств к народам государств–участников Содружества и мировой общественности в связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: «В суровые годы войны на полях сражений и на трудовом фронте ярко проявились нерушимая дружба и высочайший патриотизм наших народов, завоевавших в едином строю общую Победу. Великое наследие Победы является сегодня важной духовной ценностью, нравственным ориентиром для послевоенных поколений по установлению справедливого и безопасного мира»⁴².

Большой позитивный резонанс в общественной жизни стран СНГ имеют и регулярно проводимые с 2011 г. мероприятия в формате «Культурные столицы Содружества», в которых участвуют все страны СНГ, кроме Узбекистана и Украины. В соответствии с этой многосторонней программой творческие ресурсы участников концентрируются, как правило, в двух государствах, в которых выбирается по одному нестолькому городу. Основные задачи программы органично вписываются в практику публичной дипломатии, поскольку способствуют развитию

«горизонтальных связей» и творческих обменов, наращиванию гуманитарного потенциала территорий и городов. Реализация формата «Культурные столицы Содружества», которая в каждом случае насчитывает более сотни различных акций, способствует оживлению культурной жизни периферийных городов и развитию партнерских связей в сфере культуры стран СНГ. Расширяются возможности знакомства населения с лучшими образцами национальной культуры, а торжественные церемонии вручения сертификата Культурной столицы Содружества активно освещаются на национальном и международном уровнях. Это стимулирует продвижение национальных брендов, туризма в рамках СНГ и за его пределами. Укрепляются и профессиональные связи работников культуры. На площадках городов, принимающих статус культурных столиц, проводятся тематические конференции с участием руководителей ведущих национальных музеев, научно-исследовательских институтов, университетов стран СНГ, организуются выставки, концерты мастеров искусств, ярмарки народных промыслов. Как указывают эксперты, многотысячная аудитория, каждый раз непосредственно участвующая в городских событиях программы «Культурная столица», свидетельствует об успешном развитии взаимообогащающих связей между народами, имеющими глубокие исторические корни⁴³.

В контексте реализации культурного сотрудничества в СНГ тесно переплетены многосторонние и двусторонние форматы, каждый из которых включает компоненты публичной дипломатии. Двусторонними по своим организационным характеристикам, но многосторонними по информационной поддержке и социально-политическому резонансу являются такие события культурной жизни, как проведение Дней культуры стран-партнеров. Например, в 2015 г. прошло около десяти мероприятий такого рода: Дни культуры Туркменистана в Киргизии, Таджикистана в Белоруссии, Туркменистана в Армении, Белоруссии в Таджикистане, Молдавии и Туркмении, Таджикистана в России, Дни духовной культуры России и Белоруссии в Белоруссии; в первой половине 2016 г. состоялись Дни культуры Киргизии в России и России в Казахстане, Армении в Белоруссии. В содержании программ Дней культуры произведения музыкальной классики сочетаются с народными песнями, фольклорными композициями, современными эстрадными номерами. С особой теплотой зрители и СМИ откликаются на музыкальные произведения, исполняемые на языках принимающей страны. Столь же позитивно воспринимаются и проводимые в период Дней культуры выставки, презентации, встречи мастеров искусств с представителями молодежи. Тем самым двустороннее культурное со-

трудничество становится фактором укрепления исторически сложившихся традиций гуманитарного общения народов стран СНГ и подтверждает взаимную заинтересованность в развитии дружеских связей с позитивно воспринимаемыми партнерами по интеграции.

Обогащению опыта публичной дипломатии по линии интеграционного проекта СНГ способствовал и проводившийся в апреле в 2016 г. в Анкаре вечер «Поэзия весны», приуроченный к 25-летию СНГ⁴⁴, в котором приняло участие значительное число русскоговорящей молодежи, представители общественности и организаций соотечественников. Примечательно, что это мероприятие состоялось, несмотря на кризис российско-турецких отношений, что подтверждает высокий потенциал СНГ и эффективные средства его публичной дипломатии в сфере международного гуманитарного сотрудничества. Приведенный пример организации культурных мероприятий не является абсолютно типичным. Тем не менее он демонстрирует позитивные возможности публичной дипломатии интеграционных объединений в ситуациях, когда происходит ухудшение двусторонних межгосударственных отношений. Полученный на этой основе опыт показывает, что использование ресурсов публичной дипломатии многосторонних структур позволяет снизить тревожность массовых настроений и поддержать стремление к переговорному пути разрешения политических противоречий.

Молодежная политика. Сотрудничество в сфере работы с молодежью относится к одному из важнейших направлений взаимодействия стран СНГ. В 2005 г. был создан Совет по делам молодежи, в работе которого участвуют восемь стран⁴⁵. Его деятельность направлена на содействие сотрудничеству в сфере работы с молодежью: «изучение и обсуждение проблем молодежи; обобщение опыта работы и подготовка рекомендаций по актуальным направлениям молодежной политики; разработка многосторонних документов о сотрудничестве; оказание помощи в подготовке и осуществлении национальных программ по молодежной политике»⁴⁶. К настоящему времени благодаря организационной поддержке Совета в странах СНГ было успешно реализовано несколько десятков профильных инициатив, в частности объявление 2009 г. Годом молодежи, разработка Стратегии международного молодежного сотрудничества государств–участников СНГ на период до 2020 г.⁴⁷, участие молодежи в праздновании 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, осуществление в год 25-летия Содружества Международного молодежного проекта (2016) «100 идей для СНГ».

Привлекательность взаимодействия стран СНГ в области молодежной политики обеспечивается как тематикой многосторонних проек-

тов, так и разнообразными форматами их проведения, ориентированными на привлечение наиболее активной части молодого поколения. Участие в дискуссиях, конкурсах, спортивных соревнованиях и других мероприятиях, расширяющих горизонты человеческого общения, позитивно воспринимаются не только молодежью, но и представителями старших поколений граждан СНГ. Одновременно формируется перспективное предметное поле для инициатив государственных органов, общественных организаций и корпоративного сектора, участвующих в работе с молодежью.

Результативность публичной дипломатии в сфере многостороннего сотрудничества на молодежном направлении особенно наглядно проявилась в контексте проведения в государствах — участниках СНГ молодежных мероприятий, посвященных 70-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Начиная с 2013 г. эти тематические акции приобрели регулярный характер и привлекли к участию десятки тысяч молодых людей. Помимо организационной, в них были заложены большая просветительская, патриотическая и информационная составляющие, направленные на аргументированное противодействие попыткам искажения истории, популяризацию знаний о реальных исторических событиях, а также исполнение песен и литературных произведений, посвященных Великой Отечественной войне. Кроме того, молодежь повсеместно принимала участие в работах по благоустройству и уборке воинских захоронений. В 2015 г., объявленном в СНГ Годом ветеранов Великой Отечественной войны, прошли многочисленные молодежные мероприятия патриотического содержания: был проведен Международный лагерь студенческого актива «Славянское содружество» (23–31 августа 2015 г., Краснодарский край, Россия), в котором участвовали молодые люди из 17 стран; организованы фестивали молодежного и народного творчества «Дорогами Победы» (Республика Казахстан), «Содружество. Золотое кольцо» (Владимирская область, Россия); фестиваль соотечественников «С Россией в сердце» (Россия); международные молодежные лагеря, посвященные 70-й годовщине Победы: «Бе-Ла-Русь» (палаточный лагерь в Гомельской области Белоруссии); «Дни молодежи Содружества» («Этномир» в Калужской области России)... В Ленкоране (Республика Азербайджан) в формате масштабной исторической реконструкции состоялся фестиваль «Живые страницы истории»⁴⁸.

Общая программа молодежных мероприятий стран СНГ, посвященная 70-летию юбилею Победы, способствовала активизации

профильной деятельности на национальном уровне большинства государств Содружества, причем, как правило, для участия в тематических событиях приглашались представители России/российских регионов и ближайших соседей на пространстве СНГ. Военно-исторической тематике были посвящены специальные школьные уроки, учебные издания, передвижные фотовыставки. Наряду с материалами, освещающими военные подвиги, большое внимание уделялось также вкладу, внесенному в общую Победу тружениками тыла, примерам проявлений интернационализма и гуманизма в чрезвычайно напряженных условиях тыла со стороны представителей разных национальностей. Такие акции получили особенно широкий резонанс в России, Белоруссии, Казахстане, Армении и Киргизии.

Помимо традиционных форм работы с большими группами молодежи или целевыми молодежными коллективами, например «фестивалями», «летними лагерями», «слетами», «школами», «конференциями», «военно-патриотическими играми», «показами исторических фильмов» и т.д., в практику активно вводились новые элементы, сочетающие общественные и личные стимулы вовлеченности в масштабные акции патриотической направленности. Так, с 2014 г. в России и других странах СНГ началось формирование видеоархива воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «В рамках проекта создан единый информационный портал с расширенным функционалом, создано мобильное приложение, позволяющее записывать и загружать видеоролики с мобильного телефона... Проект работает и имеет свои представительства во всех субъектах Российской Федерации, а также в странах СНГ: Республике Азербайджан, Республике Армения, Республике Беларусь, Казахстане, Кыргызстане, Республике Молдова, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине. В проекте были задействованы более 13 400 волонтеров, собрано 21 200 интервью ветеранов...»⁴⁹, проводились многочисленные тематические обсуждения, а также флешмобы и другие динамичные мероприятия, привлекающие внимание современных молодых людей. Молодежь активно участвовала и в уникальном проекте «Бессмертный полк», ставшем знаковой демонстрацией истинных уmonoастроений на пространстве СНГ и подтверждением неприятия населением извращений исторической правды в каких бы вариантах они сегодня ни предлагались.

Рассматривая многостороннюю и разноуровневую практику публичной дипломатии СНГ на молодежном направлении, целесообразно подчеркнуть, что школьники и студенты активно участвова-

ли во всех памятных мероприятиях. «В ряде государств—участников СНГ состоялись молодежные спортивные шествия, посвященные Дню Победы, реконструкции военных эпизодов времен Великой Отечественной войны, великого подвига народов Советского Союза, являющегося общей духовной ценностью и нравственным ориентиром для нынешнего и будущих поколений»⁵⁰. Другими словами, фактор публичной дипломатии был применен в своей не только тактической, но и стратегической проекции, как для решения задач в контексте текущей политической ситуации последних лет, так и для форматирования общественных настроений на пространстве СНГ в долгосрочной перспективе.

Практика публичной дипломатии СНГ в сфере сотрудничества на молодежном направлении не ограничивается опытом мероприятий, посвященных Великой Отечественной войне. Востребованным проектом, подтверждающим ее возможности в контексте развития постсоветских интеграционных процессов, являются, в частности, Дельфийские игры стран — участников СНГ, которые проходят под патронатом Международного Дельфийского комитета (ЮНЕСКО). В конкурсной и фестивальной программах этого по-настоящему массового мероприятия обычно представлены почти три десятка различных номинаций классического, народного и современного видов искусств, в которых соревнуются молодежные команды субъектов РФ, всех государств—участников СНГ и ряда стран мира. В 2015 г. число участников Дельфийских игр составило 2500 человек, а их номинантами и лауреатами стали 120 молодых людей в возрасте до 25 лет⁵¹.

Авторитет и популярность Дельфийскому проекту обеспечивают, во-первых, интересная разнообразная тематика, охватывающая не только конкурсы, но и просветительские мероприятия, развлекательные моменты, во-вторых, интернациональный состав участников и жюри, в-третьих, включенность в международное сотрудничество по вопросам образования и культуры. По существу, проект является удачной стартовой площадкой для молодых и даже совсем юных талантов, заявляющих о себе как о перспективных творческих личностях. Дельфийскими лауреатами в свое время были несколько нынешних солистов Большого театра, Ла Скала, Гранд-опера, Метрополитен-опера, Венской оперы, победители и призеры Международного конкурса им. П. И. Чайковского, телеконкурсов «Евровидение», «Детское Евровидение», «Новая волна», «Минута славы», «Голос» [Быданова, 2016]. Привлекательность проекта усиливается и благодаря его медийному оформлению. В 2010 г. запущено вещание интернет-телевиде-

ния «ДЕЛЬФИК.ТВ», посвященного вопросам культуры и искусства. В конце 2012 г. начало работу интернет-радио «ДЕЛЬФИК.ФМ», «основными целями которого являются информационное продвижение лауреатов Дельфийских игр и распространение позитивной музыки» [Быданова, 2016].

Особого внимания как инструмент публичной дипломатии СНГ, открывающий для представителей молодого поколения перспективы динамичного творческого роста и профессиональной мобильности, заслуживает Международный проект «100 идей для СНГ», внесенный Советом по делам молодежи стран Содружества при поддержке Исполкома СНГ. Его цель заключается в продвижении «перспективных молодежных инициатив из стран СНГ на уровень всего Содружества»⁵². Заключительная выставка-презентация по итогам Международного молодежного проекта «100 идей для СНГ» прошла в апреле 2016 г. в Минске.

В качестве нового инструмента публичной дипломатии СНГ необходимо отметить и такое направление, как поддержка молодежного добровольческого (волонтерского) движения и студенческих отрядов, которое получило значительное развитие в молодежной среде стран Содружества⁵³. «При этом распространена практика создания совместных студенческих отрядов, подписания соглашений о взаимном обмене студенческими отрядами, их совместной работе на объектах на территориях государств-участников СНГ. В 2016 г. предусмотрено провести Международный форум молодежных объединений «Развитие волонтерской деятельности», а также издание сборника методических материалов под названием «Опыт и перспективы развития волонтерского движения на пространстве государств-участников СНГ»⁵⁴.

Молодежное направление предоставляет самые широкие возможности для развития ресурсов публичной дипломатии СНГ как интеграционного проекта. Но решение этой задачи осложняется постоянной конкуренцией с информационным и кадровым влиянием внерегиональных центров силы, стремящихся ослабить, подорвать или даже полностью разрушить сотрудничество стран постсоветского пространства. Молодежные контакты, инициативы, массовые мероприятия по линии СНГ во многом нейтрализуют негативные последствия недружественной политики, однако для повышения их эффективности необходимо расширять спектр инноваций, усиливать внимание к социальным аспектам общественного бытия молодого поколения и все более энергично пропагандировать позитивный опыт решения молодежных проблем в России и других странах ЕАЭС.

Образование. Образовательное сотрудничество государств—участников СНГ развивается с 1997 г.⁵⁵. Программа сотрудничества охватывает большой спектр вопросов и реализуется при широком участии административных структур, учебных заведений и педагогического корпуса стран-партнеров. Характерно, что многие из 69 пунктов Плана мероприятий, посвященных Году образования в Содружестве Независимых Государств (2016 г.)⁵⁶, включают компоненты публичной дипломатии в том, что касается развития профессиональных контактов экспертов и руководящего звена в сфере образования, а также контактов между представителями учащейся молодежи различных стран (международные тематические конференции, олимпиады, юбилейные мероприятия, открытые уроки русского языка, международные интернет-семинары с участием руководителей организаций, осуществляющих процедуру аккредитации образовательных учреждений в государствах — участниках СНГ, круглые столы по новым технологиям преподавания и т.д.). С 2015 г. ряд вузов СНГ наделен статусом базовых организаций Содружества, т.е. имеющих приоритетный статус по утвержденным направлениям подготовки специалистов высшей квалификации⁵⁷. Важным шагом по укреплению профессиональных связей стало создание в 2015 г. педагогами Содружества ассоциации профильных вузов на базе Казахского национального педагогического университета им. Абая Кунанбаева⁵⁸. Однако большинство включенных в План мероприятий рассчитаны на сравнительно ограниченную рамками образовательного процесса аудиторию и далеко не все из них получают достаточно интересное освещение в СМИ.

Большими возможностями по получению информационной поддержки располагают адресные мероприятия, проводимые на базе различных организаций, не связанных напрямую с образовательными структурами. Например, в июне 2016 г. на площадке Российского института стратегических исследований (РИСИ) прошла ежегодная школа молодых политологов из стран постсоветского пространства «Историческая и культурная общность народов стран Содружества Независимых Государств»⁵⁹. Почти одновременно по инициативе Института всеобщей истории Российской академии наук, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств—участников СНГ и Международной ассоциации институтов истории стран СНГ в Москве прошла Международная летняя школа молодых ученых-историков стран СНГ на тему: «Актуальные вопросы совместной истории стран СНГ, Балтии и Грузии»⁶⁰, в которой приняли участие молодые ученые и опытные преподаватели, представлявшие преимущественно

академические институты истории Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины.

Среди профильных событий последних лет, формирующих ресурсы публичной дипломатии СНГ в сфере образования, необходимо отметить фестиваль «Дни молодежи Содружества» (Москва, 2015)⁶¹, форум «Дети Содружества-2015» (Бишкек, 2015)⁶², Саммит студенческих лидеров государств—участников СНГ (Рязань, 2015)⁶³, III Международный фестиваль школьного спорта государств—участников СНГ (Ульяновск, 2015)⁶⁴, Второй Молодежный театральный форум стран СНГ, Балтии и Грузии (Минск, 2015)⁶⁵, Международную школу молодых историков стран СНГ «Советский Союз во Второй мировой войне: актуальные проблемы истории и исторической памяти» (Минск, 2015)⁶⁶, V форум молодых интеллектуалов СНГ «Создание общего информационного пространства в сфере международного молодежного сотрудничества в Содружестве Независимых Государств» (Иссык-Куль, 2016)⁶⁷, Четвертый Музыкальный фестиваль молодежи России и СНГ «Таланты Содружества» (Москва, 2016)⁶⁸. Все они были ориентированы на укрепление межкультурного диалога, дружеских и профессиональных связей между молодежью стран СНГ, оказание содействия участию молодежи в интеграционных процессах.

Участниками мероприятий в зависимости от их конкретной тематики являлись молодежные лидеры, детские творческие и спортивные коллективы, молодые исполнители, активисты общественных организаций, члены молодежных парламентов, студенческих объединений, молодежных движений, молодые блогеры и журналисты практически из всех стран СНГ и Балтии. Для большинства образовательных проектов было характерно совмещение тренингов, семинаров и мастер-классов, по повышению профессиональных компетенций со спортивными соревнованиями, конкурсами и рекреационным досугом, что демонстрирует разнообразный опыт адресного использования ресурсов публичной дипломатии СНГ на образовательном направлении в интересах повышения привлекательности идей сотрудничества на постсоветском пространстве.

Еще одним важным примером такого рода является деятельность Сетевого открытого университета СНГ (СУ СНГ), которая первоначально во многом строилась как аналог программы «Эразмус Мундус» (ЕС) в рамках общего образовательного пространства государств—участников СНГ. Проект был инициирован в 2008 г. РУДН и поддержан 27 ведущими вузами стран СНГ (в том числе МГИМО)⁶⁹. В настоящее время в сетевом университете на программах магистерской

подготовки обучаются студенты из девяти стран, а ежегодный набор составляет около двухсот человек. Также проводятся аспирантские обмены и несколько совместных исследовательских проектов. Статус СУ СНГ как многостороннего образовательного института на постсоветском пространстве значительно укрепился в июне 2016 г. после принятия его Координационным советом решения о выдаче сертификатов университета наряду с дипломами об образовании двух университетов-партнеров, которые успешно окончили выпускники СУ СНГ⁷⁰.

Опыт СУ СНГ приобретает все большую популярность. В качестве инструмента публичной дипломатии СУ СНГ обладает такими достоинствами, как развитие профессиональных контактов между представителями интеллектуальных и образовательных элит стран-партнеров, приобретение молодыми кадрами уровня магистров и аспирантов навыков работы в условиях инокультурной среды, приоритеты интенсивного повышения качества гуманитарного и технического образования в соответствии с передовыми научными достижениями. Грантовая поддержка решению этих задач по линии СНГ [Оралов, 2013] способствует формированию позитивного восприятия интеграционного взаимодействия как взаимовыгодного и объективного процесса, учитывающего интересы высококвалифицированных социальных слоев населения на постсоветском пространстве.

Помимо трех направлений гуманитарного сотрудничества, на которых в наибольшей степени реализуются и развиваются ресурсы публичной дипломатии СНГ (культурная, молодежная и образовательная политика), необходимо отметить и другие сферы взаимодействия стран-партнеров, которые наглядно демонстрируют реалии публичной дипломатии в соответствии с их функциональной спецификой и объективными материальными возможностями.

Сотрудничество стран СНГ в области спорта и туризма обладает хорошими предпосылками для разнообразного использования инструментария публичной дипломатии. Так, футбольный Кубок Содружества, традиция проведения которого была заложена в 1993 г.⁷¹, регулярно привлекает к участию почти два десятка сборных молодежных команд, представляющих разные континенты. В XV Международных Исык-Кульских играх стран СНГ по пятнадцати видам спорта, прошедших в 2015 г., приняли участие 1800 спортсменов из восьми стран мира (Казахстана, Киргизии, Китая, Латвии, Германии, России, Таджикистана, Узбекистана). В ноябре 2015 г. «Открытый Кубок СНГ — Кубок мира по тазквондо», собравший более 800 участников, проводился в Минске⁷². Летом 2016 г. в Ульяновске состоялся первый

фестиваль национальных видов спорта стран СНГ. В них приняли участие Россия, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан⁷³. Включенность спортивных мероприятий в регулярную повестку дня усиливает массовый характер гуманитарного взаимодействия по линии СНГ и обеспечивает ему широкую публичность благодаря материалам СМИ, привлечению заинтересованного внимания молодежи, созданию многочисленных информационных поводов в связи с присутствием зарубежных спортсменов на лучших стадионах.

Вопросам развития туризма на пространстве СНГ был посвящен состоявшийся осенью 2016 г. в Бишкеке (Киргизия) специальный Круглый стол, идею которого поддержал ряд государств Содружества, в том числе Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Россия. Выбор места для обсуждения туристической тематики обусловлен не только уникальными возможностями природных ресурсов Киргизии, но и тем, что более 40 стран мира имеют с ней безвизовый режим в области туризма. Таким образом, потенциал туристической привлекательности одной из стран СНГ будет работать на консолидацию этого ресурса и в масштабе всего Содружества⁷⁴.

Сотрудничество стран СНГ в области медицины и науки. Развитие сотрудничества стран СНГ в сфере медицины и использование на этой основе инструментов публичной дипломатии до последнего времени шло недостаточно активно. Стремление мобилизовать имеющиеся возможности и преодолеть определенное отставание, которое наметилось по сравнению с другими интеграционными трендами, было продемонстрировано на очередном заседании Совета глав правительств СНГ (7 июня 2016 г., Бишкек). Особое место среди принятых на нем документов занимает Стратегия «Здоровье населения государств–участников Содружества Независимых Государств». Этот документ, сохраняя значительную преемственность, развивает многие положения, закрепленные в Соглашении о сотрудничестве в области охраны здоровья населения от 26 июня 1992 г. и Концепции сотрудничества государств–участников Содружества Независимых Государств в области охраны здоровья населения от 18 сентября 2003 г., что создает новые основания для внедрения в интеграционную практику СНГ дополнительных инструментов публичной дипломатии.

Примерно теми же характеристиками может определяться и публичная дипломатия, представленная в контексте сотрудничества стран СНГ в сфере науки. В начале 90-х годов XX в. было принято зна-

чительное число профильных решений, которые предполагали в том числе и инициативы по продвижению позитивного восприятия общественностью научного сотрудничества на многосторонней основе. Однако вследствие как объективных (существенно различающийся уровень научно-технического потенциала стран СНГ), так и субъективных моментов, например завышенных представлений национальной интеллигенции о перспективах научного партнерства за пределами СНГ, принимавшиеся решения в своем большинстве не реализовывались.

Тем не менее отдельные виды многостороннего научного сотрудничества стран СНГ и соответствующие им форматы публичной дипломатии продемонстрировали свою историческую востребованность. Так, с 2006 г. поочередно в разных странах Содружества регулярно проводятся Форумы научной и творческой интеллигенции СНГ. Они являются крупнейшими ежегодными гуманитарными мероприятиями на пространстве Содружества, на которых подводятся итоги, обсуждаются планы совместных мероприятий и вырабатываются рекомендации по наиболее актуальным вопросам взаимодействия в области науки, образования, культуры, информации, туризма, спорта, работы с молодежью.

В 2015 г. в Астане под девизом «Гуманитарное пространство Содружества: общие ценности и диалог культур» прошел X Форум творческой и научной интеллигенции СНГ с участием 200 делегатов⁷⁵. В приветствии Президента России Владимира Путина отмечалось: «Сегодня можно с уверенностью сказать, что за прошедшее десятилетие форум доказал свою востребованность, стал авторитетной площадкой для конструктивного содержательного диалога» [Путин, 2015]. Важные качества научного сотрудничества стран СНГ и его позитивная общественная значимость были отмечены и в обращении Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева: «Нынешний форум посвящен продвижению общих ценностей и диалогу культур. Диалог, обмен информацией, знакомство с духовными ценностями являются важным условием для сближения и взаимодействия между различными культурами и народами... Страны СНГ имеют богатое культурное наследие, уникальные духовные и материальные ценности, памятники, вклад которых в мировую цивилизацию огромен и неоспорим... Наша задача состоит в том, чтобы посредством диалога продолжить сближение народов и дальнейшую реализацию совместных гуманитарных проектов в будущем. Уверен, что форум внесет свой вклад в продвижение ценностей мира и добрососедства на пространстве СНГ» [Назарбаев, 2015]. Важный акцент в понимании задач сотрудничества интеллигенции стран Содружества

был внесен и в приветствии участникам X Форума от имени Президента Белоруссии Александра Лукашенко, где отмечалось: «Содружество станет авторитетным и востребованным, только когда будет решать главные животрепещущие вопросы» [Лукашенко, 2015].

Сотрудничество стран СНГ в области информации. Консолидация информационных ресурсов интеграционного проекта играет важную роль в реализации публичной дипломатии СНГ. В планах рабочих исполнительных структур — Совета руководителей телерадиоорганизаций стран СНГ и Административного совета Межгосударственного информационного пула⁷⁶ представлены проекты по расширению работы в сфере документалистики, функционирования Межгосударственного информационного пула в области телеобмена, подготовки к переходу на цифровое вещание и организации общедоступных телерадиоканалов, а также по созданию базовой организации подготовки и переподготовки телерадиожурналистов, созданию совместными усилиями документального фильма, посвященного 25-летию Содружества⁷⁷. В ближайшем будущем Госинформагентства СНГ займутся также популяризацией внутреннего туризма.

В практическом плане для обеспечения эффективного информационного освещения мероприятий СНГ и, следовательно, канала реализации потенциала публичной дипломатии большое значение имеют инициативы по поддержке интеграционного сотрудничества на уровне профессиональных СМИ стран Содружества. В этой связи внимание привлекают международные телевизионные фестивали «ТЭФИ-Содружество», которые ежегодно проходят в разных городах СНГ и способствуют развитию единого информационного пространства СНГ⁷⁸. В фестивале принимают участие представители ведущих телеканалов СНГ и ближнего зарубежья — Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины. Проводятся круглые столы, встречи и мастер-классы. Популярным в профессиональной журналистской среде стал и Белорусский международный медиафорум. В мае 2016 г. он состоялся в одиннадцатый раз в Минске и прошел под девизом «Партнерство во имя будущего: 25 лет СНГ»⁷⁹. Белорусский международный медиафорум традиционно служит площадкой для обмена мнениями и выработки новых идей, предоставляет возможность объединения усилий журналистов и экспертов в освещении межгосударственных интеграционных процессов, создании общего гуманитарного пространства СНГ. Значительный вклад в привлечение общественно-

го внимания к многостороннему информационному сотрудничеству вносит также белорусский конкурс печатных СМИ «Золотая Литера». В 2016 г. Специальный диплом «25 лет СНГ» за лучшие материалы по тематике Содружества Независимых Государств был вручен журналу «Военно-промышленный комплекс ВПК. Беларусь»⁸⁰.

Значительную нагрузку как инструмент публичной дипломатии на пространстве СНГ несет телеканал «Мир», который имеет статус федерального российского канала. Он также транслируется в составе национальных мультиплексов цифрового эфирного вещания в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и Азербайджане и превышает по возможностям охвата аудиторию в 110 млн человек. В ближайшем будущем, как отмечал недавно руководитель канала Р. Батыршин, ожидаются «...значительный прирост “телесмотрения” канала в России, а также действия по созданию обязательных общедоступных мультиплексов и включению туда телеканала “Мир” в других странах вещания» [Батыршин, 2015].

Таким образом, многостороннее сотрудничество в деле создания контента и распространения информации, особый вклад в которое вносят Россия и Белоруссия, становится все более важным каналом осуществления задач публичной дипломатии СНГ по формированию позитивного общественного климата интеграционных взаимодействий и популяризации его идей с учетом разнообразия социокультурных условий жизни населения стран-партнеров.

Многостороннее гуманитарное сотрудничество — наиболее характерный пример использования ресурсов публичной дипломатии СНГ. Их объем и степень диверсификации последовательно возрастают, но формируются они преимущественно за счет вклада российской стороны.

Ресурсы публичной дипломатии СНГ в области борьбы с новыми вызовами и урегулирования конфликтов

Гуманитарное сотрудничество остается основной сферой применения публичной дипломатии СНГ, тем более что вовлеченность интеграционных структур в урегулирование конфликтов в прямом смысле этого термина не заложена в уставных документах Содружества. Сфера безопасности регулируется на постсоветском пространстве другими двусторонними и многосторонними механизмами, особую роль среди кото-

рых играет ОДКБ. И хотя публичная дипломатия СНГ по линии гуманитарного сотрудничества во многом «работает» не только на собственно культурное, образовательное, информационное взаимодействие стран-партнеров, но и на превентивное урегулирование противоречий, смягчение расхождений — другими словами, на предотвращение конфликтов, непосредственная проекция публичной дипломатии СНГ на конфликтную сферу становится на современном этапе все более заметной.

Под эгидой СНГ и при непосредственной поддержке со стороны ее структур в последние два года вполне четко и последовательно расширяется сфера применения инструментария публичной дипломатии, направленного непосредственно на урегулирование конфликтов и особенно на предотвращение эскалации общественных противоречий, связанных с деятельностью религиозного экстремизма, международного терроризма и других противоправных действий трансграничного характера.

Эта миссия выполняется, прежде всего, в контексте противодействия новым вызовам и угрозам, которое осуществляется по линии Антитеррористического центра государств—участников СНГ (АТЦ СНГ) и деятельности Совместной комиссии государств—участников Соглашения о сотрудничестве государств—участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией.

Несмотря на постепенное улучшение криминогенной обстановки, обусловленной «классическими» уголовными преступлениями, в течение ряда лет практически во всех странах СНГ отмечается увеличение количества преступлений, «связанных с террористической деятельностью, незаконным использованием наркотических средств, коррупцией в экономической, финансовой и информационно-телекоммуникационной сферах» [Развитие и деятельность СНГ..., 2017]. В этой связи возросла заинтересованность государственных и негосударственных структур в использовании ресурсов публичной дипломатии в том, что касается выработки общих подходов к борьбе с деструктивными общественными явлениями, ведения разъяснительной и воспитательной работы среди населения, консолидации национальных элит, популяризации успешного опыта борьбы с источниками актуальных социально-политических рисков, а также блокировки путей их распространения.

Важной инициативой стало участие АТЦ СНГ в проведении различных научно-практических конференций, посвященных борьбе с международным терроризмом и в первую очередь пресечению вербовочной деятельности представителей запрещенной в странах СНГ организации ИГИЛ. АТЦ СНГ был создан в 2000 г. и является постоянно

действующим специализированным отраслевым органом Содружества. Хотя большинство многосторонних контактов и информационных материалов, реализуемых этой структурой, обычно не относится к публичной сфере, в последнее время с ее участием и при ее поддержке было проведено значительное число мероприятий, которые, во-первых, публичны, а во-вторых, укрепляют международный имидж государств–участников интеграционного проекта как активных борцов с международным терроризмом.

Политический импульс обращения АТЦ СНГ к ресурсам публичной дипломатии был дан в связи с принятием главами государств–участников Содружества «Заявления о борьбе с международным терроризмом»⁸¹. В этом документе выражалась озабоченность резким ростом активности террористических группировок, действия которых несут прямую угрозу международному миру, безопасности и суверенитету государств, подчеркивалось стремление к консолидации международной антитеррористической деятельности при неукоснительном выполнении требований антитеррористических резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, следовании Глобальной контртеррористической стратегии ООН, подчеркивалась общая решимость задействовать весь потенциал сотрудничества в рамках СНГ с целью противодействия международному терроризму.

Следуя этим положениям, АТЦ СНГ и Общественная палата РФ представили в декабре 2015 г. брошюру «Страшная сказка ДАИШ»⁸², предназначенную для детей, их родителей и педагогов. В ее материалах в доступной форме и на основе конкретных примеров разъясняется идеология международного терроризма, приводятся простые человеческие истории о судьбах тех, кто стал жертвой пропагандистских мифов современных террористов, а также указываются основные признаки, по которым можно определить, что ребенок или молодой человек поддерживает контакты с идеологами исламского экстремизма⁸³.

К практике публичной дипломатии по линии АТЦ СНГ относится и состоявшаяся при его поддержке в апреле 2016 г. в Санкт-Петербургском государственном технологическом институте (техническом университете) Международная научно-практическая конференция «Создание воспитательной антитеррористической и антиэкстремистской среды в современном вузе», в которой приняли участие представители вузов, научно-исследовательских центров, молодежных и студенческих организаций, дипломаты стран Содружества и сотрудники международных структур, вовлеченных в процесс борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремиз-

ма. Как заявил в своем приветствии Руководитель АТЦ СНГ генерал-полковник А. П. Новиков: «Антитеррористический центр, обеспечивая координацию взаимодействия компетентных органов государств–участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма, особое внимание уделяет проблеме вовлечения молодежи в ряды террористических и экстремистских организаций. Изучение вопроса показало, что именно вузовская молодежь — будущее наших стран — все чаще становится объектом деструктивной обработки и радикализации. Одной из важнейших задач мы видим в необходимости найти общий путь — как уберечь молодое поколение наших студентов от этого воздействия» [Новиков, 2016].

Расширение использования инструментария публичной дипломатии со стороны АТЦ СНГ было подтверждено во время прошедшего в октябре 2016 г. на площадке МИА «Россия сегодня» информационно-методического «Круглого стола по проблемам противодействия терроризму и экстремизму в ходе информационно-психологических войн»⁸⁴. В рамках рабочих заседаний обсуждались вопросы применения научно-технических средств и аналитических методов информационно-психологического противоборства в сети Интернет, а также постановки системных задач, пока не имеющих прикладных решений. Кроме того, в декабре 2016 г. АТЦ СНГ выступил одним из организаторов крупной конференции в Екатеринбурге «Стоп ИГИЛ! Урал против экстремизма и терроризма»⁸⁵, в которой приняли участие представители органов власти, силовых структур, научного сообщества, православного и мусульманского духовенства. Особое внимание участников конференции было уделено проблемам противодействия вербовщикам ИГИЛ (ДАИШ)⁸⁶, проникающим в молодежную и студенческую среду, в частности распространению в учебных коллективах информации о том, как ведется вербовка и что происходит с человеком, в отношении которого ведется направленное психологическое давление, как изменяются его манеры, интересы, с тем чтобы другие студенты могли вовремя обратить внимание на такие тревожные признаки.

Ресурсы публичной дипломатии для борьбы с новыми вызовами и урегулирования конфликтов используются в практике интеграционного взаимодействия СНГ достаточно активно, но пока и достаточно осторожно, с учетом возможностей всех стран-партнеров развернуть адресную работу с наиболее уязвимыми для деструктивной пропаганды слоями населения, оценки результатов поиска наиболее адекватных превентивных мер по противодействию терроризму в его различных «ипостасях».

ВЫВОДЫ

За четвертьвековой период своего существования СНГ прошло большой путь, отмеченный как достижениями, так и трудностями интеграционного строительства. И хотя многие из этих трудностей определялись объективными факторами, высока вероятность, что они были связаны и с недооценкой возможностей публичной дипломатии как ресурса интеграционного процесса. Тем не менее, отчасти под влиянием зарубежного, а в значительной степени и собственного политического опыта, инструментарий публичной дипломатии в последние два-три года все шире применяется на различных направлениях многостороннего сотрудничества стран СНГ.

Публичную дипломатию по линии СНГ отличают, во-первых, стремление к продвижению позитивного восприятия интеграционного взаимодействия в среде самых разных слоев населения стран-партнеров и все более активные попытки привлечения внимания к знаковым проектам культурно-образовательного и других видов постсоветского гуманитарного сотрудничества в дальнем зарубежье; во-вторых, органичное включение ценностных аспектов в контекст профильной практики, что позволяет опираться на инструментарий публичной дипломатии при решении не только текущих, но и долгосрочных задач интеграционного взаимодействия; в-третьих, все большая ориентация ресурсов публичной дипломатии Содружества на площадки не только крупных, но и более мелких стран, расширение участия их национальных кадров в процессах повышения привлекательности многостороннего сотрудничества, складывающегося в рамках СНГ.

Публичная дипломатия СНГ является не только фактором, усиливающим позитивное восприятие интеграционных процессов в общественной среде участников регионального проекта, расширяющим их взаимную заинтересованность в сотрудничестве, т.е. механизмом, функционально ориентированным на предотвращение самого широкого спектра возможных конфликтов, но и активным элементом обеспечения международной безопасности на постсоветском пространстве и за его пределами. Однако этот механизм и ресурсы, которыми располагает сегодня СНГ, используются еще не в полной мере и не всегда планомерно. Концентрация внимания на крупных мероприятиях пока преобладает в организационном и медийном пространстве. Но не менее важна задача повышения роли «точечных», менее масштабных акций, углубляющих связи интеграционного проекта с повседневными интересами рядовых граждан.

ГЛАВА 7

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РАБОТЕ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ОДКБ И ШОС

Публичная дипломатия в российских официальных документах: многообразие и эволюция терминологии

Публичная дипломатия стала важным инструментом внешней политики государств, когда в условиях глобализации и развития транснациональных отношений на уровне общественных структур возникла необходимость «демократизировать» внешнюю политику, обращаясь напрямую не только к правительствам, но и к обществам других государств. Вместе с тем демократический посыл публичной дипломатии и связанных с ней внешнеполитических стратегий вызывает вопросы из-за неоднозначности целей, которые преследуют государства, используя публичную дипломатию.

В России на официальном уровне сформировалось неоднозначное отношение к концепции «мягкой силы», которую часто путают с понятием публичной дипломатии. В терминологическом поле также наблюдается эволюция. Так, в Концепции внешней политики России 2013 г. «мягкая сила» упоминается в двух разных контекстах: в пункте 20 после констатации того, что «мягкая сила» становится неотъемлемой составляющей международной политики, делается предостережение, что этот инструмент может быть использован «в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние

дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [Концепция внешней политики..., 2013].

Из многочисленных комментариев представителей российской власти можно сделать вывод, что основные опасения российских властей связаны с потенциалом воздействия иностранных правительств на российское общество под прикрытием публичной дипломатии, которая является в чистом виде инструментом государственного воздействия, а не взаимодействием на уровне обществ различных стран. Признавая наличие угрозы вмешательства во внутренние дела государств при помощи «мягкой силы», Россия фактически констатирует эффективность этих методов воздействия в современных международных делах. Россия и сама собирается использовать инструменты публичной дипломатии, поскольку необходимо «обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку», чтобы добиться «объективного восприятия» России в мире, как это указано в Концепции внешней политики России.

В Концепции 2016 г. «мягкая сила» упоминается гораздо раньше по тексту по сравнению с Концепцией 2013 г. — в пункте 9, и уже без негативной коннотации. Можно отметить, что в принятой в декабре 2016 г. Доктрине информационной безопасности нет термина «мягкая сила» или «публичная дипломатия», хотя в списке национальных интересов указано «доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире, применение информационных технологий в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в области культуры» [Доктрина информационной безопасности..., 2016]. В списке угроз информационной безопасности можно найти такой пункт: «Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств» [Доктрина информационной безопасности..., 2016]. Однако такое воздействие не обозначается как «мягкая сила» или «публичная дипломатия», т.е. за последние несколько лет на официальном уровне в документах ухо-

дят от трактовки «мягкой силы» как инструмента вмешательства во внутренние дела, описывая такое вмешательство без присвоения ему определенного названия.

В 2016 г. в Концепции внешней политики также были внесены изменения в раздел «Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности»: в 2013 г. использовался термин «публичная дипломатия», в 2016 г. — уже «общественная дипломатия». В 2016 г. появился пункт, согласно которому одним из направлений общественной дипломатии должно стать «расширение участия представителей научного и экспертного сообщества России в диалоге с иностранными специалистами по вопросам мировой политики и международной безопасности» [Концепция внешней политики Российской Федерации..., 2016].

В 2016 г. в Концепции также более четко обозначены ключевые задачи внешней политики (пункт 3) [Концепция внешней политики Российской Федерации..., 2016], где три последние пункта занимают как раз задачи в сфере публичной дипломатии:

- «и) усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры;
- к) укрепление позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве и доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы;
- л) содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций».

Отметим, что на государственном уровне нет терминологической строгости: понятия «публичная дипломатия», «народная дипломатия», «мягкая сила» часто используются параллельно. Официальные определения публичной дипломатии, общественной дипломатии и «мягкой силы» в документах — Указе № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» от 2012 г. [«О мерах по реализации...», 2012] и Концепциях внешней политики от 2013 и 2016 гг. — сводятся к привлечению гражданского общества для решения внешнеполитических задач и повышения эффективности

внешней политики России. Россотрудничество фактически использует в качестве синонимов термины «мягкая сила», «общественная дипломатия» и «народная дипломатия», обозначая последнюю как «совместную деятельность государственных и негосударственных организаций, направленную на расширение международных общественных связей государства»⁸⁷. Еще два термина, вписывающихся в исследуемый контекст, можно встретить в таком документе, как «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» от 2010 г. Во-первых, это непосредственно международное культурно-гуманитарное сотрудничество, которое «способно вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России» [Основные направления..., 2010], если оно осуществляется на взаимовыгодной основе. Кроме того, в данном документе как один из инструментов «мягкой силы» упоминается «культурная дипломатия», которая использует «специфические формы и методы воздействия на общественное мнение».

Существует и данное Владимиром Путиным определение «мягкой силы» как «комплекса инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [Путин, 2012]. Как отмечает А. Долинский, в данном определении акцент сделан на инструментарию воздействия на общественное мнение другой страны, в отличие от классического определения Джозефа Ная, где суть «мягкой силы» — в привлекательности как основе воздействия на общественное мнение другой страны [Долинский, 2012].

Исходя из методологической необходимости свести воедино различные официальные подходы к тому, что в данной главе будет обозначаться как «публичная дипломатия», как представляется, следует исходить из целеполагания российских официальных лиц и государственных структур.

- В таком случае некой **обобщенной целью российской внешней политики** можно считать улучшение образа России в глазах обществ других стран путем спонсируемого или координируемого российским государством непосредственного информационного воздействия на зарубежные общества при помощи российских СМИ и российских неправительственных структур.

Важно отметить, что цели такого воздействия формулируются государством. И форму этого воздействия можно скорее назвать моно-

логом, чем диалогом, в отличие от культурно-гуманитарного сотрудничества, где важен элемент взаимности и обмена, т.е. диалога.

В целом не только в России, но и в США официальные представления о стратегиях публичной дипломатии исходят из однонаправленности, монологичности действий государства при контактах с зарубежными обществами: желание донести свою точку зрения оказывается сильнее желания услышать другого⁸⁸. В отличие от этого, концепция официальной дипломатии предполагает переговоры, диалог, учет того, что у другой стороны есть свои законные интересы. Цели развития диалога преследуются и в рамках дипломатии второго трека (Track II) — взаимодействия высококвалифицированных экспертов на неправительственном уровне для решения конкретной проблемы, как правило, урегулирования конфликта. Помимо устоявшегося термина «дипломатия второго трека», некоторые авторы предлагают термины для других форматов общественного взаимодействия: «третий трек» — взаимодействие на уровне бизнеса и транснациональных корпораций; «четвертый трек» — обменные программы всех типов (спортивные, культурные, образовательные и т.п.); «пятый трек» — контакты на уровне средств массовой информации, нацеленные на доведение до конфликтующих сторон интересов, идей и культуры другой стороны [McDonald, 1991].

Публичная дипломатия и ее эффективность: из опыта практиков⁸⁹

Отличие официальной дипломатии от публичной состоит в том, что официальная дипломатия в многосторонних структурах типа Евросоюза очень структурирована, чтобы не терять время, обсуждение всех вопросов происходит по строгой схеме, что в определенной степени ограничивает пространство для обмена мнениями. Этот фактор нужно учитывать при анализе публичной дипломатии региональных организаций.

Публичная дипломатия работает лучше в формате диалога, когда дипломатические работники одной страны не просто пытаются донести информацию до принимающего общества, но и заинтересованы в обратной связи, например выслушать претензии демонстрантов, протестующих против политики их страны перед посольством. В публичной дипломатии большое значение имеет личность дипломата, кому-то доверяют больше, чем другим. В публичной дипломатии главное — убеждение.

Различия между американской и европейской версиями публичной дипломатии заключаются в том, что европейцы в рамках публич-

ной дипломатии в большей степени склонны продвигать собственную страну и в меньшей степени пытаются влиять на страну пребывания, чем это делает американская дипломатия. При этом Евросоюз часто не умеет преподнести свои успехи, например, сделка по иранскому ядерному досье воспринимается в мире как успех американской дипломатии, хотя изначально сама идея переговоров с Ираном была выдвинута Великобританией, Францией и Германией.

Россия развивает публичную дипломатию. Российский МИД ведет работу с российскими НПО, раз в год происходят встречи министра С. Лаврова с представителями НПО, даются разъяснения относительно внешнеполитических интересов России за рубежом, чтобы российские НПО в своей деятельности не действовали вопреки российским интересам из-за своей неосведомленности об этих интересах.

Специфика взаимодействия НПО со специализированными международными организациями заключается в том, что НПО из-за своей неосведомленности иногда мешают работе МПО, так как отстаивают интересы конкретных игроков и не понимают специфики обсуждаемых проблем. Например, экологические НПО часто не знакомы с конкретной спецификой, скажем, в Арктике. Экологи по профессии могут опровергнуть доводы представителей экологических НПО, не являющихся специалистами. То же самое в сфере безопасности: общество, например, может подталкивать к избавлению от негуманных видов оружия типа противопехотных мин, но с точки зрения национальной безопасности — это самый дешевый способ обеспечить безопасность какой-то территории или границы.

Еще пример: программы помощи местному населению в странах, находящихся в состоянии конфликта либо на этапе после урегулирования конфликта. Западные НПО следуют за повесткой дня, навязанной собственным населением, — к примеру, проблема равенства полов. Однако эта повестка дня не учитывает местную специфику, например, если женщины в традиционных мусульманских странах, типа Афганистана, перестают носить хиджабы, то резко возрастает уровень насилия по отношению к женщинам, т.е. хиджаб в местной системе ценностей обеспечивает безопасность женщин в отсутствие работающей системы безопасности (полиция, правосудие и т.п.). В целом можно отметить преобладание популизма в действиях западных НПО, желание отчитаться перед собственными грантодателями, без учета реальных проблем (например, в сфере экологии больше денег дают на помощь тиграм, леопардам, барсам, но плохо выделяют средства на борьбу с ликвидацией химических загрязнений). Вывод, к которому пришли

интервьюируемые специалисты, заключается в том, что только эксперты в каждой сфере разбираются в реальном положении дел, поэтому при принятии решений нужно ориентироваться не на мнение НПО, а на мнения экспертов и на национальные интересы, иначе популизм (желание понравиться избирателям путем поддержки НПО) может нанести вред внешней политике государства.

В ходе одного из интервью было высказано мнение, что общество само не должно заниматься публичной (народной) дипломатией. Не факт, что гражданин одного государства за рубежом будет высказывать мнение, соответствующее национальным интересам. Поэтому публичной дипломатией должны заниматься только дипломаты, которые понимают всю систему национальных интересов.

Следует отметить, что во взаимодействии с западными НПО сложно понять, где мнение самих НПО, а где продвигаются интересы стран Запада. Часто бывает, что если НПО придерживаются позиции, близкой к официальной, то страны Запада охотно используют их для того, чтобы показать, что их правительства всего лишь выполняют волю народа. Такие западные НПО плохо воспринимают аргументы других сторон, диалог идет очень сложно. НПО никогда не были у власти, поэтому плохо себе представляют весь комплекс интересов той или иной страны, весь комплекс международных проблем, поэтому часто отстаивают весьма радикальные позиции (уничтожить все оружие на Земле). По мнению интервьюируемых, это идеализм, оторванный от реальности.

В рамках интервью был приведен пример успешной публичной дипломатии: в момент подписания сделки по иранскому ядерному до-сье вышел доклад американского института *ISIS (Institute for Science and International Security)*, который, по утверждению интервьюируемого, финансируется американскими фондами. Доклад очень профессиональный с точки зрения экспертизы, но продвигает интересы США. Если какие-то страны собирались в МАГАТЭ сформулировать свою позицию по иранскому вопросу, но не знали, как это сделать, то выход такого доклада мог повлиять на их мнение. Это пример успешной публичной дипломатии. Проблема заключается в том, что сама общественность на Западе не знает, кто финансирует какие НПО и исследовательские центры, поэтому верит в их независимость, хотя они могут ковенно финансироваться Госдепом, например.

Аналогичный пример успешной российской публичной дипломатии: доклад Нарочницкой по проблеме нацменьшинств в странах Балтии. Можно сказать, что успешность публичной дипломатии обусловлена работой на местах, а не работой из России напрямую.

В условиях антироссийских санкций возникает вопрос: может ли страна с негативным международным имиджем использовать публичную дипломатию? Ответ одного из интервьюируемых: если мы возьмем, к примеру, Сирию, то Асаду не удастся преодолеть уже созданный негативный имидж относительно нарушений прав человека. Рекомендация для России в сложившихся условиях политического конфликта с Западом может заключаться в следующем: сначала совершить прорыв на уровне официальной дипломатии, после чего уже предпринимать усилия по линии публичной дипломатии. Если пытаться улучшить отношения в обратном порядке (сначала публичная дипломатия), то, скорее всего, будет неэффективно.

Публичная дипломатия между государствами в состоянии политического конфликта зависит от готовности сторон воспринимать информацию. Например, российско-польские отношения в 1990-х годах включали эффективные элементы публичной дипломатии, на современном же этапе двусторонних отношений публичная дипломатия уже не так эффективна.

В качестве рекомендаций для создания возможностей публичной дипломатии интервьюируемые предложили развивать связи дипломатических структур с научными для получения экспертизы. Идея об использовании новых технологий и социальных сетей не показалась интервьюируемым привлекательной: «Твиттер» или «Фейсбук» в работе сотрудников МИД — это всего лишь новые технологии, которые, по существу, не меняют работу дипломата. Еще один способ повышения эффективности публичной дипломатии — через образование в России для иностранных студентов.

Публичная дипломатия межправительственных организаций

Термин «публичная дипломатия» используется в литературе в основном применительно к действиям отдельных государств. Однако проблема взаимодействия с обществами стоит не только перед государствами, но и перед организациями (межправительственные организации — МПО). В концептуальном плане данная тематика в зарубежной и отечественной научной и практикоориентированной литературе остается слабо разработанной. Среди имеющихся публикаций непосредственно по теме применения публичной дипломатии международными организациями следует назвать опубликованное Центром публичной дипломатии (Университет Южной Калифорнии,

США) в 2015 г. исследование З. З. Паговски «Публичная дипломатия многосторонних организаций: кейсы НАТО, ЕС и АСЕАН» [Pagovski, 2015], а также статья по публичной дипломатии «Группы двадцати» [Byrne, 2016].

Инструментарий публичной дипломатии международных организаций можно изучить на различных примерах.

Международная организация по миграции (МОМ), например, использует такие интернет-сервисы и социальные сети, как *Twitter*, *Facebook*, *LinkedIn*, где ведутся тематические блоги, а также документальные и анимационные фильмы для предоставления информации о том, что такое миграция и какие проблемы возникают у мигрантов. Позитивной стороной публичной дипломатии МОМ можно считать диалогичный характер усилий организации: форматы распространения информации о проблеме миграции позволяют читателям и зрителям реагировать, запрашивать дополнительную информацию, поддерживать те или иные инициативы⁹⁰.

Еще одним важным инструментом публичной дипломатии международных организаций являются так называемые авторские колонки (*op-eds*)⁹¹, которые представляют мнение, альтернативное мнению редакции, либо просто свое видение какой-либо актуальной проблемы [Golan, Carroll, 2012]. Пан Ги Мун неоднократно публиковал свое мнение в ведущих изданиях⁹². Такие публикации могут использоваться и политическими деятелями: в 2013 г. Владимир Путин опубликовал статью в «Нью-Йорк таймс», где он обратился напрямую к американцам с разъяснением российской позиции по Сирии [Putin, 2013].

Помимо авторских колонок/блогов в известных изданиях, может быть использован более прямой инструмент воздействия на читателей — так называемый адверториал (*advertorial*), статья с рекламным содержанием, публикуемая под видом обычной статьи, либо специальное тематическое приложение к изданию, где, по сути, рекламируются определенные бренды. Международные организации прибегают скорее к авторским колонкам, в то время как отдельные страны могут использовать адверториал для улучшения своего имиджа. Например, этот инструмент публичной дипломатии активно использует Россия: «Российская газета», официальный печатный орган Правительства России, запустила в 2007 г. мультимедийный проект *Russia Beyond The Headlines*, который сотрудничает с ведущими мировыми изданиями в 30 странах мира и поставляет для них контент, причем контент предоставляется на разных платформах, включая онлайн-издания, мобильные приложения и т.п. Также проект представлен в социальных сетях. С 2013 г.

был запущен проект *Russia Direct*, специализирующийся на российско-американских отношениях.

Что касается публичной дипломатии региональных организаций на постсоветском пространстве, то это направление остается недостаточно изученным. Среди пионерских исследований — изучение возможностей публичной дипломатии России в развитии ЕАЭС [Лебедева, 2016] и анализ применения публичной дипломатии на пространстве ЕАЭС [Боришполец, 2015]. Вместе с тем пока еще нет публикаций по публичной дипломатии самого Евразийского экономического союза, так как сама организация еще не развивает это направление своей деятельности.

В рамках данной главы будет изучена публичная дипломатия Шанхайской организации сотрудничества и Организации договора о коллективной безопасности.

Публичная дипломатия ШОС: российская публичная дипломатия?

По тематике публичной дипломатии ШОС был проведен ряд мероприятий, инициированных государственными и окологосударственными структурами.

В 2013 г. в Москве состоялась Первая Международная школа общественной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества, в которой приняли участие 42 представителя неправительственных организаций из 13 стран, включая Украину, Абхазию и Палестину. Данное мероприятие было организовано некоммерческой структурой «Фонд содействия развитию общественной дипломатии» при финансировании фонда им. А. М. Горчакова и в партнерстве с рядом госструктур: МИД России, Россотрудничество, Общественная палата РФ, профильные комитеты Государственной думы РФ и Совета Федерации, Правительство Москвы, Секретариат ШОС, Деловой совет ШОС, Молодежный совет ШОС, ИНФОШОС, Общественный координационный совет в поддержку ШОС и др.⁹³. Данное мероприятие не получило своего развития, в дальнейшем школы не проводились. Вместе с тем отметим, что проведенная школа по своей направленности в наибольшей степени соответствовала тематике публичной дипломатии, так как взаимодействие происходило по линии неправительственных организаций.

Следующая попытка развития общественной дипломатии по линии ШОС была приурочена к саммитам ШОС и БРИКС в 2015 г.: в июле 2015 г. в Уфе прошел Первый молодежный форум БРИКС и ШОС⁹⁴, где была представлена секция «Общественная дипломатия и «мягкая

сила» БРИКС и ШОС». Организаторами выступили Общероссийская общественная организация «Российский союз молодежи», Правительство Республики Башкортостан, Россотрудничество, Общественная палата России, что позволяет вписать данное мероприятие именно в рамки публичной дипломатии России. Этот вывод подтверждается и формулировкой Российского национального комитета по исследованию БРИКС относительно Второго молодежного форума, который состоялся в 2016 г. Целью мероприятия НКИ БРИКС называет, прежде всего, «содействие объективному восприятию происходящих в российском обществе социально-экономических, общественно-политических, научных и культурных преобразований»⁹⁵.

Молодежное сотрудничество в рамках ШОС продвигается и Российским фондом поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова: в сентябре 2016 г. в Омске был проведен Форум молодых лидеров стран ШОС, в рамках которого прошла секция «Развитие молодежной общественной дипломатии на пространстве ШОС»⁹⁶.

Развивается сотрудничество в сфере публичной дипломатии и на экспертном уровне. В апреле 2016 г. в Сочи прошел Международный форум «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества», организаторами которого выступили Общественная палата Российской Федерации совместно с Институтом стран СНГ, а участниками стали более 300 представителей 26 стран⁹⁷. Предполагается сделать данный форум ежегодным и придать ему характер постоянно действующей общественной организации международного диалога. Отметим, что содержательно тематика выступлений участников мероприятия не затрагивала собственно проблемы сотрудничества между обществами государств—членов ШОС, наблюдателей и партнеров по диалогу, а касалась проблем деятельности ШОС и других региональных инициатив [Актуальные проблемы расширения ШОС, 2016].

В Декларации, принятой по итогам форума в Сочи, данный формат встреч обозначен как народная дипломатия, а суть взаимодействия представлена как «участие гражданских обществ заинтересованных стран в диалоге в целях обеспечения открытости и глубины интеграционного процесса, снятия барьеров и недопонимания в ходе его осуществления»⁹⁸. Из приведенных формулировок возникает вопрос: можно ли считать такой формат взаимодействия публичной дипломатией (взаимодействие по линии государство — общество других стран) или это действительно народная дипломатия (взаимодействие на уровне обществ разных стран)? Причастность к организации Общественной

палаты России, которая финансируется из федерального бюджета и является консультативным государственным органом, и Института стран СНГ, учредителями которого были ряд министерств и ведомств, позволяет в данном случае говорить скорее о публичной дипломатии России.

Интересно отметить, что в рамках Общественной палаты России в феврале 2016 г. была создана рабочая группа по евразийской интеграции и поддержке ШОС, которую возглавил директор Института стран СНГ К. Затулин⁹⁹. В интервью и сообщениях относительно заседаний данной рабочей группы упоминаются только ШОС и ЕАЭС, но не ОДКБ или СНГ.

Другие государства ШОС также начинают продвигать отдельные инициативы по развитию публичной дипломатии в рамках ШОС. Факультет политики и международных отношений пакистанского Университета Каид-и-Азама (г. Исламабад) в мае 2016 г. организовал семинар по ШОС и роли публичной дипломатии в региональном сотрудничестве и интеграции¹⁰⁰. В основанном в 2009 г. китайском неправительственном исследовательском центре Институт Чархар действует подразделение Институт публичной дипломатии ШОС¹⁰¹.

Однако в целом именно Россия выступает инициатором крупных международных мероприятий по линии ШОС. Сама ШОС хотя и является хорошей площадкой для диалога, однако не развивает многосторонних инициатив, которые подходили бы под определение публичной дипломатии. На концептуальном уровне попытки разработать предложения по деятельности ШОС в сфере публичной дипломатии предпринимаются также именно российскими авторами [Шершнеф, 2013].

ОДКБ и публичная дипломатия в сфере урегулирования конфликтов

ОДКБ не использует термины «публичная дипломатия» или «мягкая сила» в своей официальной риторике для описания собственной деятельности. В выступлениях бывшего генерального секретаря ОДКБ Н. Бордюжи в последние годы присутствовала тема внешнего информационного воздействия с целью разжигания цветных революций в государствах—членах организации: «...цветные революции могут иметь шанс на успех только в тех странах, где существуют условия и инфраструктура, в виде многочисленных финансируемых извне НКО, для формирования необходимой социальной базы — движущей «революционной» силы» [Бордюжа, 2013]. При этом, как указывает Н. Бордюжа, сама ОДКБ не вмешивается во внутренние дела государств и интересуется проблемой

цветных революций как внешней угрозой безопасности государств-членов. Подчеркнем, что с правовой точки зрения рассмотрение цветных революций как инспирированных извне — это единственная возможность для ОДКБ как организации коллективной обороны против внешних угроз принять участие в урегулировании кризисных ситуаций, связанных с попытками цветных революций. Если же признать, что причины революций исключительно внутренние и связаны с недовольством населения местными властями, то это исключит правовые возможности для вмешательства в случае запроса со стороны правительства члена ОДКБ. Таким образом, для ОДКБ публичная дипломатия третьих государств в странах-участницах организации с целью подрыва существующего там режима — это угроза региональной безопасности.

Концептуально отношение к «мягкой силе» других государств представлено в Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., принятой в октябре 2016 г. [Стратегия коллективной безопасности..., 2016]. Среди внешних вызовов и угроз ОДКБ упоминается «осуществление деструктивного идеологического и психологического воздействия на население государств-членов ОДКБ через электронные информационные сети и медиаресурсы». В разделе по стратегическим целям ОДКБ указана такая цель, как «формирование, во взаимодействии с другими международными и региональными организациями, третьими странами, неправительственными организациями и представителями гражданского общества, благоприятных условий для безопасного и стабильного развития государств-членов ОДКБ». Здесь не указано, идет ли речь о НПО и гражданском обществе государств-членов или третьих стран, но в целом данный пункт можно трактовать как готовность ОДКБ взаимодействовать с обществами, т.е. проводить публичную дипломатию. В Заключении документа указывается, что его реализация будет достигаться в том числе «совершенствованием информационной и аналитической деятельности ОДКБ и работой с общественностью».

Между тем можно утверждать, что ОДКБ уже использует публичную дипломатию, хотя и не называет это публичной дипломатией. В частности, при ОДКБ существует Институт ОДКБ — автономная некоммерческая организация, целями которой являются:

- «— пропаганда и популяризация деятельности ОДКБ в государствах — членах ОДКБ, третьих странах и международных организациях и др.;
- изучение вопросов военно-политической интеграции, интеграции в сфере обеспечения безопасности на пространстве СНГ;

- создание системы связей с научными, политологическими и общественными организациями и структурами государств—членов ОДКБ;
- информационная поддержка деятельности ОДКБ с использованием потенциала средств массовой коммуникации»¹⁰².

Действует Аналитическая ассоциация информационно-аналитических структур государств—членов ОДКБ, созданная в 2013 г. для «разработки мероприятий и стратегии скоординированной информационной политики в интересах государств—членов Организации, информационно-аналитической поддержки решений глав государств—членов ОДКБ, налаживания деловых контактов, обмена информацией, проведения экспертного и ситуационного анализа»¹⁰³. Мероприятия Аналитической ассоциации ОДКБ во многом направлены на противодействие информационным угрозам со стороны Запада.

В апреле 2014 г. была создана Университетская лига ОДКБ. По информации самой ОДКБ, в лигу входят 29 университетов стран—членов ОДКБ. Цели лиги:

- «— организация общественно-научной экспертизы крупных проектов в области безопасности, геополитики, экономики, науки и техники, гуманитарных и информационных технологий, выработка рекомендаций и предложение проектов, концепций и программ уставным органам ОДКБ;
- разработка мероприятий и стратегии скоординированной информационной политики в интересах государств—участников ОДКБ;
- создание механизмов и средств противодействия современным вызовам и угрозам;
- поддержка и укрепление интеллектуального движения евразийской молодежи, создание международного координирующего органа молодежного евразийского движения...»¹⁰⁴.

ОДКБ проводила также медиафорумы для журналистов¹⁰⁵. В настоящее время ОДКБ переключилась на другие мероприятия в сфере публичной дипломатии. Например, совместно с Фондом поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова проводит летние школы по ОДКБ под названием «Академия ОДКБ»¹⁰⁶.

Среди других мероприятий ОДКБ, нацеленных на взаимодействие с обществами государств—членов, следует упомянуть международный автопробег под эгидой организации в честь 10-летия ОДКБ в 2013 г.

Следующим шагом для ОДКБ может стать взаимодействие организации с гражданским обществом государств—членов. Ведь одной

из основных угроз безопасности в последнее время принято считать информационное воздействие на общества со стороны третьих государств (обычно речь идет о США) или других акторов (например, ИГ) для подрыва общественной стабильности и, возможно, даже смены режима путем поддержки тех или иных форм оппозиции. Однако помимо борьбы с информационным влиянием необходимо развивать и позитивную повестку дня, оказывать собственное информационное воздействие. Представляется, что существующая в настоящий момент информационная линия ОДКБ хотя и увеличивает узнаваемость организации, но не позволяет работать с теми слоями населения, которые непосредственно подвержены опасности влияния информационного воздействия и потенциально могут вступить в ряды вооруженной оппозиции, либо с теми группами, которые живут в приграничных регионах в Центральной Азии и могут стать участниками приграничных конфликтов. Разумеется, следует отдать должное операции «ПРОКСИ» по закрытию экстремистских веб-сайтов и возбуждению уголовных дел по соответствующим статьям. Однако подобная операция все же вряд ли может быть отнесена к потенциалу развития «мягкой силы» ОДКБ. Скорее это противодействие «мягкой силе» других игроков.

Публичная дипломатия подразумевает развитие взаимосвязей с гражданским обществом для реализации целей внешней политики того или иного государства. Для региональной организации такими целями можно считать более безопасную обстановку в регионе своей ответственности. Однако борьба с угрозами смены режимов неконституционным путем может быть интерпретирована таким образом, что ОДКБ будет поддерживать правительства против их собственного населения, если население захочет выразить недовольство политическим режимом. Чтобы избежать подобных обвинений со стороны Запада, ОДКБ может развивать свою сеть связей с гражданским обществом на местах, поддерживая те неправительственные организации, которые занимаются вопросами урегулирования межэтнических конфликтов, решением проблем бедности населения, гуманитарной помощью и т.д. Удачным примером такого взаимодействия можно назвать проводившийся под эгидой ОДКБ в течение нескольких лет упомянутый выше медиафорум для журналистов, освещающих конфликты. В рамках медиафорума специалисты ОДКБ рассказывали журналистам, как правильно вести себя в ситуации вооруженного конфликта. Проведение тренингов подобного рода (включая, например, тренинги по поведению в случае стихийных бедствий) для населения стран ОДКБ силами неправительственных организаций при поддержке ОДКБ и участии экспертов ОДКБ могло бы

стать следующим шагом в направлении развития «мягкой силы» Организации при помощи публичной дипломатии.

ВЫВОДЫ

Публичная дипломатия межправительственных организаций — сфера относительно новая. Публичная дипломатия МПО может подразумевать как работу с обществами третьих стран (например, для сохранения положительного международного имиджа НАТО после осуществленного вмешательства в конфликт), так и работу с обществами государств-членов для улучшения восприятия организации и повышения ее эффективности.

Анализ показал, что в России на официальном уровне не сложилась четкая терминология, многие понятия используются как взаимозаменяемые («мягкая сила», общественная дипломатия, публичная дипломатия). В практическом плане на настоящий момент, с точки зрения сотрудников российского МИДа, основным направлением работы с государствами по линии публичной дипломатии может стать разъяснение национальных интересов и официальной позиции российских НПО, работающих за рубежом. Если НПО не видят весь комплекс национальных интересов России, их деятельность может создать определенные сложности для официальной дипломатии.

Россия активно продвигает идею развития публичной дипломатии по линии ШОС. Сама Организация фактически не ведет деятельность по линии публичной дипломатии. На настоящий момент международные мероприятия по тематике публичной дипломатии ШОС организуются при поддержке российских государственных и окологосударственных структур.

По отношению к ОДКБ у России нет четкой стратегии и интереса в сфере продвижения публичной дипломатии этой организации. ОДКБ самостоятельно развивает отдельные направления, впрочем не называя это публичной дипломатией. Как представляется, у ОДКБ есть значительный потенциал по применению публичной дипломатии для предотвращения или урегулирования конфликтов.

ГЛАВА 8

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАТО В УСЛОВИЯХ ДЕПОЛЯРИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

Одним из международных акторов, активно использующих весь спектр средств и методов публичной дипломатии, является Североатлантический альянс. На мировом политическом пространстве НАТО входит в число ведущих межправительственных организаций, совмещающих разнообразие задач и миссий в условиях глобализирующегося мира. В основе ее деятельности лежит принятая в 2010 г. стратегическая концепция «Активное вовлечение, современная оборона», развивающая политические и военно-стратегические установки предыдущих доктринальных документов с учетом современных изменений военно-политической обстановки. Главная стратегическая цель альянса — строительство фундамента для формирования на основе НАТО глобальной военно-политической организации.

В условиях глобализации постоянно повышается значение невоенных форм и методов воздействия во внешней политике. С точки зрения натовских стратегов, основное назначение публичной дипломатии — формирование в общественном сознании позитивного имиджа альянса. Именно публичная дипломатия служит инструментом достижения поставленных целей в сфере внешней политики, проводимой Североатлантическим альянсом. Ян Мелиссен отмечает, что «такие межправительственные организации, как НАТО и ЕС, теперь воспринимают публичную дипломатию как экзистенциальную необходимость и сосредоточивают усилия в этом направлении как внутри своих организаций, так и на внешнюю аудиторию» [Melissen, 2011: 16].

Профессор Университета Южной Калифорнии Филипп Сейб утверждает, что «НАТО должна проводить свое влияние через “мягкие

формы”, чтобы оправдать свою жесткую силу». Он подчеркивает «сегодняшний беспрецедентный доступ к информации» и отмечает, что «для того чтобы НАТО и другие международные организации были способны выполнять свою миссию и сохранять свою легитимность, они должны в полной мере осознать значение информационного влияния» [Pagovski, 2015: 9].

Следует отметить, что с самого начала своего создания НАТО понимала важность выстраивания эффективной коммуникации и необходимость информирования общественности. Официально деятельность в этом направлении началась уже в 1950 г., когда в недрах альянса была создана информационная служба, целью которой стало стремление донести до широкой публики информацию о своей политической платформе.

В постбиполярный период НАТО столкнулась с необходимостью формирования новой имиджевой политики. Руководство альянса стремилось к усилению собственного влияния и формированию положительного образа в регионах, не входивших в зону его традиционной ответственности. Данное направление деятельности стало особенно актуальным вследствие вызвавшей крайне неоднозначную международную реакцию агрессивных действий НАТО в отношении Югославии. Важным средством его реализации стали механизмы публичной дипломатии, получившие обоснование в концептуальном документе «Стратегия общественной дипломатии НАТО» [2014–2016 NATO Public diplomacy strategy], который с учетом нового опыта ежегодно корректируется и переиздается. Он предполагал в качестве основных методов реализации активное взаимодействие со СМИ в целях освещения позиции альянса по ключевым политическим проблемам, а также непосредственное воздействие на общественное мнение в странах-партнерах путем организации специальных семинаров, брифингов и визитов. На настоящий момент механизм формирования общественной дипломатии Североатлантического альянса включает несколько ключевых звеньев. Управление общественной дипломатии НАТО выполняет функции ее главного координационного центра. Оно формирует программы визитов иностранных делегаций в штаб-квартиру НАТО, определяет информационную повестку о деятельности альянса для стран-партнеров. Функции контактного пункта, обеспечивающего распространение информации о политике НАТО в каждой из них, выполняет посольство одной из стран, входящих в военно-политический блок. Контактные посольства координируют свою деятельность в сфере информационно-коммуникационных мероприятий с Управлением общественной дипломатии НАТО.

В постбиполярный период произошла глубокая трансформация архитектуры органов публичной дипломатии НАТО, используемых средств связи и информации. Традиционно вопрос о выборе методов и нахождении средств для выполнения задачи информирования своей общественности о политике и целях Североатлантического союза решается каждой из стран-членов самостоятельно. В начале 1990-х годов роль Бюро информации и печати НАТО сводилась главным образом к дополнению мероприятий по информированию общественности и руководства повседневными связями альянса со СМИ. А. А. Бартош в статье «Эволюция публичной дипломатии НАТО» отмечает, что данная «стратегия базируется на общих принципах публичной дипломатии, сформулированных в 2003 г. советником Государственного департамента США Кристофером Россом» [Бартош, 2013: 9].

«Стратегия публичной дипломатии» аккумулирует ее главные цели и направления. Они определяются военной доктриной альянса, политическими векторами его развития, изменениями в институциональной основе деятельности организации, возникающими новыми вызовами и опасностями, организационными решениями и научно-практическими исследованиями.

Согласно этому документу, публичная дипломатия НАТО призвана продемонстрировать роль и достижения блока в проводимых операциях и миссиях, новую идентичность альянса и стратегические направления его развития. Основной целью НАТО в проведении публичной дипломатии является «повышение уровня информированности и понимания о НАТО, продвижение своей политики и деятельности, а также получение поддержки, кредита доверия и уверенность в Альянсе», — утверждает эксперт американского фонда Маршалла Зак Поговски [Pogovski, 2015: 13].

Указанная «Стратегия» также определяет целевые группы, на которые публичная дипломатия должна быть направлена прежде всего. К ним относятся: политические элиты, научные и экспертные сообщества, журналисты, руководители авторитетных НПО, молодежь. С точки зрения натовских стратегов, основное назначение публичной дипломатии на современном этапе — формирование в своей внешнеполитической деятельности позитивного и привлекательного имиджа Североатлантического альянса.

По мнению экс-руководителя Управления общественной дипломатии НАТО С. Бапст, «НАТО стремится создать уникальный “бренд” сильного, совершенного и компетентного трансатлантического сообщества единомышленников демократии, сохраняющего мир и безопасность для своих членов, и, где это возможно, стремится внести свой

вклад в обеспечение стабильности и безопасности. Стратегия публичной дипломатии НАТО должна быть направлена на борьбу с некоторыми из проблем имиджа организации, такими как восприятие НАТО как «глобального полицейского», «орудия США в достижении своей цели» и ее ненужности после окончания холодной войны» [Babst, 2009: 3]. С. Бапст обратила внимание на необходимость «принести новую философию публичной дипломатии НАТО ближе к заинтересованным сторонам, поощряя их к разработке общего понимания, вкладывать больше средств в свои национальные усилия в области коммуникации и возможностей». В целом союзники должны будут становиться все более совместимыми не только в военной, но и в политической области. Совместное видение современных стратегий и подходов может также помочь общественной дипломатии.

Стратегия публичной дипломатии НАТО базируется на следующих принципах: обеспечение понимания проводимой политики в реальном смысле, а не как ее пытаются представить другие; разъяснение ее рационального характера и соответствия фундаментальным ценностям; последовательность, правдивость и убедительность; изучение целевого контингента с целью оперативной адаптации информации; взаимодействие с широким кругом партнеров; разнообразное и активное общение на всех уровнях. Публичная дипломатия НАТО призвана продемонстрировать роль и достижения блока в проводимых операциях и миссиях, новую сущность политики альянса, а также основные стратегические направления его дальнейшего развития.

В настоящее время в организационной структуре НАТО созданы два специальных подразделения, деятельность которых посвящена публичной дипломатии: Комитет публичной дипломатии (*The Committee on Public Diplomacy — CPD*) и Департамент публичной дипломатии (*Public Diplomacy Division — PDD*).

Комитет публичной дипломатии отвечает за планирование, внедрение и оценку стратегии в области публичной дипломатии НАТО. Он рассматривает и утверждает ежегодный план действий в области публичной дипломатии, по мере необходимости производит дополнительные отчеты, рекомендации и планы для Североатлантического совета (НАС), координирует работу Департамента публичной дипломатии. Комитет ежегодно издает документ под названием «Стратегия публичной дипломатии НАТО». В состав комитета входит по одному представителю от каждого государства-члена НАТО.

Департамент публичной дипломатии практически реализует теоретические программные установки в жизнь. Его работой руководит помощник Генерального секретаря. Задачами Департамента публич-

ной дипломатии являются: координация и контроль деятельности всех подразделений альянса в области публичной дипломатии, практическая реализация разнообразных программ НАТО.

Департамент имеет своих сотрудников во всех представительствах НАТО в странах-партнерах. Кроме того, в структуру департамента входят военная библиотека НАТО, подразделение спонсорства и грантов, информационный центр в Киеве (Украина) и информационное бюро НАТО в Москве (Россия).

В выступлении на одной из конференций, организованной НАТО, Стефани Бапст обратила внимание на возрастающее значение публичной дипломатии: «Сегодня нужна публичная дипломатия, которая приспособливает наше время. Вопросы политики ставят перед нами все более глобальный характер. Терроризм, изменение климата, бедность, отсутствие безопасности и конфликты представляют собой лишь некоторые из наиболее актуальных международных проблем. Больше чем когда-либо правительства, организации и другие игроки на международной арене должны работать вместе, чтобы обратиться к ним для того, чтобы найти поддержку решений и изменений. Ни одно правительство или учреждение не может решить это растущее число проблем самостоятельно. Решения не могут быть просто взяты с полки и реализованы. Они должны быть созданы вместе, коалиционно внутри и между правительствами, а также между правительствами и арсеналом неправительственных групп... Распространение новых международных субъектов, включая неправительственные организации и корпорации, и приход глобальных технологий размыли границы между внутренними и международными сферами» [Babst, 2009: 4].

В качестве одного из основных направлений публичной дипломатии НАТО С. Бапст выделяет так называемое *слушание*. Под этим термином она понимает внимательное изучение и анализ общественного мнения самых разных слоев и уровней. «Успешная публичная дипломатия не начинается с «говорить», но со «слушать». Слушание важно по двум причинам: во-первых, сбор и анализ мнений ваших целевых групп или сегментов общественности является обязательным. Во-вторых, слушание должно быть подлинным. Должны быть предприняты серьезные усилия для того, чтобы понять мотивы и убеждения ваших собеседников» [Babst, 2009: 5].

Вторым направлением публичной дипломатии является информационно-пропагандистское, подразумевающее использование самого широкого круга возможностей в общении с внутренней и внешней аудиториями. Эта деятельность включает в себя связи со СМИ и дру-

ую информационную работу по публикации в них сообщений, новостей, блогов, видео, фотографий, выпуск плакатов, рекламы и т.д. Публикуемая информация должна быть направлена на конкретные политические цели и задачи. «Именно поэтому публичная дипломатия не может и не должна пытаться изобразить серьезный кризис или войну в радужных цветах... необходимо иметь четкое представление о вашей политической цели... Часто это лучше для правительства, чем признать, что оно все еще пытается найти лучшее решение, чем фантазировать о мнимом успехе» [Babst, 2009: 5]. Еще одно направление публичной дипломатии — «вовлечение». Под этим термином понимается процесс налаживания добрых отношений и взаимопонимания с представителями влиятельной целевой аудитории, которые могут привести к лучшему пониманию и поддержке политики и идеалов альянса.

Кроме того, по мнению С. Бапст, «публичная дипломатия должна быть достоверной, чтобы быть эффективной. Что касается отношений со СМИ, этот принцип должен применяться ко всем государственным партнерам: если вы пытаетесь манипулировать истиной или предлагать ложь, вы сразу же потеряете авторитет» [Babst, 2009: 7].

Сегодня НАТО активно применяет технологии публичной дипломатии по всем направлениям. Специалисты альянса осуществляют множество научно-исследовательских и аналитических работ, проводят мониторинг национальных и международных обследований, чтобы лучше представлять картину происходящих в мире процессов. Например, НАТО серьезно рассматривает исследования американского фонда Маршалла, который изучает общественное мнение о трансатлантическом сотрудничестве, в том числе измерения восприятия НАТО. Кроме того, НАТО использует некоторые из существующих интернет-сообществ и сайты, такие как www.atlantic-community.org для изучения общественного мнения по вопросам, связанным с организацией.

Информационная стратегия НАТО

НАТО использует активные формы пропагандистской деятельности для того, чтобы позиционировать себя в качестве прозрачного и интерактивного объекта. Альянс обладает отлаженной системой взаимодействия со СМИ, а также опытом использования новых форм массовой коммуникации. Большое внимание уделяется взаимодействию с социальными медиа. Типичный пример такого рода — деятельность корпоративного сайта www.nato.int, содержащего отдел новостей, выпускающий пресс-релизы с новостями, выступлениями официальных

лиц альянса, а также содержащий аудиовизуальную библиотеку. Содержащаяся на данном ресурсе информация может регулярно распространяться среди широкой аудитории путем рассылки по электронной почте. Наряду с этим сайт предоставляет возможность просмотра телевизионных программ НАТО-TV.

Информационная стратегия НАТО предполагает и другие формы использования социальных медиа и новых цифровых технологий. В частности, специалистами альянса созданы и поддерживаются страницы в социальных сетях *Facebook*, *Twitter*, канал на *YouTube*, аккаунты в *Google*, *Flickr* и *RSS*. Все эти информационные ресурсы используются для публикации официальных заявлений, новостей, фото, видео и других мультимедийных материалов. НАТО также предлагает цифровое приложение для *IPad*. Наряду с информацией на английском и французском языках, информационные структуры альянса активно используют иные языки для общения в виртуальном пространстве, включая русский и украинский. Кроме того, у всех высших должностных лиц НАТО, включая генерального секретаря и его помощников, есть собственные страницы в социальных сетях, позволяющие поддерживать более тесную связь с целевыми группами аудитории [Pagovski, 2015: 12].

НАТО реализует большое количество мероприятий, чтобы привлечь внешнюю аудиторию. Ежегодно Департамент публичной политики НАТО организует около 120–140 информационно-пропагандистских мероприятий с участием представителей государств—членов альянса. Эти мероприятия направлены на долгосрочную перспективу и имеют своей целью формирование нужного общественного мнения через развитие диалога между экспертами в области безопасности, политиками и представителями НПО; для поддержания интереса к трансатлантическим вопросам в самых разных слоях населения, особенно среди молодого поколения.

Североатлантический альянс стремится сделать организацию более доступной для рядовых граждан. Штаб-квартира НАТО в Брюсселе принимает тысячи посетителей каждый год, а некоторые из них имеют возможность непосредственно участвовать в заседаниях с официальными лицами НАТО. Мультимедиабiblioteca НАТО имеет более 18 тыс. книг и 155 журналов, доступных любому посетителю, предлагает информационный бюллетень о новых публикациях.

НАТО регулярно проводит веб-чаты и открытые обсуждения с использованием социальных сетей. Рядовые граждане имеют возможность задавать вопросы и высказывать свое мнение в социальных сетях непосредственно на личных страницах руководителей организации.

Так, помощник генерального секретаря по публичной дипломатии НАТО и посол Швеции в НАТО организовали в 2012 г. виртуальную дискуссию в Международный женский день, собирая вопросы в сети *Twitter*.

Альянс заинтересован в привлечении широкого круга молодежи к участию в обсуждении вопросов деятельности НАТО. Для этой цели НАТО организует и финансирует многие программы стипендий, летние школы, семинары, практикумы, конкурсы сочинений для студентов и молодых специалистов. Примером может служить Летняя школа для молодых специалистов Центра европейских и североатлантических дел, организованная в Словакии и на Украине.

Кроме того, НАТО организует множество мероприятий и конференций, чтобы привлечь внимание представителей политических элит и экспертов, принимающих решения в обсуждении вопроса о роли альянса и его деятельности в области публичной дипломатии. Например, в 2012 г. в Брюсселе НАТО провела семинар на тему «*Soft Power* — публичная дипломатия НАТО» с участием ведущих специалистов в области новых средств массовой информации, которые обменялись мнениями о преимуществах новых технологий для общественной дипломатии НАТО. На семинаре были рассмотрены вопросы о месте НАТО в глобальной коммуникационной среде и о способах участия НАТО в расширении своего сотрудничества в этой сфере.

Для того чтобы лучше интегрировать экспертов из различных областей, альянс запустил интернет-журнал «Вестник НАТО». Этот журнал «смотрит на ключевые вопросы безопасности, имеющие отношение к НАТО, через глаза экспертов», — сказано в официальном комментарии. Цель журнала — предоставление платформы, где эксперты имеют возможность общаться между собой и обсуждать вопросы трансатлантической безопасности. Платформа оптимизирована для использования на смартфонах и компьютерных планшетах и доступна через онлайн-подписку.

Руководство НАТО уделяет серьезное внимание работе с НПО, университетами, интеллектуальными центрами и другими организациями гражданского общества. Департамент публичной политики предлагает большое количество грантов и спонсорской помощи для проведения конференций, семинаров и других видов деятельности в области публичной дипломатии по темам, имеющим отношение к повестке дня структурных подразделений Североатлантического альянса. Кроме того, в рамках НАТО апробированы различные варианты проведения культурных мероприятий под своей эгидой. Специалисты альянса пы-

таются реализовывать многообразные мероприятия имиджевого характера, включая выставки НАТО, конкурсы, марафоны и т.д.

Ежегодно комитет по публичной политике НАТО разрабатывает «Стратегию публичной дипломатии» организации. Этот стратегический план устанавливает цели и приоритеты для организации, определяет инструменты и подходы для проведения публичной дипломатии. «Стратегия» также включает в себя механизмы оценки результатов практической деятельности. НАТО оценивает эффективность своей общественной дипломатии посредством «докладов, обобщающих накопленный опыт; анализа данных, собранных от различных целевых аудиторий; систематического анализа средств массовой информации и прессы; регулярных оценок статистических данных об использовании веб-сайта НАТО, электронных публикаций; информации и пресс-служб и других подразделений» [2014–2016 NATO Public diplomacy strategy].

Кроме того, в 2013 г. Департамент публичной политики НАТО совместно с Объединенным центром анализа подготовил документ под названием «Рамки стратегического планирования и оценки публичной дипломатии». Он был разработан для проведения более точной оценки итогов и повышения результативности деятельности в области общественной дипломатии альянса.

Работа по всем указанным направлениям позволяет НАТО добиваться достаточно эффективных результатов. В частности, при ключевом финансовом участии США в 2000-е годы было реализовано около трехсот пятидесяти программ в области образования, культуры и информационных контактов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Главной их целью было обозначено содействие продвижению демократических процессов в регионе. Все они были объединены в рамках масштабного проекта под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке» (*Middle East Initiative Partnership*). Ключевая роль в его реализации принадлежала Отделу по делам Ближнего Востока в Госдепартаменте, Агентству международного развития и другим ведомствам. В документах внешнеполитического ведомства США были обозначены основные механизмы реализации демократических преобразований. Они предполагали смену политического устройства путем подготовки альтернативных политических лидеров, формирование лояльных, демократически настроенных женских и молодежных движений, а также новых партийных структур. Другим важным направлением западных программ стало изменение экономической обстановки путем реформирования законодательства страны, а также создания слоя бизнесменов и юристов, получивших образова-

ние в США и других западных странах. С этим была тесно связана задача проведения преобразований в образовательной сфере, предусматривающих пересмотр учебных программ в соответствии с американскими стандартами.

Н. А. Цветкова обращает внимание на тот принципиально важный факт, что «если в период холодной войны и в 1990-е годы Госдепартамент направлял свои программы публичной дипломатии для поддержки политических режимов и армии, то начиная с 2002 г. США стали создавать альтернативные партии, некоммерческие организации и реформировать системы образования» [Цветкова, 2011: 48]. В 2000-е годы наблюдалась устойчивая тенденция стремительного роста числа участвующих в различного рода программах, инициированных США и НАТО. Например, если в 1998 г. в программах Госдепартамента по развитию демократии приняли участие около 3300 граждан Египта, то в 2008 г. данный показатель достиг уже более чем 148 тыс. человек. Начиная с 2002–2004 гг. правительство США создало порядка десяти новых радиостанций и телеканалов, вещающих на регион Северной Африки и Ближнего Востока. Все эти проекты так или иначе сыграли свою роль в распространении демократических настроений среди широких слоев населения, особенно среди молодежи. Многие эксперты в США отмечают, что программа под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке» создала «сеть арабских защитников демократии и активистов, кто приветствует помощь со стороны американской демократии и продвигает позитивный образ демократии США среди местного населения» [Цветкова, 2011: 49].

Многими государствами, входящими в Североатлантический альянс, активно используются технологии цифровой дипломатии. Она рассматривается натовскими стратегами как важнейший элемент «мягкой силы». Цифровая дипломатия стала для них своеобразной платформой для интерактивного диалога с остальным миром. Одна из авторов стратегии публичной дипломатии НАТО С. Бабст в своем интервью в октябре 2011 г. так отметила значение Интернета: «Всемирная паутина играет в XXI в. примерно ту же роль, что форум для древних римлян. С той разницей, что наш “форум” глобален и виртуален. Сегодня он позволяет людям всей планеты общаться с друзьями, искать работу, заниматься продвижением собственного бизнеса или организацией ралли. Но это не все. Социальные медиа — *Facebook*, *Twitter* или видеохостинговый сайт *YouTube* — все в большей степени становятся инструментами влияния обычных людей, их пользователей на международную политику» [Babst, 2011].

Деятельность США в использовании информационно-коммуникативных технологий

США как государство, занимающее лидирующие позиции в НАТО, являющееся неформальным лидером Североатлантического военно-политического блока, активно использует в своей практической деятельности цифровую дипломатию, применяя различные формы пропагандистской деятельности для того, чтобы представить себя в качестве прозрачного и интерактивного объекта. Проводимая США политика во многом отражает подходы к цифровой дипломатии государств, входящих в структуру НАТО.

Отмечая авангардную роль США в использовании информационно-коммуникационных технологий для решения задач по продвижению своих внешнеполитических интересов, следует иметь в виду, что они в большей степени направлены на страны, находящиеся в зоне внимания Вашингтона. Анализируя проекты, реализуемые США и ведущими странами НАТО в рамках цифровой дипломатии, большинство специалистов выделяют следующие основные направления:

- 1) организация протестного движения в зарубежных странах;
- 2) создание антицензурных компьютерных программ для диссидентов;
- 3) формирование диалога между представителями правительства западных стран и отдельными блогерами в зарубежных странах;
- 4) борьба с терроризмом в сети Интернет [Цыганков, 2015: 57].

В рамках организации протестного движения в других странах специалистами США был осуществлен проект по созданию Союза молодежных движений (*Alliance of youth movement*) в сети Интернет. Американцы провели поиск групп или отдельных блогеров, критически относящихся к деятельности правительств своих стран или выступающих с различными общественными предложениями.

Госдепартаментом США была выдвинута инициатива, направленная на создание групп диссидентов в недемократических государствах при помощи Интернета. Осенью 2010 г. Госсекретарь США Х. Клинтон запустила проект под названием *Civil Society 2.0* или *TechCamps*. Следует отметить, что проект *TechCamps* — один из самых эффективных проектов цифровой дипломатии США. Основными темами для обсуждения на семинарах в рамках данного проекта являются: передача знаний и технологий по использованию социальных сетей в социальной и политической жизни общества; способы получения доступа к сайтам, за-

крытым правительством; использование особых мобильных технологий, позволяющих нажатием одной кнопки предупредить всех друзей об опасности.

По состоянию на октябрь 2011 г. Правительство США имело 288 страничек на портале *Facebook*, 196 аккаунтов на платформе *Twitter*, 125 каналов на портале *YouTube*. В конце 2012 г. правительственные сайты США, расположенные на платформе *Facebook*, собрали вокруг себя более 12 млн иностранных граждан, что превышает количество читателей десяти самых ведущих американских газет в мире. Через год, в конце 2013 г., число подписчиков стало более 22 млн, а количество сайтов осталось неизменным — 288. На портале *Twitter* правительственные аккаунты собирают около 2 млн читателей по всему миру, а 125 правительственных каналов на портале *YouTube* собрали более 16 млн просмотров. Самыми популярными страницами или аккаунтами в 2013 г. были страничка Госдепартамента на *Facebook*, посольства США в Китае, твиттер-лента Госдепартамента на арабском языке, твиттер-аккаунт посла США в России Макфола и др. Более того, страницы посольства США, известный журнал о США, а также специализированные сайты о технологиях и социальном активизме, расположенные на портале *Facebook*, собирали наибольшее число подписчиков — от 50 тыс. до 2 млн.

Другим инструментом обеспечения активистов и оппозиционеров доступа к Сети является создание функции на платформе *Twitter*, которая позволяет через местную мобильную связь передавать сообщения в данную социальную сеть в случае закрытия Интернета в стране. Впервые данная функция была успешно апробирована в Египте в 2011 г. Сегодня она с успехом используется в Сирии. Всего с 2009 по 2011 г. правительство США потратило 76 млн долл. на создание антицензурных программ для «активистов гражданского общества как на Ближнем Востоке, так и во всем мире» [Цветкова, 2015: 448].

Основной и наиболее примечательной особенностью деятельности США и НАТО в сфере информационно-сетевых операций США и НАТО является осуществление их без прямого использования военной силы и вовлечения в непосредственную вооруженную конфронтацию с противником. Сетевая война как конгломерат «базовых эффектов» — принципиально новый вид «невидимой» войны, подразумевающей установление полного контроля над всеми действующими и потенциальными субъектами политического процесса, обеспечение управления ими во всевозможных вариантах и ситуациях. Данный постулат органично вытекает из новых доктринальных устано-

вок НАТО, сформулированных исходя из объективных реалий XXI в. и реализуемых на практике стратегами военно-политического блока. При этом обратной стороной цифровой дипломатии служит появление у США и их союзников по НАТО принципиально новых возможностей для вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом продвижения демократии с опорой на «мягкую силу».

Международные кризисные ситуации последнего периода свидетельствуют о весьма противоречивом характере воздействия публичной дипломатии НАТО и применяемых ею информационных технологий. Так, в ходе кризиса на Украине, начавшегося с антиконституционного переворота в феврале 2014 г., наблюдалась резкая активизация информационной деятельности как самого альянса, так и отдельных, входящих в него государств, в первую очередь США. При этом она была направлена не столько на выстраивание и укрепление собственного позитивного имиджа среди украинского населения, сколько на максимально возможную дискредитацию имиджа Российской Федерации. Содержание информационных материалов, распространявшихся Офисом связи НАТО, Центром информации и документации альянса, посольством США на Украине, сводилось в основном к идее поддержки нового украинского руководства в его противостоянии «российской агрессии». Большое внимание в данном контексте уделялось освещению и комментированию решений, принятых на саммите НАТО в Уэльсе и связанных с существенным усилением военного присутствия альянса в Прибалтике, Польше и Румынии. Наряду с этим регулярно публикуются материалы, связанные с деятельностью совместного комитета Украина–НАТО, и принимаемые им документы. Информационная деятельность Североатлантического альянса строится вокруг определенной иерархии текущих приоритетов, среди которых на первом месте обозначено «усиление процесса ведения Украиной евро-атлантических реформ широкого спектра» [Офис связи НАТО на Украине. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vsenato.ru/ofis-svyazi-nato-v-ukraine>].

Подобная стратегия публичной дипломатии НАТО ориентирована на повышение собственного имиджа среди украинского населения, формирование выгодного для целей альянса общественного мнения на Украине по ключевым международным проблемам. В то же время она идеально вписывается в общую концепцию информационного противостояния, осуществляемую им в последние годы в отношении РФ.

В последнее время на фоне обострения отношений Запада и России руководство альянса демонстрирует намерение еще более усилить

свою активность в информационно-пропагандистской сфере. «В ходе этого кризиса Россия превратила информацию в оружие, — утверждает Джеймс Аппатурай, заместитель помощника генсека альянса по политическим вопросам. — Они добиваются до нашего собственного электората, чтобы влиять на политику». Как отмечает британский журналист С. Джонс, «чиновники НАТО и западное высшее руководство опасаются, что российская кампания может окончательно расколоть и без того хрупкий европейский консенсус относительно сохранения жестких экономических санкций против Москвы» [Джонс, 2014].

В целях обсуждения и координации основных направлений информационной политики делегации высокого уровня начали проводить регулярные встречи в штаб-квартире НАТО в Брюсселе и в столицах отдельных государств—участников альянса, чтобы обсудить этот вызов. В качестве одного из конкретных шагов был создан новый веб-портал под названием «Расставим точки над “и”». Он доступен на русском, украинском, английском и французском языках и заполнен десятками документов, заявлений, видеозаписей и изображений. В одном разделе перечислено 25 «мифов» об альянсе и приводятся факты, их опровергающие, пишет С. Джонс.

Хотя, по признанию представителей альянса, он вступил в информационную войну, многие из них признают, что натовские усилия пока еще находятся в зачаточном состоянии. «В группе по публичной дипломатии НАТО около 20 человек, и они работают, пытаются противостоять организованной, разноплановой, хорошо спонсируемой российской операцией, ведущейся по всему миру», — сообщил Дж. Аппатурай [Джонс, 2014].

Важным направлением информационно-пропагандистской работы аналитики НАТО считают «оценку» итогов проводимой деятельности. «Такой подход имеет важное значение в обеспечении эффективности публичной дипломатии организации, а также пересмотра и регулирования общественных стратегий и планов дипломатии», — отмечает эксперт американского фонда Маршалла Зак Поговски [Pagovski, 2015: 13].

Эффективность публичной дипломатии НАТО

Оценивая эффективность политики публичной дипломатии Североатлантического альянса, С. Бапст делает следующие выводы: «Общественная поддержка НАТО по-прежнему выше 50% в союзных нациях в целом, а в некоторых странах она достигает даже 70–80%. Это, ко-

нечно, неплохо для организации, которая существует в течение 60 лет. Что еще более важно, альянс по-прежнему имеет узнаваемый бренд: он широко ассоциируется с безопасностью и обороной и признается в качестве трансатлантического поставщика мира. Несмотря на протекающий процесс трансформации организации, по-прежнему существует значительная степень доверия и уверенность в способности организации защитить и сохранить нашу свободу от новых угроз» [Babst, 2009: 9]. Опубликованные в последний период программные документы, в частности принятая в 2010 г. стратегическая концепция развития НАТО, свидетельствуют о твердом намерении руководства альянса сделать ставку на дальнейшее совершенствование механизмов информационно-пропагандистской деятельности. Публичная дипломатия в данной связи воспринимается им как один из важнейших элементов в широком спектре стратегических средств воздействия, обозначаемых понятием «мягкая сила». В рамках своей деятельности в данной сфере структуры НАТО весьма успешно сочетают как осуществление коммуникации посредством СМИ, так и различные форматы непосредственного общения, рассчитанные либо на широкую аудиторию, либо на конкретные целевые группы. Одним из важнейших направлений реализации целей и задач альянса в рамках публичной дипломатии является максимально возможное по масштабу использование современных технологий цифровой дипломатии, рассчитанных на различные сегменты современного общества. Использование широкого спектра информационных возможностей Интернета стало важнейшим атрибутом деятельности НАТО в ситуациях, связанных с крупными международными кризисами последних лет.

Выводы

Говоря в целом о ключевых принципах и направлениях практической работы в сфере публичной дипломатии НАТО, следует констатировать, что политика публичной дипломатии, проводимая Североатлантическим альянсом, — достаточно эффективный инструмент, позволяющий достигать поставленных целей в сфере внешнеполитической деятельности блока. Анализ эволюции и основных составляющих деятельности НАТО в сфере публичной дипломатии на современном этапе позволяет сделать вывод о наличии высокого потенциала реализации ее функций в контексте базовых установок, стратегических целей и задач Североатлантического альянса. Важнейшим вектором ее усилий является сохранение НАТО в качестве глобального инструмента доминирования США, а также соз-

дание глобальной натоцентристской модели обеспечения международной безопасности.

Одним из направлений реализации данной стратегии является расширение влияния альянса на постсоветском пространстве: НАТО использует сближение с Грузией, чтобы закрепиться в Закавказье. Входящие в состав НАТО государства активно используют ситуацию на Украине для давления на Россию.

Вполне очевидно, что расширение альянса предполагает ослабление геополитического влияния РФ путем активного распространения среди политических элит, а также широкой общественности в государствах СНГ евро-атлантических установок. Подобная ситуация требует объективной оценки, а также разработки адекватных мер информационного противодействия в рамках развития потенциала публичной дипломатии России и ее союзников.

ГЛАВА 9

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЕМ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Публичная дипломатия как феномен современных международных отношений — отнюдь не изобретение последних десятилетий, как это нередко утверждают. В качестве инструмента государства «публичная дипломатия» была впервые обозначена Эдвардом Мюрроу, бывшим министром Информационного агентства США (*USIA*) еще в 1963 г.¹⁰⁷. В то время этот термин рассматривался, прежде всего, как эвфемизм для обозначения государственной пропаганды. Согласно определению Эвана Поттера, «публичная дипломатия — это такое поведение, с помощью которого правительство предпринимает попытки повлиять на мнение людей или элит других стран, преследуя цель сделать действия целевых стран предпочтительными для правительства» [Potter, 2002].

Инструментарий публичной дипломатии образца последней трети XX в. не отличался серьезным разнообразием, а сам термин не был в полной мере принят научным сообществом. Среди основных методов, используемых в XX в., можно выделить международное вещание, СМИ на языке целевого государства, программы обмена студентами и международное сотрудничество ученых, спортивных мероприятий и т.п. Эффективность таких мероприятий — именуемых в зависимости от ряда факторов «Неформальной дипломатией», «Медиадипломатией» и другими терминами — была в целом достаточной при правильной их организации, и в истории можно найти немало примеров успешного и целенаправленного изменения отношений между государствами¹⁰⁸. В то же время современная публичная дипломатия разительно отличается от примеров XX в. по двум основным причинам.

Первой из причин, на наш взгляд, является проведенная Дж. Наем в 1990-х годах в его ранней работе [Nye, 1990] инструментализация «мягкой силы» и выделение способов ее распространения. Най [Nye, 2006] и Мелиссен [Melissen, 2005] непосредственно обратили внимание на использование инструментария публичной дипломатии в интересах распространения «мягкой силы» государства: политических и культурных ценностей и установок. В дальнейшем Най развил определение «умной силы»¹⁰⁹, сочетающей использование «жесткой» и «мягкой» компонент влияния¹¹⁰. В те же годы были определены три «измерения» публичной дипломатии: управление информационным пространством, стратегические коммуникации и построение системы взаимоотношений.

Второй, более важной причиной, трансформировавшей публичную дипломатию к ее современному состоянию, стало распространение Интернета начиная с 90-х годов¹¹¹ XX в. Появление нового пространства коммуникаций де-факто уничтожило границы информационных дискурсов, превратив изолированные медийные пространства государств — с языковыми барьерами, аспектами национальной информационной политики и цензуры — в единый континуум. Это произошло далеко не сразу — современный Интернет с его социальными сетями, блогами, облачными технологиями и мгновенным обменом сообщениями развился позже, в 2000-х годах. Однако появление разработанной методологии использования «мягкой силы» почти одновременно с инструментом ее неограниченного распространения простыми и дешевыми способами предопределило скачкообразное повышение веса публичной дипломатии в современных международных отношениях.

Однако одновременно с повышением роли публичной дипломатии в эпоху развитого Web 2.0 сформировалась и другая тенденция. Речь идет о размывании грани между публичной и официальной дипломатией, когда высказывания политиков и ЛПР в социальных сетях стали восприниматься как официальная позиция государства¹¹². Привлечение к политическим «дебатам» в социальных сетях лиц без соответствующей профессиональной подготовки, не обладающих официально закрепленным статусом полномочных послов своего государства, привело к резкому падению уровня дипломатической культуры. При этом население, реагирующее на такие не всегда ответственные заявления, которые дополнительно тиражируются СМИ, оказалось в высокой степени дезориентированным. Огромный потенциал публичной дипломатии в Интернете, таким образом, оказался практически нивелирован отсутствием единой парадигмы публичной дипломатии, выраженных целей, информационной стратегии и другими факторами, естествен-

ным образом проистекающими из широчайшей доступности инструментария при отсутствии понимания принципов функционирования медийного поля. Из трех «измерений» публичной дипломатии, обозначенных М. Леонардом и его коллегами [Leonard, Stead, Smewing, 2002], государственные акторы в полной мере не контролируют ни одного.

Один из аспектов этой проблемы поднимает бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр в речи, произнесенной вскоре после отставки¹¹³. Он, в частности, отмечает, что:

- граница между новостной информацией и частным мнением безнадежно размыта, при этом донесение объективных фактов типично сопровождается политическим комментарием;
- все больший объем эфирного вещания и новостной информации посвящен комментированию событий;
- представители прессы некритично тиражируют частные мнения политиков;
- основное внимание уделяется новостям, порождающим немедленный эмоциональный отклик, вместо тех, которые помогли бы глубже вникнуть в проблему;
- баланс представления информации утрачен — любые события рассматриваются в дихотомии «черное-белое».

На основании этого Т. Блэр делает вывод о серьезном давлении на официальных лиц новой структуры и объема информационных потоков, в связи с чем они вынуждены проводить существенную часть своего времени в общении со СМИ, комментируя любой информационный повод независимо от своей компетентности. Т. Блэр считает, что такое давление негативно сказывается на качестве принимаемых решений, а даже взвешенные комментарии часто искажаются. Таким образом, происходит вырождение публичной дипломатии — инициатива переходит от государств к СМИ, которые не имеют взвешенной внешнеполитической повестки.

Особо следует отметить высказанный тезис о приоритете эмоционального освещения событий вместо взвешенной аналитики. Непонимание этого основного подхода, характерного для современного медийного пространства, приводит к серьезным неудачам информационной политики и публичной дипломатии.

Очевидно, что сложившийся тренд эрозии роли традиционной дипломатии вступает в противоречие с выдвинутой концепцией «умной силы» даже в части продуманного и эффективного использования «мягкой силы». На фоне значительного количества взаимно противоречащих «дипломатических» заявлений теряется в информационном шуме собственно стратегия влияния и продвижения интересов госу-

дарства. Подрывается сама суть публичной дипломатии как инструмента распространения влияния — вместо этого происходит дискредитация государства, не координирующего усилия в области публичных заявлений официальных лиц.

Возникновение концепции новой публичной дипломатии перенесло смысловые акценты с методов публичной дипломатии как таковой на коммуникационные каналы, с помощью которых осуществляется воздействие. Один из сторонников этого феномена в научной среде, Николас Калл, определяет задачу новой публичной дипломатии как обеспечение диалога и налаживание длительных доброжелательных отношений между двумя иностранными по отношению друг к другу аудиториями. Старая и новая публичная дипломатия различаются по ряду ключевых характеристик [Cull, 2009] (табл. 1).

Таблица 1

Различие старой и новой публичной дипломатии

	Старая публичная дипломатия	Новая публичная дипломатия
Основной актор	Государство	Государство и негосударственные организации
Техническая среда	Коротковолновое радио, печатные издания, проводная телефония	Спутниковая связь, Интернет, новости в реальном времени, мобильные телефоны
Медиасреда	Новостная среда четко разделяется на внутригосударственную и зарубежную	Граница между внутригосударственной и зарубежной новостной средой размывается
Методы, подходы	Защита политических интересов государства, использование методов и теорий пропаганды	Использование подходов и приемов брендинга и маркетинга, а также методов и теорий сетевой коммуникации
Терминология	«Международный образ» и «престиж»	«Мягкая сила», «национальный бренд»
Иерархия взаимодействия	Вертикальная коммуникация: государство — население	Горизонтальная коммуникация: государство и НГО становятся посредниками между аудиториями
Природа взаимодействия	Целенаправленное, точечное воздействие на узкую аудиторию	Воздействие на общество в целом с целью выстраивания отношений между аудиториями
Стратегическая цель	Управление международной средой	Управление международной средой

Публичная дипломатия тесно связана с деятельностью медиа, именно СМИ устанавливают повестку дня — определенный набор тем, актуальный для обсуждения в заданный период времени. Повестка дня может быть индивидуальной, формируемой для микрогруппы или для общества в целом. Частота освещения тем определяет их важность и актуальность в сознании аудитории, т.е. через формирование приоритетов формируется и образ реальности. Разработчиками теории установления повестки дня стали Максвелл Маккомбс и Дональд Шоу [McCombs, Shaw, 1972], хотя предпосылки для подобного исследования можно найти у Уолтера Липпмана [Lippmann, 1922] и Бернарда Коэна [Cohen, 1963], которые рассматривали медиа как инструмент, формирующий образы реальности, подсказывающий аудитории, на что обращать внимание, но не как конкретно следует думать.

Позднее теория установления повестки дня была несколько доработана Эвереттом Роджерсом и Джеймсом Диарингом [Dearing, Rogers, 1988] в части выделения конкретных коммуникационных групп, влияющих на расстановку акцентов в медийном пространстве, а именно: СМИ, политические элиты и лидеры мнения.

В данной главе мы попытаемся рассмотреть кейсы, иллюстрирующие централизованное управление инструментарием публичной дипломатии в интересах его использования для достижения конкретных политических целей государства. В этом рассмотрении мы придерживаемся гипотезы о том, что наибольшую эффективность публичная дипломатия может достичь в рамках продуманной и управляемой информационной стратегии. В то же время мы постараемся продемонстрировать границы возможностей по такому управлению и наметить способы перехода к формированию «умных», самоорганизующихся структур взамен хаотичных разнонаправленных движений негосударственных акторов, контролирующих медийное пространство в отсутствие понимания стратегических интересов государства.

Израильская Хасбара: неудачи централизации

Публичная дипломатия в Израиле структурирована вокруг комплекса мероприятий, направленных на разъяснение официальной позиции государства и ценностных парадигм сионизма. Примечательно, однако, что подавляющее большинство этих мероприятий остается практически незаметным для мирового сообщества, пока на границах Израиля или в непосредственной их близости не вспыхивает очередной конфликт. В этих условиях машина публичной дипломатии Израиля начинает раскручиваться, демонстрируя при этом весьма про-

творческие результаты. Наиболее показательно это противоречие можно проиллюстрировать на примере эволюции мероприятий публичной дипломатии (которые правильнее было бы назвать психологическими операциями или информационной войной) в ходе Второй ливанской войны и дальнейших военных операций Армии обороны Израиля (АОИ).

Итоги Второй ливанской войны, несмотря на заявления обеих сторон о своей победе в конфликте, могут рассматриваться как сокрушительное поражение Израиля в информационной сфере, сопряженное с серьезным внутривосточным кризисом и последовавшим за ним расследованием комиссии Элияху Винограда [Winograd, 2008]. Ответственность за провал была, в частности, связана с отсутствием анализа внутривосточной ситуации в Ливане и четко определенных политических целей войны. Как отмечает подполковник ВС США Майкл Д. Снайдер [Farquhar, 2009], анализируя действия Израиля во Второй ливанской войне, одним из важнейших ее выводов является требование к наличию «культурной компетенции» у любых сил, пытающихся провести подобную операцию. К областям «культурной компетенции» он относит:

- осведомленность о культурном мировосприятии оппонента;
- внимание к культурным различиям;
- знание различных культурных практик и мировоззрений;
- кросс-культурные умения, способность к пониманию, коммуникации и взаимодействию с представителями различных культур.

Очевидно, что АОИ не продемонстрировала данную компетенцию, в связи с чем достижение военной цели привело к усилению враждебности населения, утрате легитимности военной операции в глазах мирового сообщества, что, в свою очередь, может быть рассмотрено как поражение в войне, связанное с невозможностью достигнуть ее политических целей¹¹⁴.

Мотив публичных заявлений, использованный «Хезболлой» в информационной борьбе против Израиля, не отличался оригинальностью: основной акцент делался на жертвы среди мирного населения, что позволяло представить действия АОИ в негативном ключе. Как отмечается в исследовании Скотта К. Фаркухара [Farquhar, 2009], следующим естественным шагом становятся заявления о потере легитимности боевых действий в связи с несоответствием заявленных целей (искаженным) результатам, которые демонстрируются в информационном поле.

Анализ действий «Хезболлы» в информационном пространстве позволил выделить следующие особенности:

- высокую дисциплину боевиков — никто из них не появлялся в информационных сюжетах, в то время как центральные новостные агентства тиражировали репортажи, демонстрирующие жертвы среди мирного населения;
- централизованное и жесткое руководство информационной кампанией;
- полное устранение любых коннотаций с участием в конфликте Сирии и Ирана в любой форме.

Как результат систематического использования этих трех принципов, война воспринималась мировым сообществом как конфликт Израиля и Ливана. Закрытость и противоречия в публичных заявлениях представителей АОИ приводили к тому, что ни «Хезболла», ни Сирия, ни Иран не воспринимались как участники конфликта [Kalb, Saivetz, 2007]. К тому моменту, как начали появляться первые разьяснения позиции Израиля, на фоне уже произошедших инцидентов с обстрелом жилых домов и позиций миротворцев ООН общественное мнение изменить было уже невозможно. Ситуация усугублялась тем, что ответственность за проведение информационной кампании со стороны Израиля переходила от аппарата премьер-министра к государственному секретариату, причем разные институты делали противоречащие друг другу заявления, освещая обстановку и разьясняя свою позицию.

Здесь следует вспомнить, что Хасбара — комплекс мероприятий, относящихся к публичной дипломатии, — с иврита переводится как «разьяснение». Именно разьяснениями своей позиции и пытались заниматься власти Израиля, что хорошо демонстрируется названиями публикаций в прессе. Основной использованный риторический прием, часто повторяющийся оборот речи в их названии — это «мифы и факты». Такой подход был заранее обречен на провал, поскольку апеллировал к рациональному рассмотрению ситуации, в то время как усилиями СМИ был окончательно закреплен эмоциональный ее аспект: гнев, неприятие.

- Таким образом, информационные кампании велись фактически в несоприкасающихся нарративах: Израиль не был готов к противодействию эмоциональным посылам, и его голос просто не был услышан.

По результатам неудач в области публичной Хасбары было проведено несколько расследований, важнейшим из которых стал Отчет Государственного аудитора¹¹⁵, постулировавший фундаментальные недостатки Хасбары. Среди них отмечались:

- множественность институтов, проводивших несогласованную публичную политику;

Рис. 1. Структура подразделений, осуществляющих мероприятия по Хасбаре в Израиле¹⁶

- отсутствие координации между внутривнутриполитическими заявлениями и внешнеполитической активностью;
- отсутствие единой медиастратегии, разработанной для использования различными организациями;
- низкая скорость реакции, неподготовленность к действиям в условиях кризиса;
- отсутствие официальных пресс-релизов для иностранных СМИ;
- недостаток официальных представителей, владеющих критически важными языками, такими как русский и арабский;
- несоответствие официальных сообщений изменениям в обстановке;
- отсутствие прописанных процедур взаимодействия правительственных институтов.

В еще более жесткой форме эти недостатки были выделены в статье Э. Гилбоа, где он отметил, что Израиль не рассматривает Хасбару — и публичную дипломатию — как важнейшую часть внешней политики, критикует недостаток бюджетирования и неиспользование естественных партнерств, таких как еврейская диаспора в мире [Gilboa, 2006].

Реакцией на выделенные недостатки стала реформа всего правительственного аппарата, ответственного за проведение мероприятий в области публичной дипломатии. Его современная структура представлена на рис. 1.

Новая стратегия Хасбары, принятая в результате этих преобразований, иллюстрируется табл. 2¹¹⁷.

Таблица 2

Старая и новая стратегии Хасбары

	Старое определение	Новое определение
Условия	Период конфликта, нарастания напряженности	Мирное время и конфликт
Цели	Достижение политических изменений в целевых государствах путем оказания влияния на ЛПР	Продвижение политических и экономических интересов для создания благоприятной среды и положительной репутации страны среди ЛПР и общественности за рубежом
Стратегии	Убеждение, манипуляция, угрозы, принуждение	Построение и поддержание взаимоотношений, сотрудничества, имидж
Направления коммуникации	Односторонние	Двусторонние
Акценты	Идеология, интересы, опасности	Идеи, ценности, сотрудничество, преимущества
Целевая аудитория	ЛПР	ЛПР, творцы общественного мнения в различных сферах: академической, культурной и т.п.; общественность
Каналы	Традиционные СМИ	Традиционные и новые медиа (блоги, социальные сети и т.п.), искусство, культура
Бюджет	Государственный	Общественное партнерство, частные спонсоры

Рассмотрение этой таблицы очевидным образом дает понять, что на уровне декларируемых целей и методов формирования «новой» Хасбары оказывается под сильнейшим влиянием работ Дж. Ная и концепции «мягкой силы», в то время как «старая» парадигма выстроена в идеологии холодной войны. Вероятно, не будет излишней смелостью предположить, что общая стратегия публичной дипломатии Израиля в высокой степени была скопирована с американских разработок. Среди важнейших четырех направлений «новой» Хасбары выделяются¹¹⁸:

- национальный бренд, имидж государства;
- многомерная стратегия коммуникаций, использующая как традиционные, так и «новые» медиа;

- развитие и сохранение долгосрочных отношений сотрудничества с частными лицами;
- развитие взаимоотношений доверия и кооперации с общественностью в целевом государстве и ограничение использования риторики убеждения и манипуляции, угрозы применения силы.

Отметим, что перечисленные приоритеты прямым образом заимствованы из работы М. Леонарда, К. Стида и К. Смевинга, опубликованной в Великобритании в 2002 г. [Leonard, Stead, Smewing, 2002].

В то же время «новая» израильская Хасбара приобретает и свою самобытную специфику, выраженную в следующем перечне требований к основам эффективной публичной дипломатии [Greenfield, 2012]:

- координация и управление информацией;
- неформальные мероприятия;
- вовлечение и создание имиджа;
- долгосрочная кооперация;
- многомерные стратегии взаимодействия с медиа;
- динамизм и управление кризисами;
- стратегическое таргетирование.

Особый интерес в этом перечне представляют пункты, выделенные жирным шрифтом, — они предельно наглядно демонстрируют приоритеты еврейского государства в проведении мероприятий по публичной дипломатии.

- Жесткая централизация информационных потоков, особые требования по управлению кризисными ситуациями и таргетирование информации в направлении конкретных диаспор, этнических, религиозных и языковых групп дают понять, что принятие «новой» стратегии публичной дипломатии проводилось с оглядкой на ведение информационной войны и поддержку силовых операций, проводимых АОИ.

Это требование — приоритет в комплексе мероприятий, описывающих использование «мягкой силы» и де-факто подразумевающих «второе» состояние Хасбары: боевые действия. Таким образом, в стройную стратегию публичной дипломатии на основе «мягкой силы» вносится системное противоречие, резко снижающее ее ценность.

- Важнейшая ошибка в практическом продвижении этой стратегии — не критичное смешение инструментария публичной дипломатии с силовыми операциями, что приводит к смысловому разрыву информационных акцентов. Вместо целостной картины продвижения «мягкого» нарратива попеременно используются мягкие и жесткие методы. При этом общая

стратегия не является комплексной, что не позволяет определить ее как «умную силу», — напротив, усилия, проводимые в различных модальностях (мягкой и жесткой), взаимно нейтрализуют друг друга, не позволяя достигнуть цели.

Характерным примером служат мероприятия по информационной поддержке операции «Литой свинец».

С первых же часов конфликта *информационной борьбе* уделялось самое пристальное внимание. Армия обороны Израиля начала операцию с уничтожения здания, где располагался телеканал «Аль-Акса», принадлежащий ХАМАС. В последующие дни серии ударов подверглись мечети, здание Исламского университета и городская больница. Все эти цели имели (по утверждениям Израиля) выраженное военное значение. В частности, в здании Исламского университета велось изготовление взрывных устройств, а в мечетях находились оружейные склады или убежища лидеров ХАМАС. Однако такой выбор целей поставил власти Израиля в позицию жесткой конфронтации с международными гуманитарными организациями и даже собственным населением.

Парадоксально, но на время проведения боевой операции Израиль с незначительными изменениями скопировал подход «Хезболлы» к ведению пропаганды. Была создана централизованная структура, во главе которой поставлен Директорат национальной информации, координирующий все усилия публичной дипломатии и обеспечивающий дисциплинированное единообразное освещение событий в выгодном для Израиля ключе. Однако при этом, попытавшись воспользоваться сильными сторонами авторитарного подхода к выстраиванию информационной стратегии, Израиль в полной мере унаследовал и все слабости такой модели, которые особенно ярко проявились на фоне богатой демократической традиции Израиля.

Именно жесткая информационная дисциплина серьезнейшим образом усугубляла ситуацию. Сектор Газа был полностью закрыт для представителей прессы, но некоторые из них все же смогли попасть туда — на сторону ХАМАС — и познакомить мировую общественность с картинами разрушений. Солдатам АОИ было запрещено давать интервью и пользоваться сотовой связью, в то время как представители ХАМАС активно распространяли свою точку зрения на конфликт. Создавшийся с израильской стороны информационный вакуум вынуждал представителей СМИ получать информацию только от одной из сторон конфликта. Тем временем пресс-релизы со стороны официальных властей Израиля, проходя фильтры централизованного управления

информационными потоками, запаздывали, освещали события сравнительно скупо и формально.

Директорат национальной информации провел масштабную кампанию по распространению информации о ходе операции в социальных сетях, запустив и поддерживая веб-страницы на нескольких языках, где регулярно публиковались видеоролики, наглядно показывающие уничтожение военных объектов, складов оружия и боевиков. Однако безальтернативность такой подачи информации вынуждала мировое сообщество искать другие, нецензурируемые источники. В этой связи большой популярностью пользовались репортажи независимых журналистов, транслирующих уже знакомый нарратив о массовой гибели мирного населения при полном отсутствии других материалов от независимых источников. В это же время представители ведущих мировых СМИ жаловались на недружелюбие АОИ, плохо налаженное взаимодействие с корреспондентами. По мнению итальянского журналиста Лоренцо Кремонези, Израиль мог бы достичь позитивного эффекта в освещении операции, если бы сразу открыл сектор Газа для европейской прессы.

Вновь была в полной мере повторена «ошибка разъяснения»: официальная риторика апеллировала к взвешенному рассмотрению ситуации, видеоматериалы демонстрировали уничтожение складов оружия, информация подавалась профессионально и отстраненно. В то же время репортажи с мест боевых действий на канале «Аль-Джазира» тиражировали эмоциональный посыл: гибель мирных жителей, разрушение домов и другие негативные последствия ударов АОИ.

На этом фоне особенно выделяется тот факт, что итоговое разрешение на допуск представителей СМИ в сектор Газа было выдано решением Верховного суда Израиля после обращений местной прессы. Таким образом, заявленный уровень дисциплины не смог противостоять богатой демократической традиции и своим развалом еще больше усилил негативное восприятие хода операции.

Тем не менее проводимая информационная политика имела успех на территории Израиля и в кругах, сочувствующих израильской позиции. Выверенная и монолитная подача информации вселяла уверенность в то, что проводимая операция ведется профессионально, преследует конкретные политические цели. Информационная блокада сектора Газа, в свою очередь, привела к тому, что АОИ получила достаточно времени для завершения операции, которое оказалось бы под угрозой из-за оказываемого дипломатического давления. Отмечено расширение информационного присутствия в исламо-арабском медийном пространстве посредством каналов «Аль-Джазира»,

«Аль-Арабия», RT и др. В отчетах о проведенных мероприятиях особо отмечена работа блогеров-добровольцев (а также штатных операторов социальных сетей), запуск видеоканалов YouTube на шести языках, информационная поддержка в Twitter и др. Одна из целей «войны идей»¹¹⁹ была достигнута, но остальные упущены.

Но это ни в коей мере не помогло изменить общественное мнение в антиизраильских кругах, где к операции прочно приклеился ярлык «Бойня в Газе». Мировая общественность также в целом осудила действия Израиля. Созданная 12 января 2009 г. согласно резолюции S-9/1 Совета ООН по правам человека¹²⁰ комиссия Голдстоуна отметила в части, посвященной нарушениям со стороны Израиля, непропорциональное применение силы, неразличение военных и гражданских целей, намеренные обстрелы гражданских лиц, неоправданное уничтожение гражданской инфраструктуры и другие инциденты. Несмотря на одновременное осуждение действий ХАМАС, основной ущерб был нанесен именно имиджу Израиля. Этот ущерб в значительной степени можно было бы сгладить, если бы не грубые ошибки уже официальной дипломатии еврейского государства, запретившей въезд членам комиссии на территорию Израиля, игнорировавшей запросы комиссии и полностью отказавшейся от сотрудничества¹²¹. В то же время представители ХАМАС непрерывно сопровождали членов комиссии в Газе, уделяя самое пристальное внимание проводившимся допросам свидетелей, в полной готовности оказать любую поддержку.

Вслед за отчетом комиссии Голдстоуна появилось значительное число разоблачающих действия Израиля публикаций, источниками которых стали различные неправительственные организации¹²². Среди них выделяются обвинения организаций «Шоврим Штика» и «Махсом Уотч», деятельность которых была признана правительством Израиля угрожающей безопасности государства, а излагаемая информация — не подтвержденной фактами. Агрессивная и скоординированная информационная политика, проводимая антиизраильскими НПО, привела к эскалации взаимных обвинений, к которым присоединились уже произраильские НПО, приводившие доказательства предвзятости при расследовании военных преступлений такими организациями, как *Human Rights Watch*¹²³, *Amnesty International* и др. Так, израильская *NGO Monitor* указывала на непрозрачность финансирования НПО, обвинявших АОИ¹²⁴, отсутствие надзора и аудита, попытки формировать общественно-политическую повестку дня Израиля¹²⁵. К критике антиизраильских НПО присоединился и сам почетный председатель *Human Rights Watch* Роберт Бернштейн, обвинивший организацию, которую он основал, в предвзятости в открытом письме¹²⁶.

По результатам операции «Литой Свинец» стратегия Хасбары и структура управления мероприятиями публичной дипломатии была модернизирована, что можно пронаблюдать на материале освещения следующей операции АОИ, «Облачный столп». В координации мероприятий ведущее место вновь занимал Департамент по связям с общественностью АОИ, но в то же время были предприняты дополнительные усилия по линии Еврейского агентства для мобилизации еврейских общин в мире, что оказало видимый положительный эффект на восприятие операции в мире. Отмечается серьезное расширение объемов скоординированной работы по линии «новых» медиа: увеличение количества языков, на которых ведется вещание, работа Facebook и Twitter, оперативные обновления официального сайта АОИ¹²⁷.

Завершая рассмотрение израильской Хасбары, приходится констатировать, что «новая» стратегия централизации не оказывается безусловно успешной в связи с органическими противоречиями в формулировке стратегий, выделенными выше. В строгом рассмотрении вопроса Хасбара в ее современном состоянии не является инструментом публичной дипломатии: публичная дипломатия — лишь незначительная часть всех мероприятий Хасбары. Правильнее было бы говорить об информационной политике государства, механизмах пропаганды и контрпропаганды, ведения информационной войны — в том числе нацеленной на собственное население, диаспоры, выделенные религиозные и этнические группы.

Можно отметить следующие недостатки действующей стратегии Хасбары.

■ Заявленный приоритет централизации и координации усилий по распространению информации часто вступает в жесткое противоречие с демократическими традициями Израиля. Такой метод управления информацией применим только в государствах, хорошо контролирующих собственное информационное пространство, либо в условиях военного положения. Кроме того, этот подход принципиально несовместим с остальными декларированными принципами использования публичной дипломатии, базирующимися на либеральной идеологии распространения «мягкой силы».

■ Несопоставим объем усилий в области публичной дипломатии в кризисный период (боевые действия) и в мирное время. Мирные мероприятия остаются незамеченными мировой общественностью и не формируют позитивного имиджа государства, несмотря на то, что эта цель заявлена в стратегии Хасбары как приоритетная.

■ Внешнеполитический нарратив отличается от внутривнутриполитического — это прописано прямым текстом в информационной стратегии. Такое противоречие в подаче информации легко замечается СМИ и используется против Израиля, который будет на этом основании регулярно обвиняться в использовании двойных стандартов, что самым негативным образом сказывается на имидже государства и его ценностной парадигме.

■ Целый ряд принципов, заявленный в «новой» стратегии Хасбары, формален и не исполняется на практике. Так, почти не предпринимается шагов по расширению сотрудничества и кооперации с другими государствами, НКО и частными лицами. Декларируемые принципы развития диалога остаются незамеченными мировым сообществом и воспринимаются больше как лозунги, имеющие мало общего с реальностью.

■ Стратегии Хасбары государственно-центричны. Отсутствует глубокая проработка методов привлечения к мероприятиям по публичной дипломатии частных лиц, блогеров, сочувствующих, колеблющихся. Не выявлено усилий по широкому общественному обсуждению проблематики на международных официальных и неформальных площадках, за исключением узкоспециализированных.

■ Усилия в области неформальной Хасбары (собственно публичной дипломатии) не поддерживаются в полной мере левым либеральным крылом, академическими кругами, деятелями культуры и др. — что предопределяет неудачи в этой сфере. Эту проблему следует отнести к внутривнутриполитическим, не связанным в полной мере с усилиями по линии Хасбары.

■ Заявленное стратегическое таргетирование информационных потоков заведомо заужено. Не предпринимается целенаправленных усилий к распространению позитивного имиджа и разъяснения политики Израиля среди его противников в Палестине, на спорных территориях, в исламских государствах, поскольку эти аудитории заранее признаны бесперспективными. Таким образом, пропаганда (а это именно пропаганда) ведется преимущественно среди граждан страны, еврейской диаспоры внутри страны и за рубежом и сочувствующих кругов, которые изначально занимают благоприятствующую позицию. Эти усилия должны быть дополнены распространением точки зрения Израиля в стане противников и среди международной общественности.

■ Стратегии по расширению информационного присутствия в арабском и исламском медиаполе следует признать ошибочными, а их позитивную оценку официальными организациями Израиля —

неверной. Заявленное увеличение количества репортажей на каналах «Аль-Джазира», RT, «Аль-Арабия» и France 24 не сказывается положительно на улучшении имиджа государства по причине невозможности формировать информационную политику указанных каналов. В результате путем управления контекстом подачи информации, любой из привлеченных каналов способен изменить восприятие транслируемых репортажей. Делегирование информационной политики вещания, таким образом, означает отсутствие возможностей по управлению этой политикой.

■ Выделенная «ошибка разъяснения» не позволяет эффективно противостоять мощной пропаганде противника. Разъяснения ведутся в пространстве логики, в то время как антиизраильская пропаганда апеллирует к эмоциям целевой аудитории. Таким образом, нарративы пропаганды не противодействуют друг другу, а оперируют в параллельных, не пересекающихся системах смыслов.

Объем главы не позволяет в полной мере рассмотреть другие аспекты стратегий публичной дипломатии Израиля. Так, почти неосвещенной остается фактура взаимоотношений Израиля с разнообразными НПО, действующими на его территории, — финансируемыми как из-за рубежа, так и местными леволиберальными сообществами. Эффективность проводимых НПО мероприятий трудно переоценить — благодаря скоординированной политике осуждения «агрессии» и «апартеида» им удается привлекать к оппозиционным выступлениям значительную часть народа в академической среде, видных деятелей культуры и ученых. За рамками рассмотрения осталось противодействие движению BDS¹²⁸, выступающему за делегитимизацию еврейского государства.

Представляется важным упомянуть и позитивные инициативы Израиля в продвижении стратегий публичной дипломатии. Среди них выделяются курсы онлайн-дипломатии в школах, а также ускоренные курсы общественной дипломатии «*We are all ambassadors*», которые в обязательном порядке введены для школьников и студентов, выезжающих за границу. Следует отметить и проекты Министерства публичной дипломатии Израиля «*Presenting Israel*», «*Israel Online for You*» и другие, представленные на официальном сайте <http://www.hasbara.gov.il>¹²⁹.

Интересно сравнить опыт Израиля по выстраиванию стратегий публичной дипломатии и информационной политики государства с аналогичным российским опытом. Сходства стратегий очевидны: централизованное управление информационной политикой, широкое использование традиционных и «новых» медиа, акцент на рациональное объяснение интересов внешней политики государства, различие

в формулировках внутривнутриполитического и внешнеполитического нарратива и др. На уровень официальных запретов выносятся противодействие враждебной деятельности НПО, выявляются и перекрываются каналы их финансирования. Следует, однако, подчеркнуть, что стратегии по формированию и поддержанию позитивного имиджа государства в России отличаются несколько большим разнообразием, лучшей продуманностью и открытостью, хотя тоже страдают от проблем расогласованности заявлений.

Здесь важно отметить еще одну параллель с информационной политикой Израиля, суть которой очень точно подмечена в статье французского издания Slate.fr: *«Израиль ни разу не смог воспользоваться плодами побед в войнах, ответственность за начало которых к тому же лежит не на нем. Он уверен в своем праве и ничего не может с этим поделать: правительство убеждено в поддержке большинства населения, евреев всего мира и Конгресса США. С пропагандой в Израиле всегда было плохо, потому что страна считает, что не должна ни перед кем за что-то оправдываться, если по праву защищает собственное население. История научила евреев, что они просто не могут доверить свою безопасность кому-то другому»*¹³⁰.

Публичная дипломатия, общественное мнение и общественное участие в Китае

Объем данной главы не позволяет в полной мере рассмотреть историю публичной дипломатии в Китае, но хотелось бы привести один факт. В 1998 г. Китай обратил внимание на то, что в английском языке слово «пропаганда» вызывает негативные ассоциации, общество не одобряет это явление и критикует его. В это же время в стране действовал Отдел пропаганды ЦК КПК, название которого в официальном переводе на английский язык содержало слово «пропаганда». Чтобы вызвать расположение мировой общественности и избавиться от негативных ассоциаций, в том же году было решено использовать в официальном переводе иное название: «Департамент по общественным делам» [Shambaugh, 2007]. При этом наименование структуры внутри страны не поменялось. Этот случай можно считать первым шагом к активному использованию методов публичной дипломатии в Китае.

В контексте исследований Э. Роджерса и Дж. Диаринга рассматриваемый нами кейс демонстрирует, что именно правительство является той коммуникационной группой, которая влияет на расстановку акцентов в медиапространстве, при этом можно наблюдать также эф-

фективное делегирование этой роли другой коммуникационной группе — лидерам мнения. Особо следует отметить, что медиасреда в Китае находится под контролем со стороны государства, которое весьма четко понимает спектр своих политических интересов, но в то же время осознает значение медиа как инструмента формирования благоприятного имиджа в глазах зарубежной аудитории. В этой связи изучение *Carrefour*-инцидента представляется особенно интересным.

В последнее время появилось большое количество материалов, в которых рассматривается текущее положение Китая на международной арене, в частности усиливающаяся роль этого государства. Как и в любом другом случае, развитие публичной дипломатии в КНР обусловлено внешними и внутренними факторами. Среди внутренних факторов можно выделить длительный экономический подъем, смену типа экономики (с плановой на рыночную) и интеграцию национальной экономики в мировую. Именно экономические достижения КНР создают основу для реализации инструментов «мягкой силы». Кроме того, изучение публичной дипломатии в Китае представляется интересным ввиду политического устройства страны — централизованного однопартийного авторитаризма.

Политическая система Китая тоже претерпевает изменения, разумеется, не такие интенсивные и явные, как экономика. Тем не менее можно отметить децентрализацию и расширение пространства общественной жизни, за счет чего усиливается роль НПО, что, в свою очередь, благотворно сказывается на сфере публичной дипломатии. В данный момент можно выделить ряд факторов, повлиявших на развитие публичной дипломатии в Китае:

- общая обеспокоенность китайских лидеров образом страны, сформированным в глазах мирового сообщества;
- экономический подъем;
- членство Китая в различных мировых организациях;
- формирование и представление широкой общественности концепции долгосрочного развития и внешнеполитического курса.

Вместе с тем определяются и направления, по которым ведется критика КНР со стороны мирового сообщества:

- рост китайской экономики (этот фактор вызывает естественную озабоченность, например, у США);
- продолжающееся наращивание вооружений (как и в предыдущем случае, наибольшую обеспокоенность выражают США);
- загрязнение окружающей среды, вызванное наращиванием производственных мощностей;

- безопасность и соответствие экологическим нормам экспортируемых из Китая товаров;
- низкий уровень здравоохранения в стране и высокая вероятность возникновения эпидемий;
- неоднократные нарушения прав человека и подавление национальных меньшинств (уйгурский, тибетский, тайваньский вопросы и т.д.).

Таким образом, факторы, стимулирующие интерес к публичной дипломатии со стороны Китая, и факторы, вызывающие тревогу мирового сообщества, частично пересекаются, и это очень важный момент, позволяющий делать выводы о том, что Китай пытается проводить полноценную политику по улучшению своего образа в мире, четко осознавая проблемные точки.

Фактически КНР признала, что международное общественное мнение формируется усилиями зарубежных СМИ и образ Китая, представляемый общественности, оказывается преимущественно негативным. Результатом осмысления данной проблемной ситуации стал ряд стратегий, которыми Китай надеется переломить общественное мнение в свою пользу и «очистить» образ страны. Например, можно выделить программу «Step out, welcome in» [Chen, 2012], цель которой — формирование бренда «Китай» посредством репрезентации китайских реалий и истории для иностранной аудитории.

Ключевую роль в формировании нового гармоничного образа страны играет сеть институтов Конфуция — культурно-образовательных центров, созданных в 2004 г. по аналогии с испанским Институтом Сервантеса или немецким Гёте-Институтом. Основная цель подобных организаций — распространение языка и культуры за рубежом. Часть институтов Конфуция являются профильными: например, в Институте Конфуция при *South Bank University* в Лондоне углубленно изучается традиционная китайская медицина¹³¹, а Институт Конфуция при *University of Economics and Business* в Афинах специализируется на бизнесе¹³².

Необходимо отметить удачный с точки зрения формирования «бренда государства» выбор персоналии для названия организации. Действительно, даже поверхностные знания китайской культуры и истории в общих чертах дают понимание о том, кто такой Конфуций. Это обеспечивает стабильность и узнаваемость бренда всей сети институтов: в восточном мире личность Конфуция известна и уважаема, а в западном — существует устойчивая направленная ассоциативная связь с КНР, но при этом она в достаточной степени политически нейтральна.

На самом деле роль институтов Конфуция существенно шире, чем распространение языка и диффузия культуры. Это еще и коммуникации с зарубежными университетами, которые предоставляют возможности для обучения, встраивая Институт Конфуция в свою организационную систему. Это приводит к формированию научного сотрудничества и возникновению различных программ по обмену студентами между странами. Кроме того, принимающие университеты получают значительную поддержку со стороны Китая, например в области профессионального преподавания языка его носителями.

Конечно, есть и обратная сторона: институты Конфуция подвергаются жесткой критике. Один из инцидентов произошел в 2014 г. на конференции Европейской ассоциации китаеведения: по словам президента ассоциации, представитель Института Конфуция начал возражать против принципов формирования сборника по итогам конференции, отмечая необходимость цензурирования публикации участника от Национальной центральной библиотеки Тайваня¹³³.

Институты Конфуция подозреваются в оказании влияния на формирование общественного мнения по вопросам Тибета и Тайваня с оглядкой на официальный Пекин, продвигая «политически корректную» информацию и подрывая тем самым академические свободы в принимающих университетах¹³⁴. Таким образом, основные направления критики институтов Конфуция частично совпадают с критикой в адрес самого Китая: нарушения прав человека, подавление «политически некорректных» мнений о внутренней политике.

Можно отметить и другие традиционные инструменты публичной дипломатии, например проведение крупных международных мероприятий: Олимпийские игры в Пекине (2008 г.), «Шанхай Экспо» (2010 г.) и т.д. На пресс-конференциях, в белых книгах, статьях в СМИ Китай обращается к вопросам, волнующим мировое сообщество, объясняя свою позицию по ним. Эти простые шаги способствуют повышению уровня доброжелательности и интереса международной общественности по отношению к КНР.

При обсуждении возможностей публичной дипломатии в Китае особое внимание стоит обратить на то, с каким вниманием правительство относится к интернет-среде, понимая, что это важная площадка для формирования общественного мнения. По состоянию на 2009 г. число интернет-пользователей в Китае составило 385 млн человек¹³⁵ (в 2016 г. это число составило уже 721 млн). В 2009 г. Интернет стал самым популярным источником медиапотребления (83,2%) в КНР, обойдя на 30% официальное телевидение [Chen, 2012]. При этом пра-

вительство не перестает регулировать Интернет, подвергая цензуре определенные темы и ограничивая доступ к ряду иностранных сайтов в рамках программы «Золотой щит». Нежелательная, политически некорректная с точки зрения китайских властей информация блокируется поисковыми машинами, в том числе *Google* и *Yahoo*.

Carrefour-инцидент: «умная сила» Китая в рамках новой публичной дипломатии

История вопроса и предпосылки для возникновения Carrefour-инцидента. Олимпийские игры для принимающей их страны — один из способов заявить о своем присутствии на международной арене, кроме того, это значимый инструмент публичной дипломатии. Одним из основных символов соревнований является олимпийский огонь, зажигаемый в Греции и передающийся спортсменами по эстафете. Она традиционно проходила на территории различных государств, в соответствии с заранее согласованным маршрутом. После игр в Пекине по решению Международного олимпийского комитета международные этапы эстафеты были отменены. Это связано с тем, что олимпийский огонь все чаще становится поводом для привлечения внимания к проблемам, не относящимся к Олимпиаде¹³⁶.

Вопросы волнений в Тибете, несоблюдение прав человека в Китае, позиция страны в отношении Дарфурского конфликта в Судане и т.д., поднимавшиеся еще на этапе выбора страны-хозяйки очередных Олимпийских игр, актуализировались именно в год проведения соревнований. Причиной стали столкновения в Тибете, получившие широкое освещение в международных СМИ. В большинстве стран интенсивность конфликтных настроений была на низком уровне, но во Франции в результате действий протибетских активистов, стремившихся заявить о себе, привлечь внимание общественности к внутренней политике Китая и погасить олимпийский факел, ситуация накалилась, и вялотекущие протестные настроения переросли в реальный конфликт.

Со временем новости об Олимпиаде стали все чаще включаться в повестку дня СМИ, в том числе и в Китае. В связи с этим совершенно неудивительно, что информация об инцидентах во Франции во время эстафеты вызвала негативную реакцию граждан Китая. Реперными точками этапа, предшествовавшего непосредственно *Carrefour*-инциденту, можно назвать следующие события¹³⁷:

14 марта 2008 г. — Начало массовых антикитайских протестов в Тибете по случаю годовщины изгнания далай-ламы.

24 марта 2008 г. — Начало эстафеты олимпийского огня в Греции.

25 марта 2008 г. — Президент Франции Н. Саркози заявляет о возможности бойкота Олимпийских игр в Пекине.

7 апреля 2008 г. — Этап эстафеты олимпийского огня в Париже сопровождается тушением факела протибетскими активистами.

С этого момента китайскому обществу потребовалось примерно два дня, чтобы получить и осмыслить информацию о парижских событиях, а затем перейти от отдельных индивидуальных осуждений к началу формирования коллективного решения и протестного движения в интернет-среде:

9 апреля 2008 г. — Китайские интернет-пользователи начинают обсуждение возможности бойкота французских товаров¹³⁸.

10 апреля 2008 г. — Ресурс *top.com* публикует текст-обращение китайского интернет-пользователя *Shui Ying* под заголовком «*Boycott French goods, let us start with Carrefour*»¹³⁹.

13 апреля 2008 г. — Пользователь сети *Kitty Shelley* проводит одиночный пикет рядом с одним из гипермаркетов сети *Carrefour* в Пекине.

Таким образом, бойкот сети французских гипермаркетов переходит в офлайн и становится реальностью и для Китая, и для всего мира. Видео с *Kitty Shelley* под названием «*Torch Great Reception*»¹⁴⁰ стремительно распространяется в Интернете, пользователи бурно обсуждают заголовки плакатов демонстрантки: «*Tibet etait, est, sera TOUJOURS une partie de la Chine.*», «*Stop Violence! Stop Media Distortion.*», «*This is so-called Human Rights in France.*». Во время акции протеста *Kitty Shelley* не только собрала вокруг себя толпу народа, но и привлекла внимание полиции.

14 апреля 2008 г. — Начало массовых призывов к бойкоту гипермаркетов сети *Carrefour* во всем Китае. В этот же день китайские и международные СМИ начинают интересоваться ситуацией, развивающейся вокруг *Carrefour*. Пресс-секретарь *Carrefour* в Китае Д. Вэй в интервью *Wall Street Journal* заявляет о нежелании компании быть вовлеченной в политику или спорт¹⁴¹.

15 апреля 2008 г. — Протестные настроения и волна возмущения усиливаются после слов о нежелании *Carrefour* быть вовлеченной в спорт. Призыв к бойкоту *Carrefour* распространяется не только в Интернете, но и с помощью сервиса мгновенных сообщений *Tencent QQ* и электронной доски объявлений *BBS*. Примерно 2,3 млн пользователей мессенджера *MSN* добавили к своим онлайн-профилям фразу «*I Love China*»¹⁴², выражая таким образом поддержку Олимпиаде в Пекине и протест против Франции.

В китайском таблоиде *Southern Metropolis Daily* выходит статья «*Citizens call for boycott, Carrefour claims innocence*».

Сеть гипермаркетов формирует на официальном сайте обращение к гражданам КНР, заявляя о том, что никак не связаны с Тибетом и, наоборот, поддерживают Олимпиаду в Пекине.

Министерство иностранных дел Китая комментирует ситуацию и дает оценку действиям участников анти-*Carrefour* акций.

16 апреля 2008 г. — Начало публичных официальных заявлений *Carrefour*, генеральный директор по связям с общественностью Ю. Цзянь дает интервью нескольким печатным изданиям Китая¹⁴³, но аудитория отмечает только беспомощность представителя и его апелляции к Министерству торговли и другим государственным структурам Китая.

Посол Франции в Китае во время интервью заявляет о поддержке Францией Олимпийских игр в Пекине и говорит о том, что суверенитет Китая в отношении Тибета не вызывает вопросов.

17 апреля 2008 г. — Происходит взлом официального сайта сети гипермаркетов *Carrefour* в Китае, неизвестные хакеры оставили на главной странице слоган «*Boycott Carrefour*».

18 апреля 2008 г. — Бывший посол КНР проводит неформальную встречу во Франции для обмена мнениями о китайско-французских отношениях.

Начались массовые уличные демонстрации рядом с торговыми комплексами *Carrefour*, спровоцированные равнодушием и замедленной реакцией представителей компании.

20 апреля 2008 г. — Наблюдается падение числа потребителей в гипермаркетах *Carrefour*, некоторые магазины закрываются по причине «технического обслуживания».

21 апреля 2008 г. — Председатель французского парламента К. Понселе прибывает в Шанхай.

22 апреля 2008 г. — Министерство торговли Китая в интервью для СМИ сделало несколько заявлений и декларировало официальную позицию государства по *Carrefour*-инциденту.

Официальный сайт сети гипермаркетов *Carrefour* в Китае по-прежнему недоступен.

23 апреля 2008 г. — Ж.-П. Раффарен, премьер-министр в правительстве Ж. Ширака, пребывает в Пекин.

26 апреля 2008 г. — Происходит блокировка выдачи результатов по запросам, связанным с *Carrefour*, всеми поисковыми сервисами на территории Китая.

Основные акторы Carrefour-инцидента, их цели и стратегии поведения. Разбирая *Carrefour*-инцидент, необходимо отметить, что он стал частью конфликта большего масштаба — протесты в мире против проведения Олимпиады в Пекине, что в свою очередь является микро-моделью претензий к Китаю в связи с нарушениями прав человека и подавлениями национальных меньшинств. На этом основании для детального разбора природы и структуры *Carrefour*-инцидента представляется возможным выделить основных и второстепенных участников в этом кейсе.

К второстепенным субъектам мы относим: правительство Французской Республики, международные СМИ и протибетских активистов. Основные участники: китайское подразделение французской сети гипермаркетов *Carrefour*, правительство Китайской Народной Республики и граждане КНР. Именно их цели и действия будут подробно рассмотрены далее.

1. Китайское подразделение французской сети гипермаркетов *Carrefour* — *Carrefour China*.

Компания *Carrefour Group* осуществляет свою деятельность во многих странах мира, на китайском рынке представлена с 1995 г. Важно отметить, что значительная доля товаров сети производится непосредственно в Китае, что создает образ «местной» марки в сознании китайской аудитории, располагая ее к доверию.

Участие сети *Carrefour* в инциденте началось с распространения в медиасреде информации о поддержке (в том числе и финансовой) тибетского лидера далай-ламы акционерами *Carrefour*. Информация носила неофициальный характер, ее можно было расценивать как «слух», тем не менее она детерминировала формирование негативного отношения к сети гипермаркетов со стороны китайских граждан, а в сочетании с новостями о парижском этапе эстафеты распространившиеся слухи сделали из *Carrefour* вполне очевидную цель.

Будучи вовлеченной в инцидент, *Carrefour* рисковала своим положением на китайском рынке: конфликты вокруг компании и бойкот могут создать временные трудности, но сохранение ярко-негативного отношения в течение длительного периода времени приведет к систематическому падению уровня прибыли в этом регионе и угрозам для дальнейшего расширения на рынке. Таким образом, резонно утверждать, что компания *Carrefour* была в высшей степени заинтересована в успешном разрешении конфликта.

Первые сообщения китайских интернет-пользователей о бойкоте французских товаров появились в сети 9 апреля, на следующий день

была опубликована статья, в которой не призывали к бойкоту в целом, а обозначали конкретную цель — *Carrefour*. После этого компании потребовалась неделя на оценку экономических и репутационных рисков, связанных с возможным продлением конфликта, и выработку стратегии конкретных действий. 14 апреля представитель *The Carrefour China* в интервью изданию *The Wall Street Journal* неосторожно озвучивает основные цели компании на данный момент:

- не быть вовлеченными в политику или спорт;
- ведение легального бизнеса в Китае и внимание к нуждам покупателей;
- приложение усилий для удовлетворения потребительских потребностей.

Таким образом, была допущена очевидная ошибка: накануне Олимпиады в Пекине представитель *Carrefour* буквально говорит, что компанию предстоящее спортивное событие не интересует, она хочет остаться в стороне. Естественно, это провоцирует новый виток возмущения у китайской общественности. Другой ошибкой можно считать рациональный характер целей компании: они слишком формальные, в них нет эмоциональной составляющей, тогда как позиция китайских граждан основана преимущественно на эмоциях (ср. с характерной ошибкой израильского подхода выше). Риторика сторон не совпадает, что приводит к дальнейшему развитию конфликта. Интереснее всего то, почему *Carrefour* вообще оказалась втянутой в конфликт.

Первой причиной, на наш взгляд, является возникшая в сознании китайцев ассоциативная связь: «инцидент с факелом во Франции» — «французская сеть гипермаркетов», но, как уже подчеркивалось ранее, можно предполагать, что ассоциации могли быть подсказаны государством. Это происходит не напрямую, а опосредованно, через установление конкретной повестки дня в медиасреде, и, например, с помощью лидеров мнения — демонстрантки *Kitty Shelley* и автора текста «*Boycott French goods, let us start with Carrefour*».

Вторая причина — распространившиеся слухи о поддержке акционерами компании *Carrefour* далай-ламы, тибетского лидера в изгнании. Сейчас уже практически невозможно отследить «нулевого пациента», первоначальный источник слухов, но гипотеза о роли государственных структур здесь тоже представляется уместной.

Не получив ожидаемого результата — прекращения агрессии китайцев, — 16 апреля *Carrefour China* перенаправляет усилия, меняя основные цели. Вице-президент компании Ж.-Л. Люйер выступил с обращением, в котором выражал понимание чувств китайского народа

в связи с событиями в Париже и заявлял о стопроцентной поддержке Олимпийских игр в Пекине¹⁴⁴. В том же выступлении отрицалась любая связь с тибетскими активистами и далай-ламой. По проблеме также высказался Х.-Л. Дюран, представитель *The Carrefour Group*, особенно подчеркнув, что понимает, насколько сильно задеты чувства китайских граждан, и выразив надежду, что подготовка к Олимпиаде будет проходить в гармоничной атмосфере¹⁴⁵. Таким образом, *характер высказываний меняется с рационального на эмоциональный* в попытке изменить ассоциативные связи и разделить образ компании и тибетскую проблему, провоцирующую негативное отношение.

Основной тактикой компании на протяжении всего конфликта были публичные выступления, и важным изменением стала смена площадок: иностранные СМИ — китайские СМИ. Но, несмотря на все усилия, 20 апреля было отмечено серьезное снижение потребительской активности во всей сети гипермаркетов, часть из которых пришлось временно закрыть по официальной причине «техническое обслуживание и обновление» [Chen, 2012], а китайская общественность не успокаивалась до тех пор, пока не вмешалось государство.

Теперь можно выделить основные ошибки, совершенные *Carrefour*; они во многом похожи на фундаментальные недостатки Хасбары, выделенные в первой части главы:

- некорректная оценка серьезности возникшей ситуации и, как следствие, недостаточная скорость реакции на быстро развивающиеся события;
- несогласованная информационная политика внутри компании на начальном этапе (отсутствие одного официального представителя, ответственного за выстраивание диалога, неверный выбор площадок для обращений);
- отсутствие анализа целей и дискурса оппонентов, их риторической стратегии, как следствие, — столкновение эмоциональных тезисов участников бойкота и рациональных аргументов представителей компании;
- отсутствие «культурной компетенции» [Farquhar, 2009] в отношении китайской общественности, непонимание общего контекста ситуации.

Отметим, что конфликт мог иметь для *Carrefour* гораздо худшие последствия (потеря прибыли и репутации), если бы не вмешалось правительство КНР, эффективно нейтрализовав грубые ошибки сети гипермаркетов, эскалировав ситуацию на более высокий официальный уровень.

2. Правительство Китайской Народной Республики.

Олимпийские игры — событие государственной важности, момент признания и утверждения страны на международной арене. Как правило, соревнования такого уровня готовятся особенно тщательно: это не только «момент признания», но еще и эффектный праздник, и важный элемент публичной дипломатии. Проведение игр, с одной стороны, дает стране шанс на формирование положительной репутации в медийной среде и сознании людей по всему миру, с другой — текущая репутация страны формирует отношение к Олимпийским играм, в том числе и в СМИ. Таким образом, акцентирование внимания на каких-либо негативных качествах страны-хозяйки снижает шансы на успех в формировании положительной репутации в конечном итоге.

Став непосредственным участником *Carrefour*-инцидента, официальный Китай рисковал еще долго ассоциироваться с волнениями в Тибете и нарушениями прав человека, а не с Олимпийскими играми. Это можно выделить как основной мотив для аккумуляции усилий по гашению конфликта со стороны правительства КНР.

Позиция официального Китая изменялась на различных фазах инцидента. На начальном этапе *Carrefour*-инцидента государственные медиа опровергали поводы для критики Олимпийских игр. Таким образом, протесты были отражением «воли народа», на формирование которого государство никак не влияло, хотя определенные отголоски официальной позиции несложно было обнаружить. С другой стороны, протесты формировали негативную повестку дня в СМИ, бросали тень на грядущую Олимпиаду и бренд страны.

Через неделю после начала протестных настроений в обществе Министерство иностранных дел Китая выступило с официальными заявлениями. Пресс-секретарь министерства прокомментировал ситуацию так: «Китайский народ просто выражает свое мнение и настроения, призывая французское правительство пересмотреть свои действия», кроме того, была выражена уверенность в том, что «граждане Китая останутся в рамках легальных методов» [Chen, 2012].

С этого момента действия китайского правительства были направлены на разрешение конфликта и как можно более скорое прекращение демонстраций: например, удалялись призывы к бойкоту *Carrefour* с веб-сайтов. И хотя реакция правительства была вполне сдержанной, оно четко дало понять, что больше не поддерживает протестную активность своих граждан. По инициативе Китая 18 апреля состоялась встреча, в рамках которой произошел обмен мнениями о китайско-французских отношениях. А 22 апреля Министерством торговли Китая была выпущена декларация по *Carrefour*-инциденту, содержащая офи-

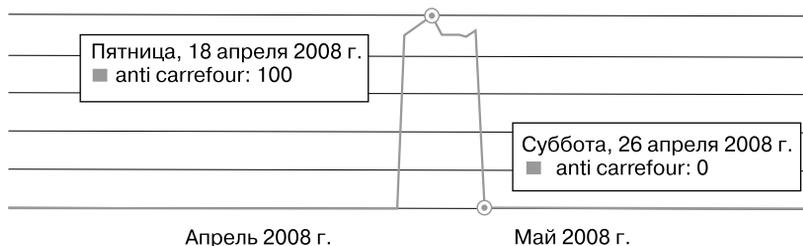

Рис. 2. Динамика поисковых запросов по ключевым словам «anti carrefour» в период с 01.04.2008 по 01.05.2008 в географическом регионе «Китай»¹⁴⁷

циальную позицию государства и рекомендации для граждан направить свой энтузиазм и патриотизм в более мирное русло¹⁴⁶.

Основные цели китайского правительства связаны между собой, их можно структурировать по степени важности (от меньшего — к большому):

- убеждение собственных граждан в необходимости более мягкого и рационального выражения патриотизма;
- прекращение освещения предстоящих Олимпийских игр в Пекине в международных СМИ с негативной стороны;
- управление мировым общественным мнением относительно статуса Тибета.

Для достижения этих целей была выбрана стратегия, в рамках которой предполагалось использование иерархического превосходства для убеждения граждан и изменения контекста сложившегося дискурса: «международный конфликт» — «будущая Олимпиада». Таким образом, негативная реальность заменялась позитивной, но при этом уровень патриотизма китайских граждан был оставлен на прежнем уровне. Помимо официальных заявлений, правительство КНР использовало возможность регулирования Интернета внутри страны: 26 апреля начала производиться блокировка выдачи запросов, связанных с *Carrefour*-инцидентом, поисковыми сервисами: *Baidu*, *Google (China)*, *Yahoo (China)* и т.д. На рис. 2 представлен график интенсивности запросов «anti carrefour» в поисковой системе за период с 01.04.2008 по 01.05.2008 в географическом регионе «Китай».

Совершенно очевидно, что до определенного момента такого запроса не существовало в принципе, потребность в нем появилась после определенных событий. Интенсивность запросов и, соответственно, пик интереса к теме пришелся на 18 апреля 2008 г., когда недовольство граждан Китая усилилось в результате инертности *Carrefour* и вы-

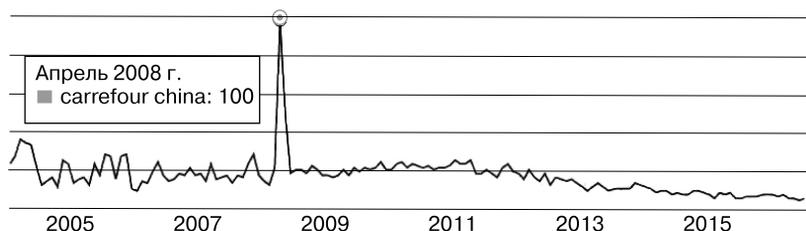

Рис. 3. Динамика поисковых запросов по ключевым словам «*carrefour china*» в географическом регионе «Китай» за весь доступный период¹⁴⁸

сказываний представителей компании. Полное исчезновение запросов наблюдается 26 апреля, напомним, что в этот день правительство КНР начало блокировки запросов, связанных с *Carrefour*-инцидентом. Для сравнения возьмем другой, более нейтральный запрос, например «*carrefour china*», и рассмотрим весь период времени, который можно запросить в Google Trends. Результат представлен на рис. 3.

На графике мы можем наблюдать очевидный пик, который приходится как раз на апрель 2008 г. — время *Carrefour*-инцидента. Кроме того, можно отметить не только стремительно возросшее количество запросов, но и стремительный спад, обусловленный, вполне вероятно, блокировкой запроса «*carrefour china*» в поисковой системе *Google*. Продолжение графика может говорить о том, что мера носила временный характер или фильтр был настроен несколько иначе, например блокировал выдачу запроса «*carrefour china*» лишь в сочетании с какими-либо другими словами.

Таким образом, говорить о том, что началом участия в конфликте правительства КНР стало 15 апреля и заявление Министерства иностранных дел, было бы некорректно. Формально участие началось с момента беспрепятственного получения «политически некорректной» информации гражданами Китая о протибетских активистах, олимпийском огне и реакции международного сообщества. Как уже говорилось ранее, справедливой может оказаться гипотеза о том, что *Carrefour*-инцидент был полностью управляем с самого начала: создание нужной почвы для протестных настроений в виде согласованной повестки дня, появление активных лидеров мнения, способствовавших активизации действий не только в Сети, но и в офлайне, купирование конфликта после получения достаточных изменений в общественном мнении и возникновения угрозы серьезных последствий в виде потери контроля над эмоционально настроенной толпой.

3. Граждане Китая — участники протестов.

Третьим основным актором конфликта являются китайские граждане, выразившие свое недовольство в связи с инцидентом на французском этапе эстафеты олимпийского огня и защищавшие достоинство страны. Их позиция в *Carrefour*-инциденте выглядит наиболее активной: фактически именно они, выражая поддержку своей стране¹⁴⁹ проводившимися демонстрациями, нападая на Францию через *Carrefour*, стали инициаторами основного конфликта в описываемом кейсе.

Об их стремлении к погашению конфликта говорить не приходится, так как чрезвычайно сложно определить мотивацию в данном случае. Понятия «отстаивание интересов», «национальная гордость» и «защита достоинства страны» слишком размыты, если речь идет об обществе в целом. Другими словами, причины начать конфликт у китайцев были разные: одни были разгневаны слухом о поддержке *Carrefour* далай-ламы, в основе настроений других было уязвленное самолюбие, кто-то действительно беспокоился о предстоящей Олимпиаде. Соответственно, основную цель китайского общества можно определить как выражение гнева и обиды по поводу высказываний в адрес Китая¹⁵⁰, но внятным и рациональным этот мотив назвать сложно. Именно это, на наш взгляд, определило продолжительность конфликта и обусловило вмешательство государства.

Таким образом, появляются дополнительные основания говорить о скрытой роли правительства в создании необходимого фундамента для возможности формирования массового протеста такого уровня. Во-первых, в повестку дня китайских СМИ и сегмента Интернета была включена информация об отношении международной общественности к тибетскому вопросу и информация о проблемах во время эстафеты олимпийского огня¹⁵¹. Во-вторых, протестные настроения долгое время оставались без внимания правительства, что дало им возможность сформироваться окончательно и выйти в офлайн. В-третьих, из всей массы интернет-пользователей и людей, впоследствии вышедших на улицы, очень четко выделяются отдельные личности, герои этого движения, которых можно назвать своеобразными лидерами мнения и на которых могли опираться государственные структуры.

Необходимо добавить, что граждане Китая не все в едином порыве приняли участие в анти-*Carrefour* действиях, позиция этих людей редко освещалась в СМИ. Значительное количество интернет-пользователей решили бойкотировать протесты, объясняя это так: «возможно, я не смогу никого убедить, но я хочу, чтобы они знали, что у некоторых людей совершенно другое мнение»; «Я нахожу этот бойкот крайне неловким, так что 1 мая я пойду в *Carrefour* купить бутылку воды»; «Если

мы избавимся от иностранных автомобилей, мы должны будем оседлать южнокитайского тигра, потому что он сделан в Китае»¹⁵².

При рассмотрении китайского народа как одного из акторов стоит отметить, что напрямую обратиться к французскому правительству для них не представлялось возможным: нет канала коммуникации, а прямые действия могут повлечь санкции. Например, попытки демонстрантов развернуть свои акции у французского посольства и располагающейся рядом французской школы были пресечены действиями силовых структур¹⁵³. Поэтому было важно найти промежуточный достаточно безопасный объект, связанный с Францией, в адрес которого можно выражать активное недовольство. Таким объектом стала французская сеть гипермаркетов *Carrefour* — негосударственная организация, трансформировавшаяся в ходе конфликта в своеобразный «канал коммуникации». Это вносит коррективы в формулировку основной цели — наказание конкретного объекта, связанного с Францией, путем прямых действий. Но китайское общество при этом не пыталось выгнать *Carrefour* из страны, было необходимо лишь привлечь внимание и спровоцировать международную реакцию.

Стратегия в данном случае становится однозначной — провокации и протесты, направленные на конкретный объект, вызывающие ответную реакцию со стороны французского правительства. Для этого использовались взаимодействие и координация в Сети, постоянные призывы к действиям против *Carrefour*, массовые демонстрации в офлайне и кибератаки на официальный сайт компании.

Завершая анализ *Carrefour*-инцидента, можно сделать следующие выводы. Как и в рассмотрении кейсов использования Хасбары, наблюдается очевидная разница дискурсов: столкновение эмоциональной риторики общества и рациональной риторики бизнес-структур и правительств. При этом показательна способность правительственных кругов КНР менять дискурс, быстро переключаясь между официальной и публичной компонентами дипломатического инструментария.

Рассмотренный кейс наглядно демонстрирует тесную взаимосвязь публичной и официальной дипломатии и возможности (де)эскалации при смене инструментария. Начавшись как общественный эмоциональный протест, инцидент был оперативно переведен в официальный статус, что привело, с одной стороны, к его купированию, а с другой — к официальным извинениям с французской стороны на уровне премьер-министра.

Правительство КНР продемонстрировало высокий уровень культурной компетенции, быстро скорректировав контекст инцидента. Протест протибетских активистов был эффективно эскалирован на уровень межгосударственных отношений.

Показательно не прямое использование неофициальных каналов коммуникации (взаимоотношений китайских активистов и пресслужбы *Carrefour*) для создания благоприятной для Китая повестки урегулирования инцидента. Фактически, с использованием инструментария управляемой публичной дипломатии произведена инверсия протеста с одновременной его эскалацией.

Наличие жестких средств контроля национального интернет-пространства позволило в кратчайшие сроки купировать инцидент после достижения поставленных целей на межгосударственном уровне. Отметим, что такой уровень контроля не является необходимым — те же цели могут быть достигнуты с использованием «мягких» инструментов управления информационным пространством. Регулирование китайским правительством своего сегмента Интернета, сыгравшее свою роль в мирном разрешении *Carrefour*-инцидента, идет вразрез с принципами публичной дипломатии и может обернуться серьезными негативными последствиями, так как основными акторами публичной дипломатии должны выступать неправительственные организации и общество, а не правительство.

Carrefour-инцидент актуализирует необходимость изучения Интернета с точки зрения возможности консолидации общества и выработки им коллективных решений по какой-либо проблеме. Основное внимание в данном вопросе следует уделить природе различных социальных сетей. Это отдельная проблема, которую необходимо рассматривать на кейсах различных стран, например: Twitter-революция в Иране; *Carrefour*-инцидент в КНР; попытки согласования действий в социальных сетях перед митингами в России. Теоретическую основу для подобных исследований могут составить идеи «киберпессимизма» [Shirky, 2008] и «кибероптимизма» [Morozov, 2013].

Формально, мы можем говорить о том, что в рамках *Carrefour*-инцидента КНР с помощью киберсреды, рассчитанной на огромную аудиторию, успешно продемонстрировала возможности применения «мягкой силы». Но говорить о том, что страна в целом преуспела в использовании инструментария «умной силы» нельзя, так как по-прежнему мировым сообществом критикуется внутренняя политика КНР в отношении Тибета, правительство Китая цензурирует традиционные и интернет-СМИ на своей территории, а значит, «мягкая сила» недостаточно эффективна, чтобы стать «умной».

Для анализа ситуаций, подобных *Carrefour*-инциденту, с точки зрения применения механизмов публичной дипломатии необходимо использовать ряд методов:

- контент-анализ позволит изучить различные сообщения и перевести результаты в количественную форму;

- дискурс-анализ позволит проанализировать не только лингвистическую составляющую медиатекстов, но и процессы производства, распространения и потребления текстов определенной тематики в некотором контексте;
- анализ риторических стратегий акторов позволит определить используемые риторические идиомы, лейтмотивы или ключевые слова и фразы, выражающие описание динамики проблемы, и выработать при необходимости контрриторические стратегии;
- анализ повестки дня в заданный период времени позволит не только детерминировать установленную повестку дня, но и определить форму подачи информации, влияющую, по мнению некоторых исследователей, на атрибуцию ответственности;
- анализ данных медиастатистики: в этом случае могут быть использованы данные различной степени открытости от *Google*-статистики по конкретным запросам в различных регионах до данных государственных и негосударственных медиаизмерителей;
- методы антикризисного управления.

При этом происходит расширение терминологического ряда: классическое понятие «публичная дипломатия» трансформируется под воздействием фактора «интернет-среда» и становится уместно использование термина «новая публичная дипломатия» или «киберпубличная дипломатия». Кроме того, анализ ситуаций в логике классического разделения на «жесткую силу» и «мягкую силу» оказывается все более и более примитивным, в этой связи необходимо использовать понятие «умная сила».

Выводы

России следует присмотреться к опыту Израиля в централизации управления информационной политикой — прежде всего к неудачам. Внимательное изучение противоречий стратегии «смешанного» использования мягкой и жесткой компонент публичной дипломатии позволит избежать потенциально серьезных ошибок в формировании адекватного имиджа государства, разъяснения его интересов, ценностей и внешней политики и в итоге выстраивания целостной и гибкой стратегии отечественной публичной дипломатии — что становится особенно важным в складывающейся ситуации противопоставления ценностных парадигм России и Западного мира.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Феномен публичной дипломатии сегодня находится в фокусе активного научно-практического интереса, вызванного не только развитием новых инфо-коммуникационных технологий, но и поиском государствами новых механизмов взаимодействия с зарубежной общественностью с целью улучшения имиджа и оказания воздействия на зарубежное общественное мнение. Возможности различных институтов публичной дипломатии, например НПО, оказываются востребованными и в урегулировании конфликтов, реализации различных негосударственных инициатив в области безопасности [Лебедева, 2015], а также в постконфликтном миростроительстве и создании доверительной атмосферы между конфликтующими сторонами [Cowan, Arsenault, 2008].

Регион Центральной Азии, несмотря на избавление от статуса периферийного региона мировой политики, остается сложным и неоднородным в плане политики, экономики, безопасности и т.д. Он до сих пор не сложился как пространство безопасности и стабильных отношений, чему препятствуют внутрирегиональные противоречия. Названные проблемы являются результатом как различных внутригосударственных проблем, так и отсутствия систематических конструктивных контактов между странами и неразвитости механизмов публичной дипломатии. При создании таких форматов общения можно использовать площадки крупных международных организаций. В регионе, к примеру, функционирует Региональный центр Организации Объединенных Наций по превентивной дипломатии в Центральной Азии (*РЦПДООН*), который представляется хорошей площадкой для налаживания взаимодействия по линии публичной дипломатии. Задачи Центра заключаются в регулярной организации тренингов и семинаров с участием политиков и экспертов в области дипломатии предот-

вращения конфликтов, в налаживании контактов между «мозговыми центрами» региона для усовершенствования аналитических навыков и разработки механизмов сотрудничества и в создании для молодежи из стран региона возможностей изучения основ превентивной дипломатии [Николаев, 2009].

Публичная дипломатия — это тот ресурс, привлечение которого могло бы способствовать решению многих центральноазиатских проблем. Однако пока значимость названного института в регионе осознается недостаточно, что отражается на уровне научного интереса к публичной дипломатии и на ее прикладное применение [Бахриев, 2017].

Исследовательский дискурс о публичной дипломатии в Центральной Азии носит фрагментарный характер, сам термин тоже используется не так часто. В основном употребляются понятия «народная дипломатия», «общественная дипломатия», что К. Боришполец связывает с «особенностями ресурсов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в проведении внешней политики, а также сложившимися традициями» [Боришполец, 2015]. В практической же плоскости конкретные шаги государств региона, задачи стратегических документов и определенная часть внешнеполитической практики является отражением сути публично-дипломатической деятельности. Это относится и к попыткам стран региона создать положительный международный имидж своих стран и развивать ресурсы «мягкой силы». Теоретическое осмысление данной неолиберальной концепции и ее практическое применение государствами региона тоже еще не стало предметом профильного анализа. В этой связи интерес вызывают исследовательские попытки анализа ресурсов «мягкой силы» и публичной дипломатии центральноазиатских стран со стороны российских специалистов. Так, единственной работой на данный момент, в которой поднимаются названные вопросы в рамках региона Центральной Азии, можно считать коллективную монографию под названием «Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение», подготовленную учеными из МГИМО МИД России. В этой вышедшей в 2016 г. книге авторы не только делают попытку комплексного анализа центральноазиатских государств как объектов «мягкой силы» и публичной дипломатии внешних, внерегиональных игроков, но и рассматривают их как акторов в этой сфере [Лебедева, Боришполец и др., 2016].

Научный интерес к публичной дипломатии и к прикладным возможностям этого феномена сильно различается по странам Центральной Азии. Наиболее активен на данном направлении Казахстан. Он же лидирует на практике в формировании своего бренда и продвижении

«мягкой силы» [Лебедева, Боришполец и др., 2016: 86–92]. Встречаются также научные работы таджикских и киргизских исследователей, в которых внимание уделяется концепции «мягкой силы», растущей значимости новых дипломатических форматов взаимодействия, культурной составляющей внешнеполитической практики и т.д. В случае с Узбекистаном и Туркменистаном на русском или английском языках, к сожалению, встречаются только отдельные адресные комментарии или интернет-публикации экспертов о роли народной или культурной дипломатии в развитии сотрудничества между народами.

Казахстан

Тематика публичной дипломатии в работах казахстанских авторов присутствует в течение ряда лет. Эти исследования посвящены не только сущности феномена публичной дипломатии как дополнения к официальной дипломатии или в контексте концепции *национального брендинга* (Жакенова, 2012), но и анализу зарубежного опыта и его применению во внешнеполитической практике Казахстана в интересах укрепления международных позиций казахстанской государственности [Казбекова, 2014].

В среде казахских авторов в основном признается синонимичность понятий *публичной* и *народной* дипломатии и указывается на то, что к осуществлению публичной дипломатии помимо классических дипломатов привлекаются представители СМИ, бизнеса, науки и образования, деятели культуры и искусства, руководители НПО и т.д. [Оспанов]. Подчеркиваются преимущества народной дипломатии по сравнению с дипломатией государственной. Если последняя ограничена формальными рамками, то первая «говорит без всяких преград, искренне. А именно искренность больше всего скрепляет народы» [Ким, 2012].

Народную дипломатию называют одним из основных акторов мировой политики, включающих в себя «такие элементы, как общественные организации и объединения, контакты на уровне городов-побратимов, общественно-политические акции, международные неправительственные организации» [Абжапарова, Сарсембаева, 2013]. В качестве достоинства публичной дипломатии называют ее способность «быть гибкой в зависимости от национальных интересов и интересов партнеров» [Казбекова, 2014].

Институциональные основы публичной дипломатии Казахстана еще не заложены. Этот вопрос волнует специалистов, продвигающих маркетинговую идею национального брендинга. По мнению И. Абиль-

даева, «сегодня наличие хорошей международной репутации государства, положительного бренда страны является неотъемлемой частью имиджевого компонента как внутри страны, так и за ее пределами» [Абильдаев, 2010]. Он называет формирование государственного брендинга странами СНГ, в частности Казахстаном, непоследовательным, несистемным и не имеющим комплексного характера, которое в отсутствие единого госоргана, ответственного за разработку стратегии брендинга, приводит к несбалансированным действиям компонентов государственного брендинга. Примером для Казахстана автор считает негативный «эффект Бората»¹⁵⁴, продемонстрировавший «неготовность страны отвечать на подобные вызовы на должном политическом уровне. Впрочем, подобный «голливудский» маневр имел успех только потому, что страна не имела четко выстроенной стратегии государственного брендинга. Можно предположить, что «стратегия» Саши Барон Коэна не увенчалась бы успехом, если вместо Казахстана избрали бы Германию либо Испанию» [Абильдаев, 2010]. Однако критика в отношении названного фильма в Казахстане впоследствии сменилась благодарностью авторам этой кинопродукции. В частности, казахский посол в Великобритании Е. Идрисов, изначально назвавший фильм на страницах *The Guardian* «оскорбительным и несправедливым»¹⁵⁵, потом признал, что благодаря «Борату» интерес к Казахстану вырос во всем мире¹⁵⁶. Бывший глава МИД Казахстана Е. Казыханов в 2012 г. тоже говорил о позитивном эффекте Бората, отметив, что благодаря ему резко возросло количество туров в страну, некоторые турфирмы даже организовывали в Казахстан специальный «Борат-тур»¹⁵⁷. Такой эффект от продукции киноиндустрии в эпоху развития медиатехнологии и Интернета оказался в фокусе внимания исследователей маркетингового подхода к публичной дипломатии и национального брендинга [Stock, 2009].

Действительно, отсутствие институциональных основ публичной дипломатии Казахстана не может способствовать эффективному прикладному применению данного феномена, однако стоит отметить большой потенциал республики в этой области, сформированный рядом его крупных международных и внутригосударственных инициатив. Из них стоит отметить:

- инициативу о проведении Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии;
- реализацию инициативы Казахстана по проведению Международного межконфессионального форума «Съезд лидеров мировых и традиционных религий» (СЛМТР), который регулярно проходит в Астане и называется казахскими политическими де-

ятелями важнейшим институтом глобальной «духовной дипломатии»¹⁵⁸;

- проведение исторического саммита ОБСЕ в Астане в 2010 г.;
- идею и запуск коммуникативной площадки «G-Global» в 2012 г. с целью объединения усилий всех в деле создания справедливого и безопасного миропорядка;
- проведение заседания Берлинского евразийского клуба в Астане в 2014 г.;
- объявление о «Стратегии “Казахстан-2050”»: новый политический курс состоявшегося государства», ставящей задачу вхождения Казахстана в число тридцати самых развитых государств мира [Послание Президента Казахстана];
- активную позицию как посредника при урегулировании украинского и сирийского кризисов [Исабаева, 2014].

В формировании опыта казахстанской публичной дипломатии отметим также значительную роль участия в мероприятиях на площадках «тюркского мира» и ежегодных встречах в рамках Всемирного тюркского форума. В повестке последнего в течение ряда лет все чаще поднимается тематика культурной и общественной дипломатии.

Немаловажно образовательное направление публичной дипломатии, хотя его масштабы по части привлечения иностранных студентов государственными грантами остаются незначительными. В 2016 г. более 100 иностранных студентов получили грант на обучение в Казахстане, тем не менее объявлено о планах по увеличению аналогичных программ для иностранных студентов. В вузах Казахстана в 2015 г. обучалось более девяти тысяч иностранных граждан, что делает республику вторым (после Киргизии) в Центрально-Азиатском регионе по этому показателю¹⁵⁹.

Обращает на себя внимание международная стипендия Президента РК «Болашак», которая позволяет гражданам Казахстана получить образование в лучших университетах за рубежом с обязательным условием успешного завершения учебы и дальнейшей работы в Казахстане¹⁶⁰. Повышению конкурентоспособности и популяризации казахстанского образования призвано открытие в Астане по инициативе казахского президента «Назарбаев университет». В нем преподаватели из ведущих мировых университетов преподают на английском языке. В этой связи отметим потенциал одного из кампусов Университета Центральной Азии (УЦА) в казахском Текели. Учредитель данного филиала, являющегося сестринским агентством Организации Ага Хана по развитию (*Agan Khan Development Network — AKDN*), называет выбор горного Те-

тели намеренным решением. УЦА назван региональным связующим узлом технологий и инноваций, а возможность его студентов ознакомиться с жизнью своих стран за пределами столиц «поможет сформировать поколение будущих лидеров, которые одинаково хорошо знакомы как с космополитизмом и международными точками зрения, так и с местной спецификой региона»¹⁶¹. Последний пример можно назвать фактическим использованием Казахстаном ресурсов НПО в сфере образования или потенциальной возможностью для осуществления успешной публичной дипломатии и усиления «мягкой силы».

На текущем этапе становления публичной дипломатии Казахстана хотелось бы выделить масштабность и креативность инициатив, воспринимаемых с интересом на международной арене. Значительную роль в этом играет авторитет президента республики Н. А. Назарбаева, лично поддерживающего инициативы по созданию положительного и привлекательного имиджа Казахстана в глазах зарубежной общественности.

Киргизия

В научном дискурсе Киргизии тематика публичной дипломатии встречается в основном в контексте концепции «мягкой силы». Н. Айтмурзаев признает возрастающую значимость названной концепции не только в «мягком» измерении современной мировой политики, но и в обеспечении безопасности государств в условиях глобализации [Айтмурзаев, 2012]. Обращая внимание на роль «мягкой силы» в реформировании общественного сознания, он призывает к правильному использованию ее ресурсов (средства массовой информации, культура, традиции, религиозные взгляды). В контексте Центральной Азии эти ресурсы должны оказывать позитивное содействие обществу в выборе социального порядка, который соответствует культуре, ценностям, традициям, где проблема безопасности всегда считалась приоритетной [Айтмурзаев, 2016].

Киргизские исследователи призывают политиков и экспертов обращать внимание на возможности «новой публичной дипломатии» — цифровой дипломатии, новых технологий для удовлетворения внешних нужд государства, укрепления ее репутации и позиции на международной арене. По мнению М. Абдраимова, «действенность использования информационного фактора в повседневной “рутине” проведения политического курса становится настолько значительной, что объективно вынуждает ученых ставить рассмотрение информационной со-

ставляющей системы международных отношений на передний план» [Абдраимов, 2015].

Политические деятели Киргизии тоже признают значение информационного фактора и «мягкой силы», «без которой трудно обеспечить авторитет и влияние государства в международных отношениях» (Выступление Абдылдаева, 2015). В сильно устаревшей Концепции внешней политики Киргизии повышению авторитета и укреплению положительного имиджа этой республики на международной арене выделено особое место. Отмечается стремление страны стать удобной площадкой для расположения международных организаций, культурно-образовательных центров, для проведения международных и региональных форумов. Из факторов, способных повысить узнаваемость страны в мировом сообществе, называются национальные бренды Иссык-Куль, Ч. Айтматов, эпос «Манас», «Великий шелковый путь» [Концепция внешней политики КР].

Хотя термин «публичная дипломатия» в вышеназванных контекстах не используется, тем не менее в практической плоскости процесс достижения заявленных целей и будет публичной дипломатией. В этой сфере у Киргизии есть неплохой репутационный потенциал. Эту страну, в основном на Западе, называют «островком демократии» в Центральной Азии. Она пережила две революции, заметно повлиявшие на ее политическую стабильность, социально-экономическое положение. Однако революции стали катализатором социального активизма и дали толчок развитию гражданского общества, в разы увеличилось число НПО, которые активно начали влиять на социально-политическую жизнь в стране. Мнения экспертов относительно роли таких институтов разнятся: одни в них видят позитивных игроков, другие считают их угрозой безопасности государства [Мураталиева]. Киргизские эксперты признают активную роль НПО во внутренней и внешней политике государств. Если в первом случае они выступают в качестве дополнительного механизма общественных отношений, играя важную роль в формировании гражданского общества, то во внешней политике они используются как инструмент публичной дипломатии и «мягкой силы» [Нурланов, 2016]. НПО в Киргизии больше занимаются социальными, благотворительными и образовательными проектами внутри страны¹⁶², что не делает их полноценным инструментом публичной дипломатии этой республики во внешнеполитической практике. Однако, занимаясь названными направлениями с населением внутри страны, особенно в приграничных зонах с большим конфликтогенным потенциалом, НПО могут путем проведения регулярных трансгранич-

ных тренингов и семинаров для населения способствовать укреплению доверия и снижению напряженности между Киргизией и соседними странами. В образовательной сфере сотрудничество с НПО тоже может быть использовано в целях публичной дипломатии. Один из трех кампусов Университета Центральной Азии расположен в Киргизии, он уже работает и принимает студентов со всего региона, а также из других государств. Это усилит позиции Киргизии как регионального лидера по числу принимаемых иностранных студентов, которые являются стратегическим ресурсом, если выразиться лексикой публичной дипломатии.

В целом на данном этапе обобщать опыт Киргизии из-за недостатка национальных публикаций, посвященных вопросам публичной дипломатии, было бы преждевременно. Однако с учетом международного резонанса прошедших в сентябре 2016 г. Всемирных игр кочевников в Иссык-Кульской области можно предположить, что ресурсы публичной дипломатии будут активно включаться и использоваться в деятельности государственных и негосударственных структур.

Таджикистан

В Таджикистане исследовательский дискурс по публичной дипломатии еще не сложился. Для обозначения практики в этой области используются понятия «общественная дипломатия» (*тдж.* дипломатии оммавй/чамъиятй) или «народная дипломатия» (*тдж.* дипломатии мардумй/халқй). Истоки последней, согласно книге «Дипломатия Таджикистана», изданной к 50-летию создания МИД РТ, уходят к самым первым шагам таджикского советского наркомата, который с первых дней деятельности считал «своей главной задачей и даже делом чести рассказать о республике, ее достижениях зарубежному читателю, особенно в странах Востока» [Дипломатия Таджикистана, 1998: 5]. Тогда наряду с официальной развивается и народная дипломатия, примером которой в книге названо участие в октябре 1945 г. в лондонской Международной конференции молодежи в составе делегации СССР студентки-таджички Мамлакат Наханговой. Публичная дипломатия для таджикских исследователей является новым, пока не освещенным национальными публикациями направлением. Она рассматривается в контексте неолиберальной концепции «мягкой силы» и повышения значимости информационного фактора. Так, Д. Латифов пишет о возрастающей роли «мягкой силы» и новых дипломатических форматов с зарубежной общественностью: «Дипломатия перестает быть исклю-

чительно делом специально подготовленных людей, ... ее целевой группой становятся не только дипломаты, но и широкая общественность, отсюда и новый элемент современных международных отношений — так называемая *public or modern diplomacy* — “общественная дипломатия”» [Латифов, 2015].

В фокусе таджикских авторов находится и информационное измерение публичной дипломатии. Ф. Саидов пишет, что цифровая дипломатия коренным образом изменила правила публичной дипломатии. Однако встает вопрос о нахождении инструментов для оценки эффективности деятельности в рамках цифровой дипломатии, например в социальных сетях. В контексте реализации задач публичной дипломатии важно не количество фолловеров, лайков, твитов/ретвитов, а «реальные показатели реагирования аудитории на сообщения, изменения в ее восприятии того, как этому способствует цифровая дипломатия» [Саидов, 2013]. Р. Ульмасов называет публичную дипломатию мягким оружием широкого спектра действия в условиях гибридной войны, не алхимией или развлечением, а креативной системой последовательных действий. Он пишет о необходимости использования инструментов данного института в условиях информационной войны против таджикских мигрантов, и утверждая, что «там, где официальная дипломатия вынуждена говорить за закрытыми дверями, публичная дипломатия говорит открыто — в конференц-залах, галереях, квартирах, концерт-холлах, на площадях и улицах», автор уверяет, что «МИД Таджикистана созрел для создания отдельного структурного подразделения — Управления публичной дипломатии» [Ульмасов, 2016]. Выделяя преимущества медиадипломатии в достижении внешнеполитических целей и в улучшении международного имиджа государства, таджикские эксперты также призывают к созданию мультязычных информационных каналов о Таджикистане и к развитию проактивной деятельности таджикских посольств за рубежом [Бекмухаммад, 2015]. На данный вопрос обращает внимание и президент республики Эмомали Рахмон, который, подчеркивая чрезвычайную важность формирования положительного международного имиджа Таджикистана, призывал МИД РТ «коренным образом улучшить свое взаимодействие с представителями средств массовой информации и расширить свое присутствие в Интернете...» [Выступление Э. Рахмона]. В контексте информационной дипломатии (*тдж.* дипломатияи иттилоотӣ) на необходимость содействия «созданию эффективных средств информационного воздействия на зарубежное общественное мнение в целях положительного восприятия Таджикистана» указывается в Концеп-

ции внешней политики Республики Таджикистан 2015 г. [Концепция внешней политики РТ].

В контексте инструментов практического воплощения публичной дипломатии Таджикистана отметим деятельность Таджикского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ТОДКС). Эта общественная некоммерческая организация работает на принципах народной дипломатии и имеет 17 обществ дружбы с разными странами¹⁶³. Организовывая мероприятия культурно-гуманитарного характера в Таджикистане, и реже за его пределами, общество способствует развитию народной дипломатии и международных контактов этой республики¹⁶⁴.

Следует обращать внимание и на роль таджикской диаспоры. Например, в России, где проживает постоянно и находятся на временных заработках большое число выходцев из Таджикистана, активно работает Региональная общественная организация «Нур» (РОО «Нур») ¹⁶⁵. Своими ресурсами и при поддержке посольства Таджикистана в Москве «Нур» регулярно участвует в крупных российских и международных культурных мероприятиях, представляя богатую культуру Таджикистана. Она вносит вклад в адаптацию и интеграцию мигрантов в российское общество, организовывая различные лекции и семинары для мигрантов, а также уроки русского, английского и математики — для их детей. В беседе с автором настоящей работы председатель «Нур» Алимамад Баймамадов отметил, что одна из главных целей организации заключается в формировании положительного имиджа таджиков в России. По его словам, в последние годы организация делает большой акцент на работе с молодежью, культурные и спортивные мероприятия, организовывая межнациональные/междиаспорные спортивные соревнования¹⁶⁶. Члены организации активно участвуют в работе национальных консультативных органов при правительстве Москвы, выдвигая различные предложения, направленные на гармонизацию межнациональных отношений в России, профилактику экстремизма среди молодежи и т.д.

Несмотря на отсутствие солидных исследований по публичной дипломатии Таджикистана и нахождение данного профильного дискурса на заре становления и осмысления, в практической деятельности таджикского государства ресурсы публичной дипломатии используются. С накоплением эмпирического материала и обогащением опыта молодой таджикской государственности на данном направлении в будущем можно ожидать появления национальных публикаций, исследований, которые станут основой таджикского дискурса по публичной дипломатии и фундаментом институционального закрепления данного феномена.

Туркменистан и Узбекистан

Опыт публичной дипломатии Туркменистана и Узбекистана не стал еще объектом серьезных научных исследований учеными как этих стран, так и других. На практике обе страны большое внимание уделяют культурным мероприятиям во внешней политике.

Туркменские авторы рассматривают культуру «в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства, создания благоприятного образа страны, популяризации ее культуры» [Гурбангельдыев]. Нынешнее руководство страны наряду с другими направлениями внешней политики понимает и необходимость расширения культурно-гуманитарного сотрудничества. Распространение широкой информации о Туркменистане и туркменском народе, проведение мероприятий по ознакомлению с этой страной считаются прямой обязанностью туркменской дипломатии. Поэтому республика регулярно организует международные научно-культурные, спортивные мероприятия, приглашая иностранных экспертов и деятелей культуры¹⁶⁷.

Сам Туркменистан до сих пор остается одной из самых закрытых стран. По мнению экспертов, Туркменистан времен С. Ниязова у международного сообщества ассоциировался только с негативными образами, связанными с закрытостью страны, культом личности, стилем правления первого туркменского президента, его книгой «Рухнама» и повсеместными нарушениями прав человека [Omeliicheva, 2015]. В таких условиях логично было бы предположить, что вопрос наращивания «мягкой силы» представляется не совсем актуальным. Более того, активность в этой сфере привлекает внимание не только к государству, но и к его проблемам. Однако Туркменистан в последние годы все же проявляет активность на данном направлении, занимаясь поиском возможных форм сотрудничества, проводя, в частности, в стране международные мероприятия [Лебедева, Боришполец и др., 2016: 95–96]. Президент Г. Бердымухамедов активно использует ресурсы публичной дипломатии для изменения образа Туркменистана в глазах международного бизнес-сообщества и политических кругов в позитивную сторону. Активно применяются механизмы национального брендинга с использованием не только элементов богатой культуры Туркменистана, но и его нейтрального статуса [Omeliicheva, 2015].

В научном дискурсе Узбекистана используется понятие «народная дипломатия». Еще в 1998 г. узбекский историк Р. Т. Жураев защитил диссертацию на тему «Роль народной дипломатии Узбекистана

в международных отношениях». В ней он подчеркивал возрастающее значение народной дипломатии в связи с распадом Советского Союза, социальными взрывами, различными конфликтами на территории не только независимых государств, но и многих государств мира. По его мнению, решение значительного количества национальных конфликтов в мире стало сложным делом ввиду переплетения судеб разных народов в течение веков. Народная дипломатия в этой связи «делает возможным обмен подлинными ценностями культуры и способствует сближению народов» [Жураев, 1998].

Сегодня в публичной или народной дипломатии Узбекистана важное место занимает культурное направление. Дни культуры этой страны проходили в Казахстане, России, Индии, Китае и других государствах. Узбекские посольства каждый год организуют большие мероприятия по случаю празднования «Навруз», приглашая на них известных деятелей культуры, политиков, бизнесменов страны пребывания и показывая культурное богатство своей республики, ее туристический потенциал.

Еще в 1995 г. при МИД Узбекистана было создано информационное агентство «Жахон» в целях распространения объективной информации об Узбекистане и его политике, развития контактов международными информационными агентствами. ИА «Жахон» занимается изданием и распространением за рубежом информационных бюллетеней, справочников, буклетов, аудиовизуальной продукции, раскрывающих потенциальные возможности Узбекистана для широкого международного сотрудничества [Мухаммад аль-Бухари].

Важным институтом народной дипломатии Узбекистана является Совет обществ дружбы и культурно-просветительских связей Узбекистана с зарубежными странами. Он считается самоуправляемым, самофинансируемым неправительственным общественным объединением, которое с использованием возможностей народной дипломатии призвано способствовать:

- широкой популяризации в других странах достижений в различных сферах жизни Узбекистана;
- регулярному ознакомлению зарубежной общественности с богатой историей, культурой, литературой и искусством этой страны;
- формированию положительного международного имиджа Узбекистана как независимого демократического государства, достойного партнера в культурной, научной и гуманитарной сферах;
- установлению и развитию международных культурно-просветительских связей в сотрудничестве с ООН, ЮНЕСКО и другими международными организациями¹⁶⁸.

На данный момент Совет объединяет 35 Обществ дружбы, а международные культурные мероприятия Узбекистана часто осуществляются именно по линии этих обществ.

Публичная дипломатия Туркменистана и Узбекистана сильно этичны, роль негосударственных акторов в ее осуществлении остается незаметной. Отражается это и на степени научного осмысления феномена, которая, судя по доступным русскоязычным и англоязычным публикациям, остается на очень низком уровне. Возможно, новое руководство Узбекистана пойдет на более активное использование ресурсов публичной дипломатии и привлечение негосударственных акторов.

Потенциал публичной дипломатии в предотвращении конфликтов в Центральной Азии

Возможности публичной дипломатии широко используются в предотвращении, урегулировании конфликтов, в постконфликтном восстановлении общества. Благодаря своему «мягкому» характеру, опоре на специализированные НПО и институты гражданского общества публичная дипломатия оказывается эффективным механизмом разрешения конфликтных ситуаций там, где официальные структуры ограничены, не обладают глубоким представлением о причинах возникновения конфликтов и путях его решения или просто не пользуются доверием населения.

Центральная Азия — регион нестабильных отношений. Конфликтотенный потенциал региона повышают не только внутрирегиональные противоречия между странами по вопросам определения государственных границ, распределения и использования водных ресурсов, но и торговля наркотиками, угроза исламского радикализма и террористических организаций. Одним из превентивных механизмов и инструментов борьбы с названными вызовами, а также в развитии контактов между государствами и обществами региона является публичная, или, как ее часто называют в регионе, народная, дипломатия. На данный момент ее возможности в названной сфере в Центральной Азии не стали объектом серьезного научного осмысления.

В регионе имеется опыт и наглядный пример использования народной дипломатии в урегулировании конфликтов. Кровавопролитная гражданская война в Таджикистане была завершена при эффективном посредничестве России, Ирана, ООН и др. В урегулировании этого конфликта, помимо официальных государственных посредников, при-

нимали участие и авторитетные общественные, религиозные деятели из Таджикистана, Ирана, России и других стран. Согласие и народное единство было достигнуто при помощи общественной дипломатии и с учетом местных традиций и менталитета таджикского общества. После завершения конфликта в восстановлении государства, гармонизации взаимоотношений в обществе и поддержании его социально-экономической стабильности немаловажную роль сыграли НПО, среди которых следует упомянуть Сеть развития Ага Хана (*Aga Khan Development Network — AKDN*). Она работает в Таджикистане с 1993 г. и имеет проекты в 32 районах страны, вкладывая ежегодно в экономику Таджикистана около 60–70 млн долл. Примечательно, что правительство освобождает ее от уплаты налогов и многих видов таможенной пошлины. Экономия этих средств, по мнению *AKDN*, позволяет ей направлять большие средства на реализацию социально значимых проектов [Душанбеева, 2015].

Одна из сложнейших, острых и конфликтогенных проблем в Центральной Азии — незавершенность и несовершенство нынешнего территориального устройства. Существующие линии прохождения границ являются источником многочисленных межгосударственных противоречий, нерешенность вопросов делимитации и демаркации государственных границ оказывает прямое негативное влияние на политическую стабильность в регионе и на перспективу не только его интеграции, но и евразийской интеграции в целом. Особо остро стоит вопрос между «тройкой» — Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. На приграничных районах стычки местных жителей и вооруженных сил происходят регулярно. Иногда напряженность доходит до грани полномасштабного конфликта, как в 2016 г., когда Киргизия обвинила Узбекистан во вторжении на ее территорию и даже обратилась в ОДКБ за помощью в решении конфликта¹⁶⁹.

Эффективность механизмов публичной дипломатии в предотвращении таких конфликтов показал опыт местных властей в приграничных районах Киргизии и Таджикистана, где тоже регулярно можно наблюдать признаки напряженности. Местные власти двух стран к решению противоречий и поиску ответов на сложные вопросы взаимоотношений в приграничных районах начали активно привлекать аксакалов — уважаемых в местных общинах людей, организовывали культурные мероприятия [Холикзод, Мухаммадраҷаб, 2015]. Успех названных шагов публично-дипломатического характера в поддержании стабильности в напряженных приграничных зонах в 2015–2016 гг. был признан экспертами Межправительственной комиссии Таджикистана и Киргизии [Мухаммад, 2016]. Эксперты уверены, что именно народ-

ную дипломатию следует «рассматривать как один из основных инструментов улаживания конфликтов, до окончания процесса делимитации и демаркации границ»¹⁷⁰.

В решении водного вопроса тоже можно задействовать ресурсы публичной дипломатии. Регулярные встречи экспертов, официальных лиц, представителей гражданского общества и НПО стран региона могло способствовать лучшему взаимопониманию, снизить градус недоверия по поводу возможного использования воды как гидрополитического оружия. Хотя следует признать, что на данный момент возможности публичной дипломатии из-за чрезмерной политизации названного вопроса и его приоритетности для политики стран региона представляются ограниченными.

В борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом публичная дипломатия государств Центральной Азии должна активно действовать не только в регионе, но и за его пределами, особенно в России, где работает и проживает большое число выходцев из региона. Для многих молодых мигрантов Россия становится транзитным пунктом на пути к присоединению к террористическим организациям на Ближнем Востоке. Публичная дипломатия стран ЦА в лице своих диаспор, деятелей религии и культуры должна активно работать с молодыми мигрантами — выходцами из своих стран, активно способствовать их интеграции в российское общество для предотвращения образования маргинальных кругов, которые являются благодатной почвой для распространения экстремистской идеологии. Пример РОО «Нур», о которой было написано выше, весьма показателен.

В контексте угроз безопасности постсоветской Центральной Азии и методов борьбы с ними отметим неразрывную связь региона с соседним, крайне нестабильным Афганистаном. Многие вызовы и угрозы исходят именно от деструктивных сил в Афганистане, для нейтрализации влияния которых возможности публичной дипломатии могут оказаться крайне востребованными. В истории Афганистана мнения старейшин, позиции властных центров в племенах всегда играли решающую роль для решения любых задач и проблем [Лалетин, 2008], и «народную дипломатию» в контексте этой страны можно назвать дипломатией старейшин и религиозных лидеров. Эти люди, являясь главными носителями традиций и обычаев, считаются одновременно и общественными, и религиозными авторитетами. Махмуд Шах пишет, что участие представителей старейшин на регулярной основе в работе правительства и МИД позволит решить многие практические задачи на основе их разнообразного опыта. По его мнению, в Афганистане можно более широко использовать авторитет мулл и священнослужителей, например их

традиционные выступления в мечетях после молитвы, в святых местах, в хусейниях и такияханах (святые места шиитов). Помимо священнослужителей, в этих местах могли бы выступать и представители власти (по примеру Ирана и арабского мира). Однако данную возможность активно используют представители “Аль-Каиды”, “Талибана” и Исламской партии Афганистана (ИПА) под руководством Хекматияра, в частности в разных пограничных городах и местностях Пакистана, Пуштунистана и Афганистана» [Шах, 2009]. Подобная практика существует в Центральной Азии, однако ей надо придать организованный характер, привлекать религиозных авторитетов из других стран и организовывать встречу местных духовных лидеров с представителями их общины, которые в большом количестве проживают в других странах. Важность поддержания духовных связей как превентивная мера против радикализации мигрантов из Центральной Азии в других странах, в частности в России, показывают международные исследования¹⁷¹.

Таким образом, публичная дипломатия государств Центральной Азии может стать не только инструментом усиления их «мягкой силы», создания позитивного имиджа на международной арене и оказания влияния на зарубежное общественное мнение, но и действенным механизмом урегулирования конфликтов, основой формирования доверительных взаимоотношений и плодотворной кооперации.

ВЫВОДЫ

Осмысление феномена публичной дипломатии в государствах постсоветской Центральной Азии открывает хорошие возможности для достижения реальной взаимодополняемости профильного исследовательского дискурса и реальной политической практики. Перспективы дальнейшего конструктивного развития на этом направлении для всех стран региона, как представляется, зависят, во-первых, от осознания важности инициативной деятельности по созданию привлекательного образа своей страны в глазах международной общественности; во-вторых, от расширения спектра осуществляемых проектов, географии диалоговых площадок, активизации информационного освещения многостороннего и двустороннего сотрудничества; в-третьих, от слаженности совместной работы национальных государственных и негосударственных структур, что позволит значительно диверсифицировать каналы позитивного влияния за рубежом и на внутристрановом уровне.

В целом потенциал публичной дипломатии в регионе Центральной Азии остается нераскрытым. Исследовательское направление и практическое

применение механизмов публичной дипломатии в регионе представлены крайне фрагментарно. Учитывая, что регион до сих пор не сложился как пространство стабильных отношений, а международный имидж его государств во многом препятствует активному развитию их международного сотрудничества, эти проблемы можно решить путем систематических конструктивных контактов между странами по линии гражданского общества, представителей широкой общественности, т.е. при помощи инструментов публичной дипломатии. Представляется, что публичная дипломатия государств Центральной Азии является *окном возможностей* или тем ресурсом, привлечение которого могло бы ускорить решение определенных внутрирегиональных проблем, в том числе и в области безопасности, и способствовать развитию международного сотрудничества государств этого региона.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Иран с учетом своих исторической, культурно-цивилизационной и религиозной особенностей обладает хорошим потенциалом в сфере «мягкой силы». Поэтому иранская публичная дипломатия, в отличие от публичной дипломатии других стран, во многом основана на концепции продвижения наследия персидской культуры, языка и религии как инструмента борьбы против западных ценностей [Цветкова, Ярыгин, 2013]. Однако идеологическая сущность политической системы Ирана, которая сформировалась после Исламской революции 1979 г., а также ограничения, наложенные на эту страну другими державами, ограничивают ресурсы «мягкой силы», препятствуя осуществлению эффективной публичной дипломатии. Еще одним существенным ограничителем, по мнению Высшего лидера Ирана А. Хаменеи, является «мягкая война» против Исламской Республики, которая бросает вызов как внутривнутриполитической стабильности в Иране, так и его внешней политике и положительному международному восприятию [Mohseni, 2013]. Антизападное позиционирование Ирана настраивает против него не только СМИ западных государств, но и массовую культуру, особенно в его кинематографическом воплощении, все чаще обыгрывающем тему греко-персидских войн в фальсифицированных версиях, создавая в массовом сознании имидж иранцев как «варваров». По мнению А. Турсун, «эти буйные ручьи сливаются в один бурный поток — формируется образ наизлейшего врага» [Турсун, 2011].

После решения ядерной проблемы Ирана, частичного снятия санкций с этой страны, ослабления лимитаций и роста международных контактов Исламская Республика получила возможность для широкого ис-

пользования механизмов публичной дипломатии во внешней политике. Открылись новые горизонты для реализации принятой в 2005 г. стратегии «Иран-2025», которая делает акцент на «развитии конструктивного и позитивного влияния» Ирана на систему международных отношений и мировую политику [Дехкани Фирузабади, 2008: 136]. Несмотря на концептуализацию вышеназванным документом целей международного развития Ирана на ближайшие годы, иранские исследователи отмечают, что для успешного достижения поставленных в нем целей, в нашем случае в сфере «мягкой силы», стране необходимо следующее:

- создание положительного, привлекательного имиджа Ирана;
- установление доверительных и предсказуемых взаимоотношений;
- отказ от чувствительных политических акций во внешней политике;
- создание профессионального дипломатического аппарата [Джаббари Насир, 2016].

В этой связи возрастает значимость одного из инструментов «мягкой силы» — публичной дипломатии, ресурсы которой Иран все активнее использует во внешней политике, а сам феномен становится объектом исследовательского осмысления, направленного на выявление наиболее оптимальных способов его прикладного применения во внешнеполитической практике Ирана.

Изучение опыта и практики публичной дипломатии Ирана представляется интересным по нескольким причинам: во-первых, в российском исследовательском дискурсе комплексных работ по данной тематике пока не существует; во-вторых, Иран проводит свою публичную дипломатию в сложной, высококонкурентной региональной среде, что требует умения выстроить гибкую и хорошо продуманную политику в сфере публичной дипломатии; в-третьих, «мягкая сила» и возможности публичной дипломатии Ирана — одного из ключевых государств на ближневосточной арене — могут быть востребованы в решении конфликтов и кризисов в регионе; в-четвертых, иранская публичная дипломатия представляется многими как позиция одного из немногих государств, открыто выражающих «мнение региональной “улицы” относительно США и Израиля и проамериканских режимов на Ближнем Востоке» [Зинько, 2009].

Настоящая глава в своей теоретико-методологической основе опирается на неолиберальную концепцию «мягкой силы», а также на конструктивистскую теорию международных отношений, рассматривающую значимость нематериальных факторов в политической практике.

Авторы анализируют место и роль публичной дипломатии во внешней политике Ирана на основе большого числа исследований иранских специалистов, а также отдельных западных и российских авторов, занимающихся профильной тематикой.

Потенциал «мягкой силы» Ирана

Иран — страна с тысячелетней цивилизацией, которая формирует общую культурно-цивилизационную, арийскую идентичность сегодняшнего населения Ирана и всех иранских народов — от индийского субконтинента и Центральной Азии до Кавказа и границ Персидского залива. Общность исторического, культурного наследия народов исторического большого Ирана формирует определенную «мягкую силу» современного Ирана и дает возможность для расширения контактов между народами и использования ресурсов публичной дипломатии. В этом контексте важными являются следующие элементы:

Традиции, ремесла и праздники. Иранское культурное наследие — обычаи, традиции и праздники — имеет древние корни, что делает его популярным среди не только иранских народов, но и представителей других стран. Визитной карточкой Ирана являются изделия ручной работы. Наряду с *галямзани* (вид чеканки по металлу), *галямкари* (техника нанесения рисунка на хлопчатую ткань), *минакари* (искусство нанесения разноцветной эмали на металл или керамику), самым узнаваемым изделием народного творчества Ирана в мире считаются персидские ковры, которые как в древние времена, так и сегодня признаются самым качественным и дорогим товаром. Ковроткачество в Иране — это распространенное и традиционное ремесло, и в каждом регионе страны имеются свои неповторимые узоры, по которым можно определить «родину» ковра.

Самым известным и почитаемым праздником в Иране, да можно сказать и на неарабском Востоке, является Навруз¹⁷², считающийся древнейшим праздником в истории человечества, имеющим иранское происхождение. Его история «восходит к временам творения “Авесты” — священной книги зороастризма, одной из древнейших пророческих религий» [Исомитдинов, 2014]. В 2009 г. по коллективной заявке 21 государства, в которых отмечается Навруз, ЮНЕСКО принял решение о включении этого праздника в свой Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества¹⁷³. Он был назван традиционным праздником, символизирующим весну и обновление

природы, также пропагандирующим ценности мира и способствующим установлению дружбы между разными народами¹⁷⁴. В знак уважения к этому празднику и его значимости в феврале 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла инициативу от правительства нескольких стран и закрепила за 21 марта международный праздник — День Навруз [Резолюция № A/RES/64/253]. В 2011 г. в своем поздравительном послании по случаю празднования Навруз бывший Генсек ООН Пан Ги Мун заявил, что хочет видеть, как «в период кризисов, потрясений и перемен, которые происходят, в частности, и в тех самых регионах, где возникла традиция отмечать этот праздник» торжество духа Навруз¹⁷⁵.

Древние традиции и обычаи иранского происхождения, общие праздники иранских народов, например Навруз, не только формируют потенциал «мягкой силы» Ирана, но и способствуют развитию контактов по линии публичной дипломатии. Примером может служить совместное празднование Навруз Ираном и государствами Центральной Азии каждый год по очереди в одной из стран и различные трансграничные мероприятия в рамках этого праздника.

Исторические памятники. Иран как наследник одной из древнейших цивилизаций — место расположения большого числа древних памятников, которые отражают историко-культурную общность всех иранских народов. Из этого числа можно назвать такие исторические памятники, как Пасаргады — первая столица империи Ахеменидов; Персеполь — столица названной империи после 520 г. до н.э.; известный археологический объект Бисотун, считающийся одним из крупнейших эпиграфических памятников древности, и др.

Все названные памятники наряду с еще 18 памятниками в Иране внесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Включенные в данный лист объекты выбраны по культурным критериям, а девять из них признаны шедеврами человеческого гения¹⁷⁶. Такое богатое историческое наследие привлекает внимание иностранных туристов, и по статистике Всемирной туристической организации (англ. *United Nations World Tourism Organization; UNWTO*) Иран с 2014 г. входит в топ-50 стран мира по привлекательности для зарубежных туристов¹⁷⁷.

Язык. Персидский язык считается одним из 10 древнейших языков мира. Сегодня он под разными названиями является официальным языком в трех странах: фарси в Иране, дари в Афганистане и таджикский в Таджикистане. Он оказал большое влияние на другие иранские языки. В некоторых регионах, например в странах бассейна Индийского океана, персидский язык долгое время выступал в качестве *lingua*

franca [Алиев, 2002: 284]. Исторически персидский язык был официальным и самым распространенным языком на территории Центральной Азии, даже когда у власти находились представители неиранских династий. Как отмечает Е. Гладкова, «на этом языке написаны блистательные литературные произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы. Имена великих поэтов, творивших на фарси, известны любому, кто хоть немного знаком с мировой литературой. Это Рудаки, Фирдоуси, Низами, Омар Хайям, Саади, Хафиз, Джами и многие-многие другие» [Гладкова, 2001].

Согласно *Ethnologue*, известному справочнику по языкам мира, который выпускается организацией *SIL International*, сегодня на персидском языке говорят более 70 млн человек (с учетом персоязычных таджиков в Таджикистане, Афганистане и других странах)¹⁷⁸. По популярности в сети Интернет (по количеству контента) персидский занимает 12-е место в мире¹⁷⁹. Такая широкая география распространения персидского языка и число его носителей позволяют Ирану говорить со многими странами и народами на одном языке и распространять свою культуру [Дирахши, Гаффари, 2012]. По словам иранского посла в России Мехди Саная, «обучение персидскому языку является главным фактором расширения отношений иранцев с народами мира для представления одной из самых древних человеческих цивилизаций»¹⁸⁰. Эксперты отмечают, что на региональном уровне в завоевании культурного превосходства руководство ИРИ отводит персидскому языку и персидской литературе одну из ключевых ролей. Об этом, в частности, говорится в программном документе Центра по распространению персидского языка (*перс. Марказе гостареше забане фарси*) [Каменева, 2007: 29–33].

Политическая система. С формированием политического ислама в Иране одной из основ «мягкой силы» Ирана стала политика экспорта исламской революции. Тогдашний Высший лидер Ирана Рухолла Хомейни призывал к тому, чтобы опыт революции в Иране стал образцом для других стран, отвергая при этом насильственные методы экспорта революции. Привлекательность иранской модели исламской революции обеспечивал ряд принципов — от поддержки борьбы за независимость и освободительных движений до принципа защиты угнетенных народов (*мостадафин*) независимо от религиозной и национальной принадлежности [Сайиди, Мукадамфар, 2015]. Известный лозунг исламской революции «*На шарги, на гарби — чомхориш эслами!*» («Ни Запад, ни Восток — исламская республика!»), ставший впоследствии «одной из концептуальных основ внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран в условиях биполярной системы между-

народных отношений» [Вартанян, 2006: 94], тоже обеспечивал Ирану авторитет на международной арене, особенно среди стран мусульманского мира и освободившихся от колониального ига государств Латинской Америки и Африки.

Как отмечает О. Леонова, «героическое сопротивление давлению США, стойкость в перенесении экономической и политической блокады, политика открытого противостояния Западу вызывает сочувствие и симпатию многих стран третьего мира... Статус «жертвы» агрессии западного мира Иран смог конвертировать в свою «мягкую силу» [Леонова, 2014]. Однако политическая система Ирана, основанная на шиизме, в сфере «мягкой силы» сталкивается со значительными ограничениями. Принципы внешней политики Ирана часто вызывают недоверие со стороны его соседей — суннитских государств Персидского залива, а также западных держав, которые считают стремление Ирана поддерживать освободительные движения на Ближнем Востоке терроризмом. Поддержка Палестины, хотя и сформировала положительный имидж Ирана даже среди его традиционных исторических соперников по региону, тем не менее «не принесла поддержки... его политике из-за живучести у соседей глубоких антиперсидских и антишиитских корней» [Зинько, 2009].

В Центральной Азии, с которой у Ирана имеются тесные историко-культурные связи, а в случае с Таджикистаном — еще и историческая, этническая и языковая общность, иранская «мягкая сила» тоже не носит всеобъемлющего или постоянного характера. Названный регион считается сложным для оказания влияния, так как «характеризуется наличием древних культур и традиций, незнание которых может повлечь результат, прямо противоположный ожидаемому» [Лебедева, 2014]. Конечно, в случае с Ираном вряд ли стоит говорить о незнании подобного рода. Проблема, как отмечают эксперты, лежит в плоскости идеологии. Светские режимы региона опасаются религиозной основы власти в Иране [Плотников, 2016] и угрозы исламского фундаментализма со стороны этого государства. Эти опасения оказываются переоцененными, так как после распада СССР религиозная активность светской Турции в регионе была в разы выше, «причем не только со стороны негосударственных религиозных турецких организаций» [Мамедова, 2003: 19].

Ирану придется вести гибкую и осторожную политику в регионе, чтобы не подорвать исторический потенциал своей «мягкой силы». Практика показывает, что даже близкий Ирану в этнокультурном плане Таджикистан тоже не приемлет некорректные политические шаги Ирана. Так, в декабре 2015 г. внешнеполитическое ведомство Таджи-

кистана выразило протест иранскому послу по причине приглашения на одну конференцию в Тегеран лидера запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) М. Кабири, предупредив, что этот шаг может негативно сказаться на добрых взаимоотношениях двух государств. Возмутились и в Комитете по делам религии Таджикистана, представитель которого заявил, что «Иран всегда говорит о Таджикистане как о братской стране с единой верой и культурой. Тогда как можно понять, уважают ли они законодательство и позицию своей братской страны»¹⁸¹.

Опасны и политизированные паниранистские идеи. Ярким примером служит предвыборная программа кандидата в президенты Ирана Саид Мохаммад Гарази в 2013 г., когда тот пообещал, что в случае победы на выборах вернет Ирану «земли “великой Персии” — Таджикистан, Армению и Азербайджан»¹⁸². МИД Таджикистана очень жестко отреагировало на эти заявления, расценив слова Гарази как «высказывания интригана, невежды, неосведомленного человека, не владеющего реалиями происходящего, нынешней ситуацией в регионе и мире, а также системой международного права»¹⁸³.

Вышесказанное говорит о важности прагматических шагов во внешней политике, которые могут сохранить хорошие историко-культурные связи Ирана со странами Центральной Азии. Это относится и к Ближневосточному региону, где распространение радикальной исламской идеологии, отвергающей шиизм, становится вызовом не только для «мягкой силы» и публичной дипломатии Ирана, но и для его национальной безопасности и территориальной целостности [Джафарарчманд, 2016]. В таком региональном контексте «мягкая сила» Ирана по своей географии представляется фрагментарной — она в основном ощущается в тех странах, где проживает шиитское население или имеются традиционно хорошие отношения с Ираном. Попытки же Ирана вмешиваться в межконфессиональные споры или решать их по-своему могут оказаться опасными, об этом говорил Дж. Най в одном из своих интервью изданию *Iran view* в 2015 г.¹⁸⁴

Конечно, наличие источников «мягкой силы» не говорит о возможности ее автоматического применения на прикладном уровне. Операционализация в этом контексте требует финансовых вложений и систематической практической работы реактивного и проактивного характера. Иран имеет хороший потенциал в сфере «мягкой силы», однако существуют ограничения, препятствующие полноценному превращению этого потенциала в инструмент практической политики. В преодолении таких препятствий на современном этапе Иран активно использует ресурсы и возможности своей публичной дипломатии.

Публичная дипломатия Ирана на современном этапе

Термин «публичная дипломатия», в отличие от практики в этой области в современном его понимании¹⁸⁵, не имеет богатой истории в Исламской Республике Иран. Как официальное направление иранской дипломатии, институционализация публичной дипломатии началась несколько лет назад, когда в Министерстве иностранных дел Ирана был учрежден Центр публичной и медиадипломатии (*англ. Spokesman & Head of the Center for Public and Media Diplomacy*), который возглавляет официальный представитель ведомства [Джаводи, Исмаили, 2012].

Отсутствие институционализации публичной дипломатии Ирана до появления названного Центра можно объяснить следующими причинами:

- во-первых*, деятельность публично-дипломатического характера в Иране всегда отличалась высоким уровнем этатизма;
- во-вторых*, незаметной оставалась роль иранских негосударственных акторов (НПО, бизнес, экспертное сообщество) ввиду нехватки у них соответствующего опыта и отсутствия поддержки со стороны правительства;
- в-третьих*, существовавшие исследования в академических кругах по публичной дипломатии, а их было немало, не принимались всерьез со стороны практиков и не становились основой практической деятельности [Джаводи, 2015];
- в-четвертых*, не было понимания в распределении ролей по осуществлению публичной дипломатии в рамках государственных ведомств и общественных организаций.

Появление в структуре иранского МИД названного Центра нельзя назвать поворотным моментом во внешней политике Ирана в сфере публичной дипломатии. Вряд ли стоит ожидать, что она станет более народной или общественной. Однако значимость учреждения такой структуры в рамках МИД страны говорит о том, что в Иране наступило понимание важности поддержки и сотрудничества с негосударственными акторами в осуществлении публичной дипломатии¹⁸⁶. Создание Центра стало началом работы по координации и согласованию общей линии во внешней политике в сфере публичной дипломатии, что позволит объединить усилия государственных институтов, НПО, бизнеса в «мягком» продвижении иранской внешней политики.

Стоит также отметить, что до появления вышеназванного Центра Иран активно занимался публично-дипломатической деятельностью по всем трем измерениям, которые выделяет британский исследователь М. Леонард, — реактивное, проактивное и установление отношений [Leonard, Stead, Smewing, 2002]. Важнейшую роль в этом деле, как отмечают эксперты, играла и продолжает играть государственная телерадиокомпания Исламской Республики Иран, название которой с персидского языка переводится как «Голос и образ Исламской Республики Иран» (англ. *Islamic Republic of Iran Broadcasting — IRIB*) [Tiedeman, 2005].

Бывший официальный представитель МИД Ирана Марзия Афхам, первый глава Центра публичной и медиадипломатии, определила задачи, поставленные перед этим структурным подразделением иранского внешнеполитического ведомства, таким образом:

- понимание и раскрытие потенциала публичной дипломатии Ирана, поиск и нахождение оптимальных методов формирования положительного имиджа страны в глазах зарубежной общественности;
- координирующая роль в осуществлении культурной дипломатии Исламской Республики многочисленными иранскими культурными центрами за рубежом;
- поддержка общественных, негосударственных организаций, цели которых совпадают с народной дипломатией Ирана;
- использование ресурсов СМИ для улучшения представлений об Иране и информирования международного сообщества о его политике¹⁸⁷.

Как видно из слов первого главы иранской публичной дипломатии, задачи, стоящие перед публичной дипломатией Ирана, являются классическими и характерны для данного направления дипломатии и других государств. Однако иранская политическая система и его внешняя политика опираются на революционную идеологию, и ее принципы и лозунги, естественно, влияют и на публично-дипломатическую деятельность Ирана. Этот институт во многом становится инструментом распространения идей как исламской, так и вообще революции, в том смысле, в котором это понимается в Иране. Хотя, справедливости ради, отметим, что на нынешнем этапе внешняя политика Исламской Республики стала менее идеологизированной, а концепция экспорта исламской революции уступает место взвешенному и прагматичному подходу [Хандогин, 2011].

Концепция «экспорта революции» в публичной дипломатии Ирана

В Конституции Ирана большое внимание уделяется концепции «экспорта исламской революции». Эта политика, согласно основному закону, носит транснациональный, глобальный характер. Руководство исламской революции и законодатели Ирана видят целью экспорта исламской революции пропаганду исламских ценностей (в регионах, где есть адресаты-мусульмане), ценностей революции (везде, где угнетенные народы борются с внутренними и внешними угнетателями) [Сутуда, 2007: 112]. Иран себя обозначает как *идеократическое государство* — «государство, которое не преследует во внешней политике эгоистические национальные интересы, а стремится распространить свою идеологию как можно шире» [Имаков, Семедов, 2010]. Практическую реализацию названной политики логично связать с сущностью феномена публичной дипломатии, так как в классическом понимании для нее распространение информации и «транснациональный поток идей» служит центральным моментом.

Официальная дипломатия Ирана, в сущности, является идеологизированной, она не ограничивается правовыми, формальными рамками. Иран преследует цели экспортировать революцию не только в исламском мире. В своей конституции он выражает готовность поддерживать «справедливую борьбу угнетенных против угнетателей во всем мире»¹⁸⁸. Именно на распространение таких идей, на формирование положительного отношения к принципам революции и направлена публичная дипломатия Ирана [Дехшири, 2009]. Однако экспорт революции через силу и насилие не признается. Основатель Исламской Республики Р. Хомейни призывал экспортировать исламскую революцию с помощью слов (пропаганда), а не меча. Он, отвергая идеологию терроризма и методы, которые используют террористы, считал терроризм человеконенавистнической идеологией, противоречащей разуму и здравому смыслу. По его словам, отсутствие логики, чувства слабости, акцент на использование насилия — это черты терроризма, стремящегося к достижению своих политических и иных целей [Хомейни, 1989].

Нынешний Высший руководитель ИРИ Сейид Али Хаменеи придерживается аналогичного мнения. Он уверен, что терроризм на основе идеологии такфиризма-джихадизма является не чем иным, как убийством невинных людей, зверством и разжиганием религиозного мира с политическими мотивами. На критику некоторых стран, обвиняющих Иран в пособничестве терроризму, он отвечает, что поддерж-

ка Ираном экспансии исламской революции не означает применения иранских вооруженных сил и поощрения терроризма. Такая поддержка означает поощрение распространения учения об исламской революции, об особенностях идеи защиты *мостадифин* (обездоленных, угнетенных) [Фатхи, 2015].

Примечательно, что после террористической атаки в Париже в ноябре 2015 г. Высший руководитель Ирана написал письмо молодежи Запада. Этот шаг вполне можно назвать актом публично-дипломатического характера, так как письмо было адресовано не правительству, а обществу — в данном случае его молодому поколению. В названном письме Рахбар Ирана называет терроризм «общей болью», подчеркнув страдания мусульман от этой опасности и обвинив США и их союзников в пособничестве терроризму и в проведении политики двойных стандартов. Он пишет, что «до тех пор, пока в политике Запада будут господствовать двойные критерии, до тех пор, пока терроризм в глазах их крупных покровителей будет разделяться на хороший и плохой, и до тех пор, пока интересам правительств будет отдаваться предпочтение над гуманными и нравственными ценностями, не следует искать корни насилия в другом месте» [Письмо Хаменеи, 2015]. Выражая уважение культурному взаимодействию, он тем не менее отмечает опасность культурной экспансии Запада и выражает удивление: «В чем наша вина, если мы не хотим культуры вражды, разврата и избегающую осознания? Мы будем виноваты, если остановим разрушающий сель, который направлен в сторону нашей молодежи в виде всякого рода продукции псевдоискусства?!» [Письмо Хаменеи, 2015].

Корни террористической группы ИГИЛ он видит тоже в безуспешной попытке импорта чужой и вредной культуры, иначе, по его словам, «как могли из самой нравственной и гуманной религиозной школы мира, которая в своем основополагающем положении приравнивает убийство одного человека к уничтожению всего человечества, появиться такие отбросы, как ИГИЛ?». В конце своего письма он призывает молодежь западных стран к правильному пониманию ислама, к взаимоуважению, как это было в прошлом, когда «западные страны стали гостями на земле Ислама и позарились на богатства хозяина дома, ...воспользовались делами и идеями мусульман, за исключением незначительных случаев, они встречали лишь любовь и терпение» [Письмо Хаменеи, 2015].

Ненасильственный экспорт революции, согласно идеологам исламской революции, должен осуществляться с помощью:

- моральной поддержки освободительных движений;
- формирования положительного отношения к иранской революции как к идеальной модели революции в глазах адресатов;

- глобальной пропаганды ценностей революции против внутреннего и внешнего угнетения;
- распространения ценностей, принципов и культуры исламской революции в мусульманских государствах [Пурахмади, 2011: 161].

В плоскости публичной дипломатии политика «экспорта революции» проводится разными способами. В этом деле большую роль играют организация конференций как в Иране, так и за его пределами, которые финансируются Организацией культуры и исламских связей. Так же активно работают духовные школы и Международный университет «Аль-Мустафа». Последний видит свою задачу в интеллектуализации, иммунизации и социализации ислама, и, как отмечают специалисты, благодаря такой постановке приоритетных целей в Иране практически преодолены проблемы, «порождающие терроризм, а именно проблемы, конкретно связанные с деинтеллектуализацией, радикализацией и политизацией ислама»¹⁸⁹. Если рассматривать Международный университет «Аль-Мустафа» как инструмент публичной дипломатии Ирана, то, имея филиалы в более 60 странах мира, в которых обучаются студенты примерно 100 национальностей, его деятельность способствует не только популяризации иранского образования (в основном философско-религиозного), но и борьбе с деструктивной идеологией радикального ислама и политизацией этой религии.

В этом контексте следует упомянуть и работу Всемирной ассамблеи исламского пробуждения (ВАИП). Сам феномен «исламское пробуждение» и его распространение по всему миру на нынешнем этапе аятолла Хаменеи связывает с влиянием исламской революции в Иране¹⁹⁰. ВАИП появилась после первой Международной конференции исламского пробуждения в Тегеране в 2011 г., в которой приняли участие представители 80 государств. Значение данного формата диалога заключается не только в том, что он используется Ираном для позиционирования себя как защитника ценностей ислама, поборника угнетенных народов, а также для распространения идей революции. Конференция собирает религиозных деятелей разных ветвей ислама, создает общую площадку для диалога и обмена мнениями в деле борьбы с деструктивной идеологией исламских радикалов, что является одним из «мягких» аспектов борьбы с экстремизмом и терроризмом. Последние встречи ВАИП проходили в октябре 2016 г. в Багдаде и в декабре того же года в иранской столице, городе Тегеране. Тематика последних заседаний ВАИП была связана с событиями на Ближнем Востоке,

и участники мероприятия старались «показать истинное лицо ислама, к которому не относятся экстремисты»¹⁹¹.

Еще одним институтом, продвигающим иранское видение справедливости и справедливого мира (*just peace*), является Всемирный исламский форум по вопросам мира (*Islamic World Peace Forum — IWPF*). Являясь неправительственной организацией, *IWPF* считает своими задачами следующие:

- развитие исследований по вопросам мира среди государств и международных организаций, НПО;
- развитие контактов между разными народами, культурами, религиями;
- налаживание сотрудничества со специалистами и элитами разных стран по вопросам мира;
- предложение международным организациям наподобие ООН консультации по улучшению правил, процедур, тенденций, имеющие отношение к миру и справедливости¹⁹².

Всемирный исламский форум по вопросам мира проводит регулярные научные конференции национального, регионального и глобального уровней, организывает выставки и образовательные курсы, связанные с проблемами безопасности. Например, первая конференция была проведена в Тегеране под названием «Ислам — жертва терроризма», через два года организация провела международную конференцию уже в столице Австрии, в Вене, под названием «Справедливый мир, общий глобальный дискурс». С такой же тематикой были проведены конференции в Дели, Оттаве, Стамбуле. По результатам конференций издаются сборники, последний такой сборник «Глобальный альянс против терроризма за справедливый мир» был опубликован в 2012 г.

Деятельность Всемирного исламского форума по вопросам мира можно рассматривать как работу одного из инструментов публичной дипломатии Ирана в контексте борьбы с деструктивной идеологией современного терроризма. Она кажется важной особенно на фоне сегодняшней недооценки специалистами психолого-идеологического аспекта антитеррористической стратегии [Лебедева, 2015]. Инструментарии публичной дипломатии в лице НПО как раз очень удобны для пропаганды правильного понимания религии и достижения консенсуса среди религиозных деятелей, экспертов в области безопасности.

Хотя политика экспорта «исламской революции» — одно из главных направлений внешней политики Ирана, тем не менее Исламская Республика сегодня больше руководствуется соображениями прагматизма. Сама концепция «экспорта исламской революции» во многом стала интерпретироваться как «экспорт исламской культурной револю-

ции». По поводу новой интерпретации основополагающей концепции внешней политики ИРИ первый Высший руководитель страны Р. Хомейни говорил, что экспорт революции не стоит воспринимать как покорение стран. Такая политика «ставит перед собой цель довести до сведения всех людей на земле правду о революции Ирана и ознакомить с ее принципами» [Дружиловский, 2017].

Публичная дипломатия Ирана: культурно-образовательное направление

В Иране многие практики ставят знак равенства между публичной дипломатией и культурной дипломатией, считая их синонимами. Именно культурная дипломатия, по мнению иранских исследователей, служит лучшим инструментом упрочения «мягкой силы» Тегерана, так как культура в отличие от политики и идеологии в зарубежных обществах вызывает меньше противодействия. Культурная дипломатия в этой связи рассматривается ими в двух измерениях: *информирование* зарубежной общественности о культуре Ирана и *знакомство* с культурой страны адресата [Додандиш, Ахади, 2011].

Для осуществления вышесказанного Иран прибегает к использованию имеющихся культурных институтов. Нужно отметить особую роль Организации культуры и исламских связей (ОКИС). Основная деятельность Ирана в сфере публичной дипломатии в ее культурном измерении осуществляется через этот институт, который руководит и управляет международной культурной политикой Ирана. Центр публичной и медиадипломатии иранского МИД выступает для ОКИС в качестве консультативного партнера. Устав ОКИС провозглашает целью организации формирование и развитие понимания и доверия в отношении ислама, исламской революции, культуры Ирана на международной арене. Важнейшей задачей считается развитие культурных связей с разными народами мира для формирования общего языка диалога и сотрудничества, распространения правильного понимания принципов ислама и идей исламской революции¹⁹³.

Кратко основные направления культурно-образовательной дипломатии Ирана на примере ОКИС можно представить следующим образом:

- культурная дипломатия: персидская музыка, кинематография, персидская каллиграфия, живопись, литература;
- религиозная философия: религиозные мероприятия, конкурсы чтецов Корана, публикация книг о шиизме, религиозные лекции;
- организация курсов и преподавания персидского языка;
- иранские образовательные программы.

В настоящее время по всему миру работает более 50 культурных представительств Ирана (часто их называют иранскими культурными центрами). Например, в России официально такое представительство работает с 1999 г., видя свои задачи в презентации современного Ирана, в частности в знакомстве с основами и достижениями этой республики, с ее государственным строем. Оно подписывает соглашения о сотрудничестве с российскими государственными, религиозными, научными и культурными центрами, проводит научные форумы и международные конференции, организывает недели иранской культуры и кино, различные выставки в Москве и других городах России, сотрудничает в сфере туризма и СМИ. Занимается представительство и образовательными аспектами и популяризацией фарси — государственного языка Ирана. Организуются курсы изучения персидского языка, проводятся олимпиады по этому языку, предоставляется возможность стажировки в Иране для студентов и курсы повышения квалификации для преподавателей, издаются книги и журналы на русском языке.¹⁹⁴ Работают и другие связанные с ОКИС фонды и организации, например Международный фонд иранистики, созданный для развития научно-культурного диалога между Россией и Ираном: «установления связей между высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими центрами, оказания поддержки российской иранистике, формирования представлений о культуре и цивилизации Ирана»¹⁹⁵.

Необходимо отметить культурно-образовательную деятельность Ирана в Центральной Азии, которая является близкой иранцам в плане культуры, языка и религии. В этом регионе Иран тоже уделяет большое внимание распространению персидского языка, литературе, а также старается сформировать правильное представление об Иране и его политике на современном этапе, преодолев антииранскую пропаганду других государств в регионе. Иранские специалисты признают, что в регионе они уступают в сфере публичной дипломатии другим державам (Россия, США, Турция), поэтому предлагают быть предельно прагматичными, активнее задействовать фактор историко-культурной общности Ирана с регионом, использовать возможности неправительственных организаций в продвижении бизнеса и иранских интересов в Центральной Азии [Azadi, Maghsoodi, Mehrpouyan, 2015].

Важное место в публичной дипломатии Ирана занимают образование и обмены в этой сфере. Здесь нужно упомянуть роль образовательных учреждений Исламской Республики. Например, в Международном университете «Аль-Муштафа» на настоящий момент проходили обучение около 35 тыс. студентов из более 108 стран мира. Более 16 тыс.

из них уже закончили обучение и вернулись в свои страны, приступили к работе в образовательных, исследовательских или культурных центрах. Нынешний студенческий контингент университета «Аль-Мустафа» составляет 18 тыс., из которых 8 тыс. учатся за пределами Ирана в зарубежных филиалах университета, его школах и колледжах¹⁹⁶. Для тех, кто по разным причинам не может приехать в Иран, создан «Виртуальный открытый университет “Аль-Мустафа”», представляющий для своих студентов обширный набор курсов, в том числе и на русском языке.

Активно развивается международное сотрудничество Университета им. Имама Хомейни, Исламского университета «Азад», Тегеранского университета. В последнем учатся свыше 1000 иностранцев из разных стран мира. Исламский университет «Азад» считается крупнейшим негосударственным вузом на Ближнем Востоке (число обучающихся около 1,35 млн человек). Университет имеет более 350 филиалов в Иране и за рубежом (ОАЭ, Великобритания), в которых учится и работает около 31 тыс. человек.

После объявления инициативы президента Ирана Х. Рухани об интернационализации деятельности иранских университетов в 2013 г. Тегеран начал активно развивать международное образовательное сотрудничество с самыми разными странами, даже с Соединенными Штатами, с которыми в этой сфере существовали значительные ограничения [Obst, Banks, 2015]. Министерство науки, исследования и технологии Ирана предлагает стипендии для граждан Афганистана, Пакистана, стран Западной Африки и планирует увеличить число таких грантов для граждан других государств¹⁹⁷.

Культурно-образовательная дипломатия Ирана имеет солидный потенциал. Она, как можно понять из деятельности иранских культурных представительств и университетов, довольно щедро финансируется государством. Оценить эффективность публичной дипломатии в названной сфере, конечно, сложно, так как она имеет стратегический, долгосрочный характер. Однако Ирану необходимо следовать гибкой стратегии в осуществлении культурной и образовательной политики на международной арене, не акцентировать большое внимание на религиозно-идеологических вопросах, которые в отдельных странах могут вызвать неодобрительное отношение к культурной и образовательной политике страны. Тегерану нужно активнее развивать научно-образовательные связи с разными странами, увеличить число иностранных студентов, которых в 2015 г. в стране было свыше 35 тыс.¹⁹⁸, популяризовать научные достижения иранских специалистов и исследователей, которые порой ничем не уступают мировым примерам, но должным

образом не освещаются [Демиденко, 2014; Евстратов, 2012]. На этом направлении важную роль играет другая сторона публичной дипломатии Ирана — ее информационное измерение.

Информационное измерение публичной дипломатии Ирана

В современной публичной дипломатии информационное измерение имеет ключевое значение. Именно через него адресатам передаются необходимые послы, его возможности используются для информирования зарубежной общественности о политике и формировании положительного имиджа государства-адресанта. Развитие технологий, которое наблюдается на данном этапе, дает государствам и другим институтам, занимающимся публичной дипломатией, дополнительные инструменты для достижения поставленных целей. Активно используются площадки социальных сетей, где много времени проводит молодое поколение, которое представляет собой стратегическую аудиторию публичной дипломатии.

Новые формы общения с зарубежным обществом с использованием медиатехнологий активно используются и Ираном, что выводит на качественно новый уровень усилия этого государства по широкому распространению своего влияния и ценностей на международной арене [Pahlavi, 2012]. Опыт использования ресурсов Интернета, который превратился в новый канал реализации внешнеполитических задач Ирана, у страны имеется. В период президентства М. Хатами, который сам был главным антишахским пропагандистом, а потом и начальником управления пропаганды и культуры вооруженных сил Исламской Республики, роль Интернета сильно возросла. Известная идея М. Хатами «диалог цивилизаций», выдвинутая в противовес хантингтоновской теории «столкновение цивилизаций», довольно «активно и эффективно распространялась через СМИ, научные и культурные центры за рубежом и с помощью глобальных СМИ» [Зинько, 2009].

Международное радио- и телевидение стало одним из важнейших инструментов иранской публичной дипломатии. В феврале 2009 г. Иран запустил в космос спутник «Омид» («Надежда»), являющийся по назначению коммуникационным. В 2015 г. на орбиту был выведен уже четвертый спутник, что повышает инфокоммуникационные возможности Тегерана в лице государственной вещательной организации «Голос и образ Исламской Республики Иран» (*англ. Islamic Republic of*

Iran Broadcasting — IRIB). Международное информационное пространство, с точки зрения IRIB, представляет собой «поле битвы», на котором разворачиваются «интенсивные медиавойны». Усилия государств здесь направлены на завоевание *умов* и *сердец* людей через радикальные изменения в культуре и образе жизни слушателей и зрителей¹⁹⁹. Отмечается, что характерной чертой современных массмедиа является «транснациональный поток информации, нарушающий географические и культурные границы». Эти потоки управляются западными странами, которые часто направляют их на культурное преобразование в независимых государствах, особенно в Иране, что и определяет ключевую роль *IRIB* в «укреплении культурной солидарности, национальной идентичности и противодействии деструктивных информационных волн»²⁰⁰.

IRIB начала международное вещание в 1997 г. на персоязычном канале *Jame Jam TV* и многоязычном *Sahar TV*. Первый в основном вещает на диаспору, пропагандируя иранскую исламскую культуру и культурно-цивилизационное наследие Ирана²⁰¹. Изначально *Jame Jam TV* имел три канала: *IRIB1* (Европа, Ближний Восток), *IRIB2* (Европа, Северная Америка), *IRIB3* (Ближний Восток, Азия, Океания и Австралия), но в 2015 г. все они были объединены в один канал. *Sahar TV* вещает на английском, французском, курдском, боснийском, урду и азербайджанском языках. Созданный на его базе арабоязычный *Al Kawthar TV* направлен на аудитории Ближнего Востока и Северной Африки. Телеканал предлагает религиозно-культурные программы и освещает политические дискуссии. Арабоязычный канал *Al-Alam*, созданный Ираном в 2003 г. во время американской интервенции в Ираке. Широкую международную известность телеканал получил за подробное освещение ливанской войны в 2006 г., пленение британских моряков в территориальных водах Ирана в 2007 г., протестные движения в Бахрейне в 2011 г. Канал неоднократно закрывался или подвергался хакерским атакам в ряде арабских стран. Эксперты выражают мнение, что «Аль-Алам» был создан Ираном для борьбы с США за *умы* и *сердца* иракского общества, а также Ливана и Палестины, однако впоследствии телеканал стал инструментом противодействия политическому влиянию Саудовской Аравии в регионе [Dajani, 2007].

В июле 2007 г. Иран запустил свой первый международный англоязычный канал *Press TV*. Главная цель канала заключается в противодействии западным и региональным СМИ, очерняющим имидж Ирана, в борьбе с антииранской пропагандой и предоставлении поддержки

угнетенным во всем мире [Зинько, 2009]. Телеканал, несмотря на заявления о своей независимости (хотя он финансируется правительством Ирана), часто становится объектом критики на Западе за «антисемитизм», «антиамериканизм», «деструктивные фантазии» [Cohen, 2011], за исключительную пропаганду позиции официального Тегерана [Murga, 2012] и т.д. В июле 2013 г., наряду с другими иранскими телеканалами, *Press TV* был удален с нескольких европейских и американских спутников, однако *IRIB* удалось возобновить вещание путем заключения соглашений с небольшими компаниями, базирующимися в других странах. На настоящий момент на базе *Press TV* функционируют телеканалы *Hispan TV* (на испанском языке) и *iFilm* (на английском, арабском и персидском языках). Последний — культурно-развлекательный канал, предлагающий своим зрителям иранские художественные и документальные фильмы, сериалы, обзоры и программы об Иране.

Несмотря на то что радио больше не является самым популярным средством передачи и получения информации, тем не менее современное радиовещание, адаптируясь к потребностям слушателей и технологическим новациям, до сих пор остается актуальным информационным инструментом. В иранской международной информационной политике важную роль играет и радиовещание, управляемое *IRIB World Service*. Международное мультязычное радио «Голос Исламской Республики Иран», которое в 2016 г. изменило свое название на *Pars Today*, осуществляет передачи на 30 языках, в том числе на русском²⁰². Деятельность англоязычной службы радио часто западными специалистами рассматривается не как *публичная дипломатия*, а как иранская *пропаганда*. Американцы особенно отмечают позицию 60-минутной программы «Голос справедливости» (*Voice of Justice*), которая позиционирует себя как «кампания против интервенционистской политики США» [Tiedeman, 2005]. Арабоязычный «Голос Палестины» направлен на население стран Леванта — Ливана, Сирии, Израиля, Иордании. Специально на израильскую аудиторию с 2001 г. на иврите вещает «Голос Давида» с целью «формирования правильного представления у израильтян об оккупационной политике Израиля на палестинской земле».²⁰³ Однако израильские специалисты на основе анализа передач и информации на сайте радиостанции выражают сомнение в способности такой публичной дипломатии Ирана оказать влияние на общественное мнение в Израиле [Shlomi, 2013].

В контексте информационного измерения публичной дипломатии Ирана следует отметить и роль информационных агентств. Наиболее крупными из них, охватывающими полный спектр новостей и интер-

вью, можно назвать ИРНА, «Фарс», «Мехр», «Тасним». Они готовят аналитические обзоры, комментарии, видеозаписи событий. Все названные информагентства являются многоязычными (в основном английский, арабский, турецкий языки). ИРНА, функционирующее с 1979 г. как официальное информагентство, созданное на базе старейшего в регионе агентства *Pars* (1934), доступен и на русском языке. Основные задачи данных агентств — как старого ИРНА и совсем молодого «Тасним» (2012), так и частного «Фарс» — заключаются «в защите национальных интересов Ирана, противодействии негативной пропаганды против Ирана, информировании внешней и внутренней аудитории о политике страны»²⁰⁴. *Мехр* тоже видит свою задачу «в обеспечении общественности правильной и оперативной информацией»²⁰⁵. Данное информагентство подчинено Организации исламской пропаганды, образованной в 1981 г. с целью экспорта культуры революции «не силой, а с помощью ручки, слова, пропаганды, искусства, издания книг на различных языках» [Гасеми, 2013].

Все вышеназванные информагентства обладают довольно широким международным корреспондентским представительством и составом, большим количеством заключенных соглашений о сотрудничестве с известными международными новостными агентствами, что повышает их конкурентоспособность на региональном информационном поле.

Значительную роль в реализации заданий на публично-дипломатическом фронте играют иранские интернет-ресурсы, рассчитанные на международную аудиторию, а также сайты, страницы официальных представительств Ирана в социальных сетях государств пребывания. Модным трендом и площадкой общения и выражения мнения становятся личные страницы высших политических руководителей в социальных сетях и микроблоггах. Так, *Facebook*, *Twitter* и *Instagram* пользуются как Высший руководитель Ирана А. Хаменеи, так и президент Х. Рухани и министр иностранных дел Дж. Зарифи. На страницу Высшего Рахбара Ирана подписан 1,3 млн человек, у иранского президента почти 1 млн фолловеров, а за страницей главного дипломата Исламской Республики регулярно следят более 1 млн подписчиков. Цифры с подписчиками в двух других социальных сетях тоже внушительны²⁰⁶, что позволяет иранским лидерам «в неформальной форме» обращаться к широкой международной аудитории и зарубежным обществам с заявлениями, отражающими официальную позицию Ирана.

Таким образом, цифровая дипломатия играет одну из главных ролей в системе публичной дипломатии Ирана. Иранцы научились использовать последние достижения техники и виртуального простран-

ства для продвижения своей внешнеполитической линии. Важный момент — наличие собственных технологий и специалистов, что служит результатом продолжительных международных санкций против Тегерана. Отметим также использование Ираном многообразного информационного инструментария и работу, в отличие от соседних государств, в широком языковом спектре. Конечно, на данный момент оценить влияние информационных стратегий публичной дипломатии Ирана на общественное мнение в целевых государствах, в том числе в арабском мире, представляется затруднительным. Опросы общественного мнения в арабских странах, проведенные западными институтами, показывают рост недоверия к Ирану и его информационным инструментам. Так, во время опроса Института Зогби (*Zogby Institute*) в 2011 г. в арабском мире, а также в Пакистане, Турции и Азербайджане большинство опрошенных выразили негативное отношение к Ирану. Респонденты связывают такое отношение к Тегерану с политикой последнего в отношении Сирии, Ирака и государств Персидского залива, а также с вмешательством в дела шиитских общин Бахрейна, Йемена, Саудовской Аравии²⁰⁷. Даже после решения атомной проблемы Ирана, согласно данным известного американского института опросов общественного мнения *Pew Research Center* (2015), отношение к Ирану остается негативным. Из 40 государств в 31 к Ирану отнеслись отрицательно [Zainulbhai, Wike, 2015]. Проведенный *Al-Jazeera Center for Studies* опрос среди арабских интеллектуалов в 2016 г. тоже показывает негативное отношение этой категории общества к Ирану, большинство из которых выразили мнение, что Иран «эксплуатировал палестинский вопрос для получения влияния в арабском мире и этот дискурс Тегерана себя уже дискредитировал» [Bakeer, 2016].

Безусловно, недовольные Ираном и его внешней политикой есть как в арабском мире, так и в других странах. Однако рост недоверия в регионе названные опросы показывают и к политике западных стран, в частности США. Можно ли доверять опросам среди небольших сегментов общества со стороны институтов (пусть и именуемых независимыми), представляющих государства — геополитические конкуренты Ирана в регионе? Не является ли это публичной дипломатией этих государств, которая направлена на дискредитацию Ирана? Вопрос остается открытым, а информационное направление иранской публичной дипломатии тем не менее не только продолжает работать в традиционных регионах, но и расширяет свое присутствие в других.

ВЫВОДЫ

Исламская Республика Иран — один из самых активных игроков в сфере публичной дипломатии в регионе Ближнего Востока и один из значительных на международной арене. На основе анализа «мягкой силы» этой страны, ее публичной дипломатии и роли этого института в ее внешней политике можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Иран обладает хорошим потенциалом «мягкой силы» с учетом его культурно-цивилизационного наследия, которое является общим для всех иранских народов и близким для многих стран — от Индийского субконтинента до Персидского залива. Традиции, праздники, народные ремесла, персидский язык связывают Иран со многими народами, формируя возможность для налаживания диалога и распространения современной иранской культуры.

Во-вторых, политическая система Ирана, его революционный опыт и позиционирование себя как защитника всех угнетенных народов сыграли важную роль в упрочении «мягкой силы» Исламской Республики, однако идеологизированность ее политики вызывает недоверие и осторожность во многих, даже близких по этнокультурному признаку государствах.

В-третьих, публичная дипломатия становится одним из ключевых инструментов достижения внешнеполитических целей Ирана. Этот феномен из теоретико-исследовательской плоскости перешел на уровень практики, что нашло отражение в учреждении МИД Ирана Центра публичной и медиадипломатии. Хотя институты публично-дипломатического характера Ирана были и раньше, однако между ними не было четкого распределения ролей и единой линии в сфере публичной дипломатии. Созданный Центр призван стать связующим звеном, координирующим центром не только государственных усилий в названной сфере, но и различных негосударственных акторов.

В-четвертых, хотя Иран больше открыто не говорит об экспорте революции, тем не менее такая политика законодательно закреплена. Публичная дипломатия становится тем каналом, через который распространяются идеи исламской революции. Насильственные методы официально не признаются, распространение происходит через культурные программы, религиозные мероприятия, образовательные обмены и т.д. Являясь шиитским государством, Иран всегда выступает за борьбу с наиболее радикальными идеологиями в исламе, что находит отражение в деятельности ее публичной дипломатии. Происходит не только распространение идей исламской революции, но и пропагандируется правильное понимание религии ислам. Организовываются религиозные мероприятия, конференции с участием шиитских и суннитских религиозных лидеров, которые могут рассматриваться как площадки для диалога и выработки общей линии для

борьбы с экстремистскими идеологиями в исламе. В этом заключается преимущество публичной дипломатии Ирана в урегулировании «мягкой» борьбы с терроризмом и в решении кризисов, вызванных этим явлением.

В-пятых, Иран придает огромное значение культурной дипломатии. Это можно наблюдать на примере работы ОКИС в разных странах, которая направлена на популяризацию иранской культуры, кино, музыки, науки и языка. На фоне объявленной инициативы об интернационализации деятельности иранских вузов повышается роль международных образовательных обменов. В крупнейших вузах Ирана и их зарубежных филиалах учатся тысячи иностранных студентов, гражданам некоторых стран Азии и Африки предоставляются стипендии правительства Ирана. При разработке гибкой образовательной стратегии для иностранцев без акцента на идеологию и религию, также при активном освещении научных достижений иранские образование и наука могут стать довольно конкурентоспособными на международной арене, а потенциал публичной дипломатии этой страны значительно укрепится.

В-шестых, информационное измерение публичной дипломатии Ирана выделяется своим значительным прогрессом и технической базой. Созданные мультязычные телеканалы, радио- и информагентства представляют миру иранскую точку зрения на международные события. Широкий языковой спектр, оперативность и хорошая техническая оснащенность инфокоммуникационных инструментов публичной дипломатии делают Иран ведущим игроком не только на региональном информационном поле, но и на международной арене. От последних трендов «цифровой дипломатии» — общения с зарубежными обществами через социальные сети — не отстает и политическое руководство Ирана, которое через личные страницы на неформальной платформе обращается к своим многотысячным подписчикам с политическими заявлениями.

И в-седьмых, следует констатировать, что публичная дипломатия занимает одно из главных мест в инструментарии иранской внешней политики. Ее ресурсы используются не только для создания привлекательного образа Ирана и информирования мирового сообщества о политике страны, но и для пропаганды умеренного ислама против радикальных течений. На фоне кризиса и конфликтов в Ближневосточном регионе, разжигающих взаимную неприязнь ветвей ислама, иранская публичная дипломатия может стать важнейшим инструментом борьбы с деструктивной идеологией религиозных фундаменталистов. Но это требует от Ирана проявления максимальной гибкости и альтруизма. Пойдут ли на это в Тегеране, покажет время.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА

Особенности Святого престола

Само название государства «Святой престол» объединяет в себе две сущности — религиозную и политическую, что уже отличает данное государство от большинства других. Религиозная — это Римско-католическая церковь. Политическая — это Государственный секретариат, своего рода папское правительство, которое проводит внешнюю политику посредством Второй секции по отношениям с государствами и через апостольские нунциатуры и другие представительства за рубежом. При этом оба института находятся в непосредственном подчинении понтифика.

Римско-католическая церковь обладает обширной сетью как священников, так и епископов, которые ведут пастырскую деятельность во всем мире и обеспечивают постоянную связь понтифика с более чем 1,2 млрд католиков. Включая в себя религиозный институт — Римско-католическую церковь, Святой престол имеет большое влияние как в духовной, так и в идеологической сфере мирового сообщества.

Город-государство Ватикан, на территории которого располагаются административные здания Секретариата, в свою очередь, представляет собой самостоятельный институт под управлением специального органа — Губернаторства — с председателем во главе. В международных отношениях город-государство Ватикан, обладающий собственной правосубъектностью, участвует посредством Святого престола. Стоит отметить, что прерогатива Святого престола представлять Римско-католическую церковь и одновременно город-государство Ватикан обусловлена догмами, закрепленными за Святым престолом в кано-

ческом праве²⁰⁸. На практике город-государство Ватикан является членом международных организаций и подписывает посредством Святого престола международные договоры. Таким образом, международная правосубъектность должна быть каждый раз отнесена к действительному адресату юридических норм (в зависимости от ситуации — к Святому престолу, Римско-католической церкви или городу-государству Ватикан). Вместе с тем стоит отметить, что в обыденной речи понятия «Святой престол» и «Ватикан» очень часто отождествляют.

Вышеуказанная «тройственная» правосубъектность Святого престола позволяет ему выстраивать особые отношения с другими государствами и институтами и проводить публичную дипломатию, выступая в роли как государственного, так и негосударственного актора.

Основные вехи истории папской дипломатии. Зарождение публичной дипломатии Ватикана

Истоки папской дипломатии некоторые теологи связывают со словами Иисуса Христа «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16: 15–16). Однако нельзя полагать, что дипломатия Святого престола ограничена лишь целью распространения христианства. Она зависит от политической ситуации в мире и не может идти вразрез с общепринятыми принципами дипломатии, охарактеризованными Г. Гарденом как «искусство взаимно согласовывать интересы народов, а в более точном смысле — науку или искусство переговоров» [Сатоу, 1947: 27]. Но с какой бы точки зрения мы ни рассматривали дипломатию Святого престола, очевидно, что она является прямым выражением внешнеполитической деятельности папства.

В Средние века папская внешняя политика поменяла восточное направление на романо-германское в связи с принятием германскими народами христианства. Именно последнее помогло разрозненным племенам почувствовать свое духовное единство. С этого момента римский понтифик имел огромное влияние на европейских правителей Средневековья. Он назначал епископов, которые получали символы религиозной власти — кольцо и посох — именно из рук понтифика, а не императора Священной Римской империи. Епископы на местах имели огромное духовное влияние на местное население. Таким образом, папа мог беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела государств, побуждать жителей (включая правящие элиты) действовать в интересах церкви как посредством «жесткой руки», так и с помощью

мягкой власти. Данный пример еще сложно назвать инструментом публичной дипломатии, но очевидно, что в эти годы начинают формироваться ее основы.

Расширение папского влияния породило так называемую борьбу за инвеституру — конфликт между Римом и империей на рубеже XI—XII вв., который значительно ослабил позиции последней. Однако после пятнадцати лет противостояния оба властителя нашли компромисс — был заключен Вормский конкордат²⁰⁹.

В эпоху формирования абсолютистских государств папское государство уже обладало суверенитетом, а власть Святого престола доминировала над католическими странами. После заключения Вестфальского мира в 1648 г., несмотря на усиление роли национальных государств, папство не утратило своего влияния на ход мировой политики. Уже с конца XVI в. Святой престол располагал одной из самых развитых структур управления во главе с Государственным секретарем, который решал вопросы папской внешней политики и руководил апостольским дипломатическим корпусом.

Первые папские представительства в не католических странах возникли в связи с образованием Конгрегации пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*) — папские представители (апокрисарии) были еще в V в., например, в Константинополе, — изначальной целью которой было распространение католицизма в протестантских странах и зонах миссионерства. Именно эта Конгрегация положила в основу своей деятельности концепцию Вселенской церкви, что стало одним из главных направлений политики Святого престола в XX в. По сути, уже на данном этапе можно говорить о зарождающейся публичной дипломатии Святого престола, однако нельзя отрицать, что в том виде, в котором она существовала тогда, пропагандистские методы играли главенствующую роль. Вместе с тем структура папских дипломатических представительств, сформированная в XVI в., функционирует и по сей день.

Папские нунции и интернунции²¹⁰ являлись постоянными представителями понтифика при правительстве государств. Они и сегодня выполняют двойную функцию — курируют отношения между Святым престолом и светскими правительствами, а также следят за религиозной жизнью своей епархии, отчитываясь перед папой. Именно это позволяет действовать Святому престолу «вдвойне» эффективно и при этом абсолютно законно, не встречая противодействия со стороны государственных органов. Такая двойственная функция воспринимается странами как естественная историческая преемственность. Не секрет, что, например, ресурс *Russia Today*, являющийся одним из каналов публичной

дипломатии России, порой сталкивается со сложностями на территории других стран, в то время как деятельность Святого престола не подвергается критике, проверкам и т.д. Как подчеркивает Т. В. Зонова, акторами публичной дипломатии выступают как профессиональные дипломаты, так и неправительственные организации [Зонова, 2012]. Вышеупомянутое разделение полномочий апостольских нунциев (в качестве профессиональных дипломатов) дает им возможность как выполнять официальные представительские функции, так и активно взаимодействовать в рамках публичной дипломатии с институтами гражданского общества.

В 1870 г. королевские войска нового объединенного Итальянского государства взяли Рим, вследствие чего понтифик утратил свою территорию и оставил за собой лишь политическое влияние. Возможно, именно этот, казалось бы, тяжелый эпизод сыграл важную роль в переориентации институтов публичной дипломатии Ватикана. С этого момента Святой престол делает упор на миссионерскую деятельность, приобретая роль государства-миротворца, активно развивая и проповедуя посредством своих представителей эту идею среди населения других государств. Благодаря такой политике за 60 лет политической изоляции понтифика со стороны Итальянского королевства состав дипломатического корпуса, аккредитованного при Святом престоле, значительно возрос, а количество апостольских нунциатур увеличилось на 26 представительств. Только на протяжении 1877 г. было открыто семь нунциатур в странах Латинской Америки: в Аргентине, Боливии, Чили, Эквадоре, Парагвае, Перу и Уругвае [De Marchi, 1957].

Следующим важным этапом в истории ватиканской публичной дипломатии стало заключение в 1929 г. Латеранских соглашений, в соответствии с которыми Святой престол обрел территорию города-государства Ватикан и определил порядок двусторонних отношений с Италией.

В межвоенный период Ватикан расширил свое влияние на Дальнем Востоке: в 1926 г. папа Пий XI назначил первых шесть епископов в Китае, а в 1927 г. одного епископа в Японии.

Нейтральная позиция Ватикана во Второй мировой войне была обусловлена все той же международной ответственностью, которую на себя принимал Святой престол в годы войн и вооруженных конфликтов по отношению к статусу универсальной церкви (мирового религиозного сообщества). На протяжении XX в. Ватикан продолжил создавать дипломатическую сеть — базу, которую и сейчас использует для проведения публичной дипломатии. В послевоенный период Ватикан активно занялся восточным и африканским направлениями. Были открыты новые нунциатуры в Китае (1946)²¹¹ (но остается нунциатура в Тайбэе, что и сегодня представляет собой одно из препятствий на пути уста-

новления дипломатических отношений с КНР), Египте (1947), Ливане (1947), Индии (1948), Индонезии (1950), на Филиппинах (1951), в Пакистане (1952), Японии (1952), Сирии (1953) и Иране (1953). Начиная с 1960-х годов были установлены дипломатические отношения практически со всеми африканскими странами.

Таким образом, задачи Святого престола переплетаются с политикой, проводимой многими международными организациями, в том числе ООН. Исходя из этого можно утверждать, что, воздействуя на иностранную аудиторию, он призывает ее действовать в соответствии не только с собственными интересами, но и с принципами, заявленными международными организациями²¹².

Цели и направления деятельности дипломатии Святого престола

Для понимания специфики публичной дипломатии Святого престола необходимо определить основные направления его внешней политики. Кардинал Жан-Луи Торан, секретарь по отношениям с государствами в период понтификата Иоанна Павла II, приоритетными направлениями папской дипломатии определил проблемы защиты прав человека, миротворчества, построения миропорядка на правовой базе, заложенной ООН, Советом Европы и ОБСЕ.

В рамках этой политики папа четко придерживается следующих принципов:

- Святой престол выступает против нерегулируемого капитализма. По данному вопросу появляются противоречия с США и этому есть примеры: Ватикан осуждает США, открыто называя американский капитализм «диким»;
- Святой престол стоит за укрепление института ООН, указывая, что необходимо действовать исключительно в рамках международного права;
- Святой престол инициирует введение категории юридических моральных прав в систему международного права с целью не размывать цивилизационные начала;
- Святой престол активно выступает за борьбу с экстремизмом, особенно возникшим на религиозной почве;
- Святой престол призывает к недопущению трагедии, вызванной миграционными потоками;
- папа римский активно участвует в Фонде солидарности в защиту христиан Ближнего Востока.

Функция посредничества Святого престола в международных отношениях. Статья 24 трактата вышеупомянутых Латеранских соглашений определила Ватикану право посредничества в вопросах мирного урегулирования конфликтов и моральной оценки. Как отмечает М. М. Лебедева, относительно нейтральный посредник обладает большими возможностями воздействовать на участников, в том числе и с помощью публичной дипломатии с целью прекращения вооруженного конфликта [Лебедева, 2015]. Именно по такому принципу Святой престол успешно обретает роль международного посредника, способного урегулировать спорные вопросы между государствами и общественными институтами.

Поскольку привлекательность — один из важнейших индикаторов публичной дипломатии государства, необходимо отметить данное качество Святого престола как эффективного медиатора международных разногласий, который обладает уникальным опытом посредничества (за последние два столетия при его участии было разрешено более 15 международных конфликтов). Миссия международного арбитра и посредника на протяжении веков была одним из наиболее используемых инструментов его внешней политики на территории Италии и на международном уровне. Приведем наиболее известные примеры посреднической деятельности Святого престола:

- первый восходит к франко-прусской войне 1870 г.;
- далее, урегулирование спора между Германией и Испанией относительно принадлежности Каролинских островов в 1870 г.;
- устранение конфликта между Великобританией и Португалией по вопросам границ Конго в 1890 г.;
- посредничество между Перу и Эквадором в споре за определение границ двух государств в 1893 г.;
- участие в переговорном процессе между Великобританией и Венесуэлой по вопросам границ Гайаны в 1894 г.;
- посредничество между Гаити и Доминиканской Республикой в 1895 г.;
- обращение папы к императору Эфиопии Менелику II относительно содержания итальянских военнопленных;
- вмешательство папы римского, позволившее избежать войны между Испанией и США из-за кубинского вопроса в 1898 г.;
- урегулирование спора между Аргентиной и Чили по вопросам границ с 1900 по 1903 г.;
- договор между Колумбией и Перу, определивший обязанности третейского судьи папе римскому в урегулировании внутривнутриполитических разногласий в 1905 г.;

- посредничество в споре о принадлежности золотых запасов между Бразилией и Перу с 1909 по 1910 г.;
- урегулирование разногласий между Аргентиной, Бразилией и Чили в 1914 г.;
- посредничество в решении пограничного конфликта между Аргентиной и Чили в проливе Бигл, разделяющем главный остров архипелага Огненная Земля и лежащие к югу от него острова Осте с 1978 по 1984 г.

Особенно ярким примером, который можно отнести к вышеперечисленным, является Кубинский кризис, даже несмотря на то, что роль Святого престола в его разрешении нечасто фигурирует в научной литературе.

Понтификат Иоанна XXIII ознаменовал начало диалога Католической церкви с некатолическими странами, особенно с теми, которые входили в ОВД. Понтифик видел большие перспективы внешнеполитической деятельности на Востоке. Будучи с 1925 по 1934 г. апостольским нунцием в Софии, папа Ронкалли четко осознавал, что это жизненно необходимо для Католической церкви, которая много теряет, закрываясь от православного мира. Апеллируя к идеям философа Вячеслава Иванова, он считал, что Запад и Восток — это два «легких» Вселенской церкви, без одного из которых она не может дышать свободно. Именно совместно, объединенная общими идеями, Церковь может полноценно выполнять свою пастырскую миссию и реализовывать свои духовные интересы.

Это объясняет радикальное изменение позиции внешней политики Святого престола в отношении стран коммунистического лагеря. Папа с самого начала своего понтификата отказался от политики обвинения коммунизма и поставил своей задачей установить диалог с государствами, считавшимися на Западе самыми опасными врагами гуманистического общества. Напоминая в своем первом выступлении на престоле Святого Петра о том, что все папы с именем Иоанн правили недолго, Анджело Ронкалли сделал свой довольно непродолжительный понтификат переломным этапом в истории Католической церкви²¹³.

25 октября 1962 г. папа адресовал всем народам земного шара радиосообщение с призывом к миру во всем мире. Это выступление транслировалось по Радио Ватикана во всех странах. Далее понтифик направил письмо Председателю Совета министров СССР Н. С. Хрущеву, в котором папа побуждал Советский Союз наглядно продемонстрировать интерес в сохранении мира. Более того, данное обращение было даже опубликовано в передовом советском издании «Правда». С аналогич-

ным призывом понтифик неоднократно обращался и к американскому президенту.

Возможно, это обращение понтифика не оказалось значительным для жителей Советского Союза, однако стало первым официальным сообщением Ватикана, опубликованным в советской печати. С этого момента публичная дипломатия Святого престола пересекла границы ранее закрытого для Римско-католической церкви СССР.

Знаменательным примером успешного посредничества папской дипломатии стало разрешение пограничного конфликта между Аргентиной и Чили относительно пролива Бигл [Лебедева, 1997; Зонова, 2000: 154].

Переговоры по разграничению двух государств продолжались более века, сменяясь одним за другим мирными договорами и их пересмотрами. В 1959 г. новый кризис побудил обе стороны принять окончательное решение по данному вопросу. В 1977 г. независимым арбитром для решения спора была назначена королева Великобритании Елизавета II, решением которой спорные островные территории оставались за Чили. Аргентина осталась неудовлетворенной подобным решением и в 1978 г. его опротестовала. Чили под руководством Аугусто Пиночета начала проводить подготовку войск. Аргентинское правительство запланировало начало бомбардировок на 22 декабря 1978 г. и военное вторжение на территорию Чили.

За три часа до начала военной операции военная хунта Аргентины согласилась принять посредничество Святого престола, вариант которого был предложен президентом страны генералом Видела. Только что избранный конклавом Иоанн Павел II отправил кардинала Антонио Саморе с целью найти мирное решение конфликта для двух государств. 8 января 1979 г. представители Аргентины и Чили подписали документ, который вверял решение данного спора Святому престолу. В 1980 г. понтифик предложил аргентинскому правительству признать права Чили на три острова пролива Бигл. Аргентина ответила отказом. Решение, предложенное Ватиканом, значительно повлияло на общественное мнение в государстве. В 1984 г., когда на смену военному правительству в стране пришли демократические силы, всенародный плебисцит проголосовал за принятие предложения Святого престола (с результатом 80%). Вековым разногласиям был положен конец посредством заключения мирного договора. Немаловажно отметить, что посредничество Святого престола заключалось в серьезном топографическом изучении вопроса (что на первый взгляд покажется весьма необычным методом для внешнеполитического ведомства Ватикана,

не занимающегося картографией). Понтификом была создана специальная комиссия по установлению мира, подробно изучавшая проблему на протяжении нескольких лет, прежде чем было вынесено вышеуказанное предложение. Именно поэтому голос населения был отдан Святому престолу как посреднику в конфликте, обладающему высоким уровнем доверия (что является одним из характерных признаков «мягкой власти»).

Естественно, нельзя присваивать успех тех или иных переговоров исключительно политике Ватикана. Именно поэтому многие критикуют публичную дипломатию за неспособность решить все внешнеполитические задачи, однако, по мнению Дж. Ная, важно помнить, что часть задач во внешней политике эффективнее решать с помощью «мягкой власти», а не «жесткой силы» [цит. по: Долинский, 2011].

Деятельность папы Франциска. Новая публичная дипломатия

Говоря о сегодняшней политике Святого престола, необходимо отметить кардинальные изменения в связи с приходом папы Франциска. Его первые дипломатические шаги восходят к 1 сентября 2013 г. Папа произнес одну из наиболее ярких своих речей: «Насилие никогда не приводило к миру. Война ведет к войне, насилие ведет к насилию! Я настойчиво прошу стороны конфликта прислушаться к голосу своей совести, не замыкаться в своих интересах, увидеть в другом брата и, преодолев слепое противостояние, встать с мужеством и решимостью на путь встречи и переговоров. Столь же настойчиво я призываю международное сообщество приложить все усилия, чтобы без дальнейших промедлений содействовать четким инициативам, направленным на достижение мира в этой стране, — инициативам, основанным на диалоге и переговорах, ради блага всего сирийского народа»²¹⁴. В продолжение этого призыва понтифик объявил 7 сентября днем молитвы за Сирию.

Все в том же сентябре 2013 г. папа Франциск не оставил без внимания ситуацию в Сирии, направив содержательное письмо Президенту Российской Федерации В. В. Путину, который принимал на тот момент Саммит G20 в Санкт-Петербурге. В своем послании папа просил лидеров «Большой двадцатки» не оставаться инертными и безразличными к судьбам сирийских граждан, порождая новые страдания на земле, столь нуждающейся в мире. Обращаясь к каждому из политиков, понтифик призвал преодолеть имеющиеся разногласия и ни при каких условиях не прибегать к военному решению вопроса. Необходи-

мо заметить, что это обращение прозвучало в унисон с позицией Кремля по данной проблеме и сыграло определенную роль в отказе Запада наносить авиационный удар по Сирии: высказывания папы оказывают серьезное воздействие на христианское население Европы [Зонова, 2011] и политические лидеры понимают, что противоречить понтифику — значит терять свой электорат. Это еще один из наглядных примеров того, как Святой престол может влиять на политическую ситуацию в других государствах посредством публичной дипломатии, которую в данном случае папа Франциск проводит лично.

Одной из последних заслуг внешней политики Святого престола можно назвать восстановление дипломатических отношений между Кубой и США в декабре 2014 г. И Барак Обама, и кубинский лидер Рауль Кастро признали большой вклад папы Франциска в урегулирование более чем полувекового конфликта. И не случаен тот факт, что спустя кратчайшие сроки после объявления данного решения по телевизионным каналам Государственный секретариат Святого престола опубликовал готовый документ, который выражал большое чувство удовлетворения епископа Рима по поводу этого поистине исторического события. В нем также присутствовало замечание относительно того, что Святой престол, принимая в Ватикане в октябре 2014 г. делегации обеих стран, предложил последним свою помощь в налаживании конструктивного диалога, в результате чего был достигнут удовлетворительный результат для обеих сторон. Более того, Рауль Кастро отметил: «я остался поражен мудростью и скромностью папы... если он продолжит так свое служение, я вновь стану католиком»²¹⁵. Перед нами пример «мягкой силы» Франциска в действии — коммунистический лидер всенародно заявляет о своем положительном отношении к Католической церкви.

Отличительная черта, свойственная публичной дипломатии папы Франциска, — политика прямой коммуникации [Шебалин, Шебалина, 2016]. Для того чтобы донести до тех или иных политических или религиозных институтов определенную мысль, папа зачастую не обращается к своим нунциям (т.е. официальным дипломатическим каналам) — он сам делает заявления, из которых представители мирового сообщества извлекают необходимые выводы. Самым ярким примером подобной политики является первая речь понтифика после его вступления на престол Святого Петра. Новоизбранный папа произнес: «Долгом конклава было избрание римского епископа, и, кажется, что мои братья-кардиналы нашли его на конце света» [Kraus, 2013: 1]. Эта лаконичная и в какой-то степени ироничная фраза несет в себе мощ-

ное послание мировому христианскому сообществу. Во-первых, папа подчеркивает международный характер будущего понтификата, акцентируя внимание на своем латиноамериканском происхождении. Во-вторых, Франциск называет себя самым древним титулом — «епископом Рима», подчеркивая тем самым, что он лишь один из епископов Христа. Это ярко выраженное обращение ко всему православному миру, демонстрирующее готовность нового понтифика к диалогу, к равноправному сотрудничеству, преодолению многовековых споров о примате Римского первоиерарха.

Папа Бергольо выступает за тесное общение с православными. Он неоднократно публично подтверждал свою готовность провести встречу с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Данные обращения не только были адресованы лично к предстоятелю, но и стали важным шагом в публичной дипломатии понтифика: он еще раз подчеркнул свое дружественное отношение к православному миру. 12 февраля 2016 г. в аэропорту г. Гаваны на Кубе состоялась встреча папы и патриарха. Как отметили оба духовных лидера, встреча носила в первую очередь пасторский смысл и не являлась политическим событием, как ее охарактеризовали многие журналисты. В данном вопросе важно не путать причину события с его последствиями. Причиной было желание достичь общих договоренностей по вопросам, «которые беспокоят двух епископов», а отнюдь не политическая необходимость. А уже последствия данной встречи оказали влияние на миллионы верующих — это определенный политический эффект публичной дипломатии двух церквей [Шебалин, Шебалина, 2016].

Если политика предыдущего святого отца была направлена на укрепление авторитета самой Церкви как института, возвращение вековых традиций и упрочение Церкви как всемирного судьи, то нынешний понтифик видит Церковь институтом-посредником, носителем мира и заповедей Христа.

«Ребрендинг» публичной дипломатии

Концепция новой публичной дипломатии включает в себя более развитый информационный и сетевой компонент, отмечает Я. Мелиссен [Melissen, 2005: 16–20]. Прекрасно понимая эту тенденцию, понтифик обновляет публичную дипломатию Святого престола, делая ее более всеохватывающей, открытой для всех, осуществляет «ребрендинг» Католической церкви. Папа проводит данную политику постепенно и незаметно: используя существующие методы и внутренние ресурсы,

перераспределяя функции. Решая проблему сокращения количества верующих и прихожан, папа не ужесточает политику, а ищет разумные пути, идет навстречу даже вопреки некоторым каноническим устоям, что, кстати, встречает противостояние определенных религиозных и общественных кругов.

Понтифик уделяет большое внимание информатизации своих ресурсов: был запущен сайт, который посещают более 0,5 млрд человек, папа Франциск завел свои страницы в социальных сетях *Facebook*, *Twitter* и *Instagram*. На аккаунт понтифика в *Instagram* в течение 12 часов после его запуска подписалось более 1 млн пользователей. Призывы, которые папа римский адресует каждое воскресенье пастве, транслируются по всем информационным каналам Святого престола. Эти обращения являются эффективным инструментом «мягкой власти».

В соответствии с данными исследований, количество запросов «Папа Франциск» в поисковике *Google* достигает 1 737 300 в месяц. За 2013 г. он является одним из наиболее запрашиваемых в Сети (более 49 млн упоминаний) и попадает в один ряд с В. Путиным, Б. Обамой и А. Меркель. Исследование также показывает, что по уровню популярности среди молодежи папа Франциск занимает 3-е место после группы *One Direction* (78 млн) и Джастина Бибера (53 млн)²¹⁶.

Аккаунты понтифика в Твиттере (на разных языках) со статистикой публикаций 0,79 в день показывают средний уровень вовлеченности²¹⁷ — 6637. Для сравнения аккаунт Барака Обамы (в годы президентства), согласно исследованию, обладал средним уровнем вовлеченности 2309, несмотря на статистику ежедневной публикации 7,76 твита в день. Данная особенность объясняется тем, что страница Обамы ориентирована на донесение собственной политической идеи, а папа использует социальную сеть для общения с верующими, развития концепции универсальной церкви²¹⁸.

Ватикан всегда осуществлял коммуникацию с использованием максимально новых технологий. В 1989 г., например, в пресс-службе Ватикана было установлено 40 самых современных на тот момент компьютеров. С 1991 г. Ватикан начал активно использовать программы и сервисы (*WORM*²¹⁹, *SEDOC*²²⁰), способствующие более активному и качественному распространению информации в удобном для реципиентов формате. В 1992 г. была создана специальная система *DEP*²²¹, через которую передаются все послания папы.

Таким образом, на протяжении 90-х годов Ватикан сделал все возможное, чтобы не остаться на «задворках» новых технологий и «идти в ногу с верующими». В середине 1990-х годов у Ватикана еще не было

собственного сайта, однако все важные события Католической церкви (рождественские мессы, торжественные папские благословения *Urbi et Orbi*) транслировались посредством сервисов французского оператора спутниковой связи *Eutelsat* и британского *WRN Broadcast*. Папа Иоанн Павел II обращался к верующим во время геноцида в Руанде в 1994 г. и конфликта в Косово в 1999 г. На протяжении пяти с половиной месяцев Радио Ватикана транслировало программы на албанском языке для жителей Косово с призывами к миру и солидарности, а также регулярно сообщало обновленную информацию о жертвах конфликта для лиц, потерявших своих близких.

Понтифики уделяют особенное внимание публичной дипломатии в условиях конфликтных отношений, что часто итальянские авторы называют «прямым диалогом с обездоленными». Так, во время апостольского визита папы Франциска в США в сентябре 2015 г. телевизионным центром Ватикана совместно с американским телеканалом ABC была выпущена программа, в которой американские и кубинские молодые люди могли обсудить различные актуальные для них темы. Это стало еще одним шагом в нормализации общественных отношений между двумя странами после установления дипломатического диалога.

30 марта 1997 г. Ватикан запустил собственный официальный сайт www.vatican.va. По словам бывшего главы Папского совета по массовым коммуникациям Клаудио Мариа Челли, деятельность Ватикана в пространстве Сети стала «продолжением пасторской задачи папы» и, соответственно, его публичной дипломатии. Ватикан внимательно следит за новыми тенденциями в технологиях и не остается в стороне: в 1999 г. в преддверии юбилейного года компанией *Sony* совместно с Радио Ватикана был реализован масштабный проект *Abba Pater*, в рамках которого были записаны 11 треков, совмещающих в себе музыку и наложение голоса Иоанна Павла II, на пяти языках. Ярко и эффективно работали средства массовой информации Ватикана в 2000 г.²²², когда перед ватиканскими СМИ была поставлена задача максимально интенсивно и круглосуточно транслировать юбилейные мероприятия, знакомя публику (не только католическую, но и все мировое сообщество) с целями деятельности Святого престола в новом тысячелетии.

28 января 2013 г. в Риме на конференции «Будущее коммуникации — ответственность» (Рим, 28 января 2013 г.) под эгидой Папского совета по массовым коммуникациям было представлено исследование *Eurisko*, поставившее своими задачами определить потенциал католических медиа, которые расширяются и внедряют новые принципы работы, основанные на следующих критериях: серьезность,

точность, твердая позиция, ясность критериев и логики. В соответствии с результатами исследования, быть католиками становится популярно, это означает участие в универсальной «правильной» миссии [La comunicazione etica, sostenibile..., 2014].

В рамках данного направления развивается политика реорганизации деятельности массмедиа Святого престола, результатом которой стало создание единой информационной сети *Aleteia*. Данная реформа дала свои результаты — в социальной сети уже более 67 млн католиков из США, Великобритании и Ирландии [La rete ama Papa Francesco..., 2014]. *Aleteia* — первая Всемирная католическая информационная сеть под эгидой Папской комиссии по массовым коммуникациям, где обсуждаются вопросы жизни, веры и общества на шести языках (итальянском, английском, испанском, французском, португальском и арабском). По данным самого агентства, в его работе принимают участие более 1300 католических партнеров и более 800 экспертов, подготавливающих материалы. Кроме того, в самое ближайшее время планируется запустить новый электронный ресурс *Dot.catholic*, который станет главной электронной площадкой, объединяющей все поместные церкви и епархии Римско-католической церкви²²³.

С точки зрения Ватикана, церковь призвана быть там, где есть люди. Поскольку сейчас вся электронная сеть также состоит из людей, там должна быть и церковь. Папа обращается с призывом не бояться стать полноценными «гражданами» информационного общества XXI в.²²⁴. Важно отметить, что Франциск в своих посланиях вкладывает особый смысл в понятие «гражданин», имея в виду, что быть таковым означает приверженность и стремление к созданию общего для общества блага. По его мнению, современные цифровые технологии дали импульс созданию абсолютно нового социального пространства, внутри которого возможно построение таких связей, которые будут оказывать влияние на общества и их культуру. Таким образом, понтифик ставит вопрос отношений между церковью и обществом, которые регулируются на разных уровнях, важным из которых, по его мнению, является глобальная сеть Интернет. Ему он придает центральное значение в построении нового типа отношений между верующими и представителями светского общества. Своим призывом к активному участию в цифровых контактах он открывает путь к построению такого диалога. Данная модель поведения Католической церкви уходит корнями в историю. В период, когда общество переходило от устной к письменной форме общения, Церковь была первой, кто использовал новый тип коммуникации. Таким образом, ее письменные обращения приобрели особую важность

и даже святость. Такое же отношение завоевали и их авторы. Так и сейчас Католическая церковь стремится первой применить новые формы общения в цифровом пространстве для эффективного проведения своей политики и, соответственно, публичной дипломатии.

Секретариат по коммуникациям — новый инструмент публичной дипломатии

В июне 2015 г. папа Франциск запустил реформу средств массовой информации Ватикана, в результате которой было создано новое ведомство Римской курии — Секретариат по коммуникациям. Идея проекта — объединить все службы, занимающиеся папскими коммуникациями, в одну структуру с целью более эффективно «отвечать задачам глобальной миссии Церкви»²²⁵. В рамках данного проекта в новый Секретариат войдут ранее существовавшие автономно:

- Телевизионный центр Ватикана;
- Ватиканское книжное издательство;
- официальная газета Ватикана «Оссерваторе романо»;
- Папский совет по массовым коммуникациям;
- Радио Ватикана;
- пресс-служба Святого престола;
- фотослужба Ватикана;
- интернет-сервис Ватикана;
- типография Ватикана.

Кроме того, в ведении Секретариата по коммуникациям будет находиться официальный сайт Ватикана и аккаунт понтифика в *Twitter* и других социальных сетях. Префектом нового ведомства был назначен Монсеньор Дарио Эдоардо Вигано, занимавший ранее пост директора Ватиканского телецентра. Именно он с 2013 г. курировал освещение всех апостольских визитов, а 28 февраля 2013 г. под его руководством были сняты «прощальные кадры» ухода ныне почетного папы римского Бенедикта XVI со своего поста. Документальные кадры, рассчитанные на широкий круг зрителей, были показаны как единый художественный фильм — со своим ярким сюжетом: вот папа прощается с кардиналами (на их лицах выступают слезы), вот он садится на вертолет и машет рукой, как бы прощаясь с престолом Святого Петра, вот он улетает в замок Кастель-Гандольфо²²⁶. Фильм имел огромный успех, который, несомненно, стал и личным профессиональным успехом монсеньора Вигано.

Кроме того, префект Секретариата по коммуникациям является признанным в мире искусства кинокритиком и на протяжении многих лет был директором светского «Журнала кинематографа» — старейшего итальянского издания о кино²²⁷. В сентябре 2016 г. он вручил кинопремию им. Брессона режиссеру Андрею Кончаловскому²²⁸. Премия Робера Брессона, учрежденная в 2000 г. итальянским Фондом культурных мероприятий и кинематографа²²⁹, ежегодно вручается на Венецианском кинофестивале режиссерам после консультаций с Папскими советами по культуре и массовым коммуникациям. Таким образом, Ватикан не остается вдали от кинематографа и активно выражает свою позицию устами монсеньора Вигано. Это явно свидетельствует о том, что представители Римской курии активно участвуют в светской культурной жизни общества. 19 декабря 2016 г. в Москве прошла фотовыставка, посвященная 80-летию папы римского Франциска. Экспозицию составили несколько десятков фотографий, предоставленных официальным печатным органом Святого престола газетой *L'Osservatore Romano*.

Ранее, в 1995 г., по инициативе папы Иоанна Павла II, Святой престол опубликовал список, состоящий из 15 фильмов. Получивший известность как перечень «лучших мировых фильмов по версии Ватикана», он был скромно озаглавлен «Некоторые важные фильмы». Идея состояла в том, чтобы отобрать ряд шедевров мирового кинематографа, которые в соответствии с идеями Римско-католической церкви являются позитивными и вселяющими надежду верующим. Список был поделен на три тематических блока: религия, ценности и искусство. В него вошли такие шедевры, как «Андрей Рублев» (реж. А. Тарковский), «Список Шиндлера» (реж. С. Спилберг), «8¹/₂» (реж. Ф. Феллини) и даже картина Ч. Чаплина «Новые времена»²³⁰.

Участие Святого престола в общественной и культурной жизни — значимый инструмент его публичной дипломатии. Именно поэтому большое внимание Секретариат по коммуникациям уделяет кино, важнейшему средству популяризации нравственных и политических идей.

Ватикан делает ставку на общение с молодежью. О направленности проведения публичной дипломатии посредством установления контактов с молодым поколением свидетельствуют, например, Всемирные дни молодежи (ВДМ), проводимые Католической церковью с 1985 г. На заключительной мессе ВДМ в Кракове в 2016 г. присутствовало более трех млн человек. Проведение таких мероприятий открывает перед Ватиканом широкие возможности одновременно донести до широкой аудитории по всему миру свои принципы, позиции по международным

вопросам. Также в эти моменты ему удается успешно наращивать ту самую силу привлекательности, являющуюся важной составляющей публичной дипломатии, например оказывая помощь желающим посетить Всемирные дни молодежи (бесплатные пункты питания, содействие в документальном оформлении поездки, проживание и т.д.). Интересно заметить, что официальный сайт ВДМ переведен на русский и украинский языки, несмотря на то, что преобладающее население этих стран не является католиками. На Всемирных днях молодежи Франциск просил молодых не бояться стать миссионерами, потому что «сам Христос будет идти перед ними: нести Евангелие — значит нести божественную силу, чтобы искоренить и уничтожить зло и насилие, чтобы разрушить барьеры эгоизма, нетерпимости и ненависти, чтобы возводить новый мир»²³¹. С одной стороны, это желание избавиться от зла и насилия, что по крайней мере декларативно соответствует стремлению любой страны и человека в отдельности. С другой, стать миссионерами, что прямо отвечает интересам Святого престола увеличить количество верующих. Чтобы достичь блага мира и стран, необходимо следовать идеям папы. Это и есть один из методов работы публичной дипломатии Ватикана.

Существует еще одно значительное событие, имеющее древнюю историю и восходящее к V в. до н.э., — проведение так называемого юбилейного года, в течение которого допускается возможность особого отпущения грехов. Несмотря на то что изначально причинами проведения юбилейного года²³² были обогащение церковной казны и придание особого значения понтификату того или иного папы, сейчас в сложный для церкви период (сокращение количества прихожан, секуляризация, угрозы в адрес верующих со стороны радикалов и экстремистов) появилась необходимость «переориентировать» мероприятие и сделать его более открытым и социальным. Понимая важность решения этих проблем, в 2016 г. папа, возлагая на себя ответственность пойти против канонических устоев, проявил новый подход к проблеме абортов, разрешая священникам прощать грех, за который до этого Церковь предавала отлучению, изменилось и его отношение к разведенным парам.

Расширяются географические границы публичной дипломатии Ватикана: вопреки традиции, в 2016 г. первые Святые врата²³³ года милосердия были открыты не в Риме, а в столице Центральноафриканской Республики. Более того, первый раз за время проведения юбилейных годов этот год стал событием вселенского масштаба, так как Святые врата были открыты по всему миру. Растущее количество приходов

в Африке и частично в Азии способствовало увеличению паломников до миллионов человек в разных точках земного шара. Таким образом, речь идет о 900–950 млн верующих, прошедших через Святую дверь в разных приходах. Интересная особенность данного юбилейного года в том, что он получил широкое распространение в Интернете, что связано с новой информационной публичной дипломатией Ватикана. Сайт на семи языках, посвященный событию, посетили более восьми млн человек, а скачивания материалов достигли 1 524 000 раз. Событие вызвало большой интерес со стороны общественности. Например, видео, на котором в рамках юбилейного года папа Франциск исповедует молодых людей, меньше чем за 24 часа достигло 2 398 000 просмотров²³⁴. В течение Года милосердия Рим посетили 21 292 926 паломников из 156 государств²³⁵. Таким образом, юбилейный год закончился, но его последствия и идеи остались живыми и актуальными для миллионов верующих, вызывая больший интерес и приверженность идеям Святого престола [Маслова, Шебалин, Шебалина, 2016].

Католические организации на службе публичной дипломатии Святого престола

Церковь в представлении папы Франциска — в первую очередь миссионерский институт, который активно проводит эвангелизацию современного секулярного мира. По итогам Второго Ватиканского собора был дан серьезный импульс развитию данной концепции. Для этого по всему миру начали открываться различные католические организации. Если использовать современные термины бизнеса, Ватикан проводит политику «франчайзинга» для развития каналов своей публичной дипломатии. Помимо открытия новых приходов Святой престол содействует развитию католических общин, многие из которых достигли масштабов настоящих политико-экономических центров. Среди них «Опус Деи», «Общение и освобождение», «Легионеры Христа», «Фоколяры» и Община Святого Эгидия.

«Опус Деи» (*Opus Dei*) — одна из самых влиятельных католических организаций (была признана Иоанном Павлом II в 1982 г.). Ее главная задача — помочь верующим найти Христа в работе, в семейной жизни и других повседневных занятиях²³⁶. Численность членов насчитывает около 90 тыс. верующих, из них 98% миряне, 2% духовенство²³⁷. Братство «Общение и освобождение» (итал. *Comunione e Liberazione*) — движение внутри Католической церкви, основанное в 1950-х годах итальянским священником и теологом Луиджи Джуссани. Сейчас оно

объединяет в своих группах, распространенных на всех континентах, около 65 тыс. человек²³⁸. Клерикальная религиозная конгрегация «Легионеры Христа» находится под юрисдикцией понтифика. Она была основана в 1941 г. в Мексике и на данный момент работает в 21 стране, насчитывая 1650 «легионеров»²³⁹. Движение «Фоколяры», ставящее своей целью стремление к миру и единству, формально объединяет не только католиков, но и всех ему сочувствующих (включая православных и даже представителей других конфессий). Но его ядро составляет именно католическая община. Всего в организации в 194 странах состоят около 120 тыс. человек²⁴⁰. Община Святого Эгидия, основанная на принципах Второго Ватиканского собора, проповедует идеи солидарности, молитвы и экуменического диалога и насчитывает около 60 тыс. верующих в 70 странах мира²⁴¹.

Ставя своими официальными приоритетами духовные цели, вышеупомянутые организации активно участвуют в диалоге с гражданскими обществами, а также в политической и экономической жизни стран. Например, членами организации «Общение и освобождение» была основана ассоциация предпринимателей *Compagnia delle Opere*. Согласно уставу, главная ее задача — «способствовать утверждению и защите достойного положения человека в обществе и в профессиональной деятельности, содействовать созданию рыночных механизмов и подходов, обеспечивающих понимание и уважение личности во всех ее аспектах, измерениях и на всех жизненных этапах»²⁴². Сегодня ассоциация состоит из 56 отделений, 16 из которых находятся за пределами Италии, и объединяет более 34 тыс. предприятий. В России организация инкорпорирована в маркетинговое агентство «Интерсервис», предоставляющее услуги по интернационализации бизнеса. В рамках организации «Фоколяры» работает проект *Economy of Comunion*. Он объединяет предпринимателей, работников, управляющих, потребителей, граждан, ученых, экономистов — всех тех, кто стремится к достижению экономической культуры на базе единства, взаимности, к умению «отдавать» и помогать ближнему. Проект ставит перед собой задачу предложить обществу альтернативную экономическую модель, отличную от доминирующей сегодня капиталистической. Община Святого Эгидия, в свою очередь, широко занимается политической деятельностью в роли посредника (в частности, во внутривнутриполитических кризисах в Мозамбике, Алжире, Гватемале и на Балканах).

Папа Франциск понимает важность данных институтов и отводит им иногда даже официальную роль в распространении доктрины Католической церкви. Именно так в 2014 г. понтифик направил 414 семей

из церковного движения «Неокатехуменальный путь»²⁴³ в миссию для распространения веры в Азии (Китай, Индия, Вьетнам, Монголия).

Все эти проекты, являясь яркими примерами институтов публичной дипломатии, функционируют в рамках общего внешнеполитического курса Святого престола, позволяя ему не только расширять сферу своих интересов в духовных вопросах, но и участвовать в политической и экономической жизни стран, преследуя интересы своего государства. А интересами государства Святого Петра в первую очередь является защита христиан во всем мире.

ВЫВОДЫ

Папская публичная дипломатия, берущая свое начало в далеком прошлом, является многогранным инструментом внешнеполитической и миссионерской деятельности Святого престола. Апостольские нунции совмещают дипломатическое представительство с активной общественной работой на территории иностранных государств, ведут диалог не только с государственными структурами, но и с местным населением.

Упор на миротворческую и миссионерскую деятельность, сделанный Ватиканом во второй половине XIX в., — определяющий в современной публичной дипломатии.

Принципы, которые отстаивает и продвигает Святой престол на международной арене, зачастую представляют собой синтез позиций, выработанных различными государствами и международными организациями, что позволяет ватиканской публичной дипломатии сохранять определенную нейтральность.

Именно поэтому Святой престол привлекателен для многих общественных и политических институтов — благодаря своей уже прочно устоявшейся роли посредника в международных отношениях.

Святой престол расширяет горизонты своей публичной дипломатии, активно развивая отношения с некатолическими странами и даже странами, откровенно противопоставлявшими на протяжении долгих лет свою государственную идеологию Католической церкви. Так выстраивались отношения с СССР, теперь Ватикан ведет постоянный диалог с азиатскими странами.

Святой престол развивает концепцию новой публичной дипломатии. Здесь стоит отдельно отметить политику прямой коммуникации, с помощью которой понтифик напрямую общается с мировым сообществом, а также расширение технологических возможностей папских средств массовой информации. «Ребрендинг» папской публичной дипломатии направлен на дальнейшую популяризацию деятельности Святого престола.

Глава 12. Публичная дипломатия Святого престола

Большой акцент Святой престол делает на молодежную политику — на организацию соответствующих мероприятий, а также на улучшение доступности ресурсов Римско-католической церкви в Интернете и популярных среди молодежи сервисах. Церковь становится «своей» для миллионов молодых людей.

Влиятельным инструментом является разветвленная сеть священников и епархий по всему миру, а также ряд католических организаций, популяризирующий Святой престол среди населения разных стран мира и интегрируя граждан в наднациональное католическое сообщество.

Несмотря на стремительный процесс мировой секуляризации, публичная дипломатия Святого престола лишь набирает свою эффективность, приобретая новые формы и развивая новые методы воздействия.

Таким образом, Святой престол вносит вклад в сохранение и отстаивание на международной арене традиционных ценностей и морали, сохраняя при этом свое влияние в современном мире во многом благодаря использованию публичной дипломатии.

Примечания

¹ В Кремле объяснили отказ от услуг американского PR-агентства *Ketchum* // Forbes. 12.03.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/282507-v-kremle-obyasnili-otkaz-ot-uslug-amerikanskogo-pr-agentstva-ketchum>.

² Термин, введенный Я. Моррисом, означает войну, которая заканчивается реконструкцией захваченной территории по социально-экономической модели завоевателя. Соответственно, непродуктивная война — это война, которая не приводит к такой реконструкции.

³ Основным объектом воздействия в этой стратегии является мирное население, а не повстанцы.

⁴ По данным TNS WEB Index. Декабрь 2015 / Яндекс, Исследования / Развитие Интернета в регионах России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016.

⁵ По данным Яндекс. Браузера. Январь—февраль 2016 / Развитие Интернета в регионах России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016.

⁶ Под *краудсорсингом* понимается привлечение к решению тех или иных проблем широкого круга лиц, организованных при помощи цифровых площадок коммуникации.

⁷ Под *краудфандингом* понимается привлечение к решению тех или иных проблем широкого круга лиц, организованных при помощи цифровых площадок коммуникации, которые добровольно предоставляют финансовые средства или другие ресурсы.

⁸ AFP launches «the e-diplomacy hub», an innovative tool for exploring the world of digital diplomacy. URL: <https://www.afp.com/en/agency/press-releases-newsletter/afp-launches-e-diplomacy-hub-innovative-tool-exploring-world-digital-diplomacy>.

⁹ Preparing for peace. Communications in conflict resolution. OSCE Publishing, 2012. URL: <http://www.osce.org/networks/98116?download=true>.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² European Commission «A glance at EU public diplomacy at work. The EU's 50th anniversary celebrations around the world». Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P. 12.

¹³ The Lisbon Treaty (consolidated version). The Treaty on European Union, Article 2 // Official Journal of the European Union. C 83/17. 2010. March 30. No 1.

¹⁴ Information and Communication Handbook for EU Delegations in Third Countries and to International Organization. December 2012. P. 4.

¹⁵ European Commission. «A glance at EU public diplomacy at work, The EU's 50th anniversary celebrations around the world». Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P. 12.

¹⁶ В проекте Европейской конституции 2003 г. речь шла именно о создании Министерства иностранных дел ЕС.

¹⁷ Маастрихтским договором, вступившим в силу в 1993 г., была введена структура трех «опорных столпов». Первый включал в себя экономическую, социальную политику и политику защиты окружающей среды, второй — общую внешнюю политику и политику безопасности и третий — полицейское и судебное сотрудничество в уголовных делах. Структура была упразднена в Лиссабоне в 2007 г.

¹⁸ Council Decision establishing the organisation and functioning of the European External Action Service. 2010. July 26 (2010/427/EU) // Official Journal of the European Union L 201/30. 2010. August 3. Article 4, 9 (6) and Annex.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Это звучало как три М, поскольку все три слова в английском начинаются на букву М.

²¹ Protocol Service of the European Commission. URL: http://ec.europa.eu/dgs/secretariat_general/corps/index.cfm?go=protocol.protocol.

²² Ibid.

²³ Marietje Schaake (rapporteur), Draft Report on the cultural dimensions of the EU's external action, Committee on Culture and Education (2010/2161), 2010. November 29. P. 5. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-450.904+04+DOC+PDF+V0//EN&language=ET>.

²⁴ European Commission. Trade. URL: <http://ec.europa.eu/europeaid/who/partners/civil-society/index.en.htm>.

²⁵ Ibid.

²⁶ A new strategy to put culture at the heart of EU international relations. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-2075_en.htm.

²⁷ Strategy Paper and Indicative Programme. 2014–2020. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/intra-acp-strategy-11-edf-2014-2020_en.pdf.

²⁸ Фонд Евро-Средиземноморского диалога между культурами им. Анны Линд (министра иностранных дел Швеции, убитой в 2003 г.) основан в 2005 г. и является сетью организаций гражданского общества стран ЕС и Средиземноморских неевропейских стран.

²⁹ Strategy Paper. Op. cit.

³⁰ Официальный сайт ЕС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eeas.europa.eu/eueom/news/index_en.htm.

³¹ Делегациями называются дипломатические представительства ЕС.

³² Delegation of the European Union to the International Organisations in Vienna. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/vienna/about_us/delegation_role/index_en.htm.

³³ HANDBOOK ON CSDP. URL: <http://docplayer.net/441263-Second-edition-handbook-csdp-the-common-security-and-defence-policy-of-the-european-union.html>.

³⁴ Именно делегация ЕС в Вашингтоне впервые использовала термин «публичная дипломатия» в своей работе. В настоящее время группа публичной дипломатии включает 18 членов делегации.

³⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.euintheus.org/>.

³⁶ Council decision on the organisation and functioning of the EEAS, (2010/427/EU), 2010. July 26. Article 6 (4) L 201/30 // Official Journal of the European

Union. 2010. August 3. URL: [https://books.google.ru/books?id=g0jQqUFFYQ0C&pg=PA14&dq=Council+decision+on+the+organisation+and+functioning+of+the+EEAS,+26+July+2010,&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjMi9LCktTTAhXrB5oKHdCRBi84FBDoAQghMAA#v=onepage&q=Council%20decision%20on%20the%20organisation%20and%20functioning%20of%20the%20EEAS%2C%20\(2010%2F427%2FEU\)%2C%2026%20July%202010%2C&f=false](https://books.google.ru/books?id=g0jQqUFFYQ0C&pg=PA14&dq=Council+decision+on+the+organisation+and+functioning+of+the+EEAS,+26+July+2010,&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjMi9LCktTTAhXrB5oKHdCRBi84FBDoAQghMAA#v=onepage&q=Council%20decision%20on%20the%20organisation%20and%20functioning%20of%20the%20EEAS%2C%20(2010%2F427%2FEU)%2C%2026%20July%202010%2C&f=false).

³⁷ Staffing Report (Brussels: EEAS). 2013. June 1. P. 4.

³⁸ Согласно официальным документам в число специализированных направлений деятельности СНГ в сфере гуманитарного сотрудничества входят: Информация и массовые коммуникации; Периодическая печать, книгоиздание, книгораспространение и полиграфия; Образование; Социально-трудовая сфера; Здравоохранение; Культура; Наука; Молодежь; Спорт; Туризм. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/index.php?id=8>.

³⁹ Сотрудничество в области культуры осуществляется в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области культуры от 15 мая 1992 г. и Концепцией сотрудничества государств—участников СНГ в сфере культуры от 19 мая 2011 г. Решением Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2015 г. одобрены Основные мероприятия сотрудничества государств—участников СНГ в области культуры на 2016—2020 гг. Этот документ включает 121 международную и национальную акцию по сохранению и использованию памятников историко-культурного наследия, музейного и библиотечного дела, театральнo-концертной деятельности, в сфере музыки и кино. Наиболее активно в многостороннем культурном сотрудничестве СНГ принимают участие Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия и Таджикистан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=25247>.

⁴⁰ Культурное сотрудничество стран СНГ — в планах более 120 мероприятий за пять лет. Новости Исполкома СНГ от 25 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5250> (дата обращения: 12.04.2017).

⁴¹ В Москве на Поклонной горе торжественно завершилась Эстафета Победы вдоль внешних границ государств—участников СНГ, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новости Исполкома СНГ от 28 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5108> (дата обращения: 12.04.2017).

⁴² Обращение глав государств—участников СНГ к народам государств—участников Содружества и мировой общественности в связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.postkomsg.com/70_years/203395/-29-04-2915 (дата обращения: 12.04.2017).

⁴³ Дашогуз принял статус Культурной столицы СНГ. Сайт Исполкома СНГ, 31 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6135> (дата обращения: 12.04.2017).

⁴⁴ В Анкаре прошел вечер «Поэзия весны», приуроченный к 25-летию СНГ. Сайт Исполкома СНГ, 12 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6176> (дата обращения: 12.04.2017).

⁴⁵ Первоначально документ подписали Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргыз-

ская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан. В апреле 2009 г. к Соглашению присоединилась и Республика Молдова.

⁴⁶ Брошюра Совета по делам молодежи государств–участников СНГ. 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/foto/pages/25478.pdf>.

⁴⁷ Стратегия представляет собой совокупность согласованных подходов данных государств к основным целям, задачам, принципам, направлениям, формам и механизмам развития молодежных связей на пространстве СНГ.

⁴⁸ Подробнее о всех проведенных в честь юбилея Победы молодежных мероприятиях см.: «Совет по делам молодежи государств–участников СНГ: 10 лет». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/foto/pages/25478.pdf>.

⁴⁹ Подробнее см.: «Совет по делам молодежи государств–участников СНГ: 10 лет». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/foto/pages/25478.pdf>.

⁵⁰ Совет по делам молодежи государств–участников СНГ: 10 лет. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/foto/pages/25478.pdf>.

⁵¹ Орел в 2015 г. станет столицей Дельфийских игр стран СНГ. Официальный сайт Исполкома СНГ, 16 января 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=4207> (дата обращения: 12.04.2017).

⁵² На сайте Исполнительного комитета СНГ была создана специальная тематическая страница, посвященная Международному молодежному проекту государств–участников СНГ «100 идей для СНГ». На странице предоставляется информация о проекте, истории его создания, основных задачах, положении о проекте, основных номинациях, участниках финального этапа конкурса и лауреатах 2016 г. Страница Международного молодежного проекта государств–участников СНГ «100 идей для СНГ» находится по адресу: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=19209>.

⁵³ Члены Совета по делам молодежи государств–участников СНГ, состоявшегося в октябре 2015 г., решили направить до 1 декабря 2015 г. в Исполнительный комитет СНГ актуализированную информацию о работе студенческих трудовых и молодежных волонтерских отрядов в 2015 г. для последующего обобщения. Также обратились с просьбой к Российской Федерации провести в 2016 г. Международный форум молодежных волонтерских организаций и приняли решение создать рабочую группу по подготовке Концепции развития молодежного волонтерского движения на пространстве Содружества. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5777>.

⁵⁴ Новый импульс сотрудничеству в молодежной сфере. Официальный сайт Исполкома СНГ, 23 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5777> (дата обращения: 12.04.2017).

⁵⁵ Активно участвуют восемь государств: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=6872>.

⁵⁶ План мероприятий, посвященных Году образования в Содружестве Независимых Государств (2016 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=24837>.

⁵⁷ Ряд вузов СНГ наделен статусом базовых организаций Содружества. Официальный сайт Исполкома СНГ, 29 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5132> (дата обращения: 12.04.2017).

⁵⁸ Педагоги Содружества создали ассоциацию профильных вузов. Официальный сайт Исполкома СНГ, 23.05. 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5094>.

⁵⁹ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6441>.

⁶⁰ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6447>.

⁶¹ «Дни молодежи Содружества» проводятся при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Федерального агентства по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Федерального агентства по делам молодежи.

⁶² Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5240>.

⁶³ Составлено по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mir24.tv/news/community/13340401>; <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5527>.

⁶⁴ В Ульяновской области стартовал III фестиваль школьного спорта стран СНГ. Улпресса от 29.09.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ulpressa.ru/2015/09/29/v-ulyanovskoy-oblasti-startoval-iii-festival-shkolnogo-sporta-stran-sng/>.

⁶⁵ Представители Исполкома СНГ приняли участие в церемонии открытия Молодежного театрального форума стран СНГ, Балтии и Грузии в Минске. Официальный сайт Исполкома СНГ, 19 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5772>.

⁶⁶ В Минске работает Международная школа молодых историков стран СНГ. Официальный сайт Исполкома СНГ, 22 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5222>.

⁶⁷ Молодые интеллектуалы стран СНГ соберутся на Иссык-Куле. Официальный сайт Исполкома СНГ, 24 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6370> (дата обращения: 12.04.2017).

⁶⁸ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6339>.

⁶⁹ Составлено по: URL: http://www.ido.rudn.ru/su_sng/; <http://old.mgimo.ru/news/university/document220393.phtml>; <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=19157>.

⁷⁰ URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5218>.

⁷¹ Кубок Содружества проводится с 1993 г. Ранее в данном турнире участвовали чемпионы стран бывшего СССР, а с 2012 г. — молодежные сборные.

⁷² Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ctv.by/novosti-minska-i-minskoy-oblasti/otkrytyu-kubok-sng-kubok-mira-potakvondo-prohodit-v-minske>; <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5775>.

⁷³ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6450>.

⁷⁴ В Бишкеке обсуждались проблемы развития туризма в СНГ. Официальный сайт Исполкома СНГ, 29 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6122> (дата обращения: 12.04.2017).

⁷⁵ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5649>.

⁷⁶ Информсовет СНГ был образован 3 ноября 1995 г. Сейчас членами Информсовета СНГ являются руководители государственных информационных агентств Азербайджана (АзерТадж), Армении (АрменПресс), Беларуси (БЕЛТА), Казахстана (Казинформ), Кыргызстана (Кабар), Молдовы (МолдПресс), России (ТАСС) и Таджикистана (Ховар).

⁷⁷ В Москве прошло совместное заседание Совета руководителей телерадиоорганизаций стран СНГ и Административного совета Межгосударственного информационного пула. Официальный сайт Исполкома СНГ, 6 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=4527> (дата обращения: 12.04.2017).

⁷⁸ Фестиваль организует Фонд «Академия Российского телевидения» при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств—участников Содружества Независимых Государств (МФГС).

⁷⁹ Организаторами выступают Министерство информации Республики Беларусь, Постоянный комитет Союзного государства при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств—участников СНГ, Министерства иностранных дел, Минского городского, Минского и Гродненского областных исполнительных комитетов.

⁸⁰ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6312>.

⁸¹ Заявление глав государств—участников Содружества Независимых Государств о борьбе с международным терроризмом (16 октября 2015 г., п. Бурабай, Республика Казахстан). Сайт АТЦ СНГ, 16.10.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisatc.org/312/787.html> (дата обращения: 12.04.2017).

⁸² «Страшная сказка ДАИШ» — брошюра для подростков и их родителей с ответами на вопрос: как противостоять идеологии террористов ДАИШ (ИГИЛ). Сайт АТЦ СНГ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisatc.org/312/781.html> (дата обращения: 12.04.2017).

⁸³ Подробнее на сайте Антитеррористического центра государств—участников СНГ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisatc.org/312>.

⁸⁴ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisatc.org/3/124/176/169/179/866.html>.

⁸⁵ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisatc.org/312/890.html>.

⁸⁶ ИГИЛ (ДАИШ) — запрещенная в России и странах СНГ международная террористическая организация.

⁸⁷ Официальный сайт Россотрудничества. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/activities/4>.

⁸⁸ Отметим, что публичная дипломатия — лишь один из инструментов внешней политики государства, другие формы взаимодействия, как, напри-

мер, культурно-гуманитарное сотрудничество, предполагают именно диалог, о чем было упомянуто выше.

⁸⁹ В рамках гранта 9—15 декабря 2015 г. автором главы была осуществлена поездка в Вену, Австрия, для экспертных интервью. В Венской дипломатической академии были взяты интервью с заместителем директора Академии д-ром Герхардом Сейлером, имеющим опыт практической дипломатической работы, в том числе в России, а также с заведующим кафедрой международных отношений Маркусом Корпробстом, автором учебника по дипломатии. В Представительстве России при международных организациях в Вене — интервью с Постоянным представителем России при международных организациях в Вене В. И. Воронковым; анонимные экспертные интервью с четырьмя сотрудниками Представительства, специализирующимися на взаимодействии с различными организациями в Вене. Также было проведено анонимное интервью с представителем Министерства национальной обороны и спорта Австрии. В данном разделе представлены обобщенные результаты всех интервью.

⁹⁰ Tara Ornstein. Changing the Conversation: The PD of the International Organization for Migration. // CPD Blog. 20.01.2015. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/changing-conversation-pd-international-organization-migration>.

⁹¹ Ibid.

⁹² См., например: Ban Ki Moon. Don't Shoot the Messenger, Israel // The New York Times. 31.01.2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/02/01/opinion/dont-shoot-the-messenger-israel.html>.

⁹³ Международная летняя школа общественной дипломатии для руководителей неправительственных организаций стран—участниц государств, наблюдателей и партнеров по диалогу Шанхайской организации сотрудничества // Дипломатика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://diplomatica.ru/?pl=page&id=34&lng=ru>.

⁹⁴ Первый молодежный форум стран БРИКС и ШОС открылся в Уфе // РИА Новости. 26.07.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/society/20150726/1148403831.html> (проверено 15.03.2017).

⁹⁵ Второй молодежный форум стран БРИКС и ШОС // НКИ БРИКС. 21.06.2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/5768ecb762726975ab340000>.

⁹⁶ Молодые лидеры стран ШОС обсудили важнейшие вопросы в области дипломатии // Правительство Омской области. Официальный портал. 21.09.2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.omskportal.ru/ru/government/News/2016/09/21/1474442635827.html?printVersion=true>.

⁹⁷ «Шанхайский дух» сотрудничества на языке народной дипломатии // ИА REGNUM. 21.04.2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2123201.html>.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ В Общественной палате принято решение о создании рабочей группы по евразийской интеграции и развитию ШОС // Официальный сайт Константина Затулина. 26.02.2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zatulin.ru/v-obshhestvennoj-palate-prinyato-reshenie-o-sozdanii-rabochej-gruppy-po-evrazijskoj-integracii-i-razvitiyu-shos/>.

¹⁰⁰ Seminar on Shanghai Cooperation Organization and Regional Integration // School of Politics and International Relations Website. URL: <http://spir.qau.edu.pk/?p=621>.

¹⁰¹ Public Diplomacy Institute of Shanghai Cooperation Organization // The Charhar Institute Website. URL: http://charhar.china.org.cn/2015-09/29/content_36708341.htm.

¹⁰² Институт Организации договора о коллективной безопасности: основная информация // Официальный сайт ОДКБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://odkb-csto.org/institute/>.

¹⁰³ В ОДКБ создана Аналитическая ассоциация информационно-аналитических структур // Официальный сайт ОДКБ. 11.03.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=1710.

¹⁰⁴ В Нижнем Новгороде под эгидой Университетской лиги ОДКБ состоялся круглый стол «Актуальные проблемы обеспечения евразийской безопасности» // Официальный сайт ОДКБ. 12.09.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3892&SECTION_ID=91.

¹⁰⁵ Сообщение для информационных агентств и средств массовой информации // Официальный сайт ОДКБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.odkb.gov.ru/e/azzy.htm>.

¹⁰⁶ Академия ОДКБ (2014) // Фонд Горчакова. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/project/11696/>.

¹⁰⁷ Термин впервые прозвучал в речи Э. Мюрроу, произнесенной в колледже Восточной Каролины [Murgow, 1963].

¹⁰⁸ «Ping Pong Diplomacy» between China and USA // People.com.cn. 06.12.2003. URL: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/8198/30781/30784/2231841.html> (accessed: 20.08.2015).

¹⁰⁹ Термин впервые использован в работе «Smart Power» [Nossel, 2004].

¹¹⁰ Nye J. S. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 2006. URL: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (accessed: 15.05.2017).

¹¹¹ Датой возникновения Интернета в современном понимании можно считать 7 августа 1991 г., когда Тим Бернерс-Ли завершил первые тесты веб-браузера. Однако реальное распространение Интернета как всеобъемлющей технологии обмена информацией произошло не ранее 1995 г., с распространением первого общедоступного браузера Mosaic (первая версия от 1993 г.). Аналогично, осознание «мягкой силы» не произошло сразу после публикации Дж. Наем его работы с первым упоминанием термина в 1990 г. Разработка темы до прикладного уровня происходила вплоть до 2000-х годов, когда в Интернете уже начали появляться первые «новые» медиа: блоги, социальные сети и т.п.

¹¹² Такие трактовки заявлений находятся в очевидном противоречии с положениями Венской Конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.

¹¹³ Full text: Blair on the Media // BBC. 12.06.2007. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/6744581.stm (accessed: 06.09.2016).

¹¹⁴ Эта точка зрения обосновывается в работе «The Truth Is Out There: Responding to Insurgent Disinformation and Deception Operations» [Dauber, 2009].

¹¹⁵ State Comptroller. Annual Report no. 58a «Aspects of Preparedness of Hasbare Bodies and Their Functioning in the Secind Lebanon War». Jerusalem, 2007.

¹¹⁶ Greenfield S. Israeli's Hasbara: Myths and Facts. Jerusalem: Molad, 2012. URL: <http://www.molad.org/images/upload/researches/79983052033642.pdf> (accessed: 15.03.2017).

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Цели «войны идей» могут различаться в зависимости от рассмотрения. Так, в работе Антулио Эшевария выделяются три стратегических направления информационного воздействия: собственное население, население противника и международное общественное мнение [Echevarria, 2008]. Здесь мы наблюдаем хорошо спланированное воздействие на собственное население и сочувствующих, при намного более слабой стратегии воздействия на международное общественное мнение и противника.

¹²⁰ A/HRC/S-9/L.1.The Grave Violations of Human Rights in the Occupied Palestinian Territory, Particularly Due to the Recent Israeli Military Attacks against the Occupied Gaza Strip // Office of the High Commissioner for Human Rights. 12.01.2009. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjM0tzC3NnSAhVKFyWKHQCD_gQFggaMAA&url=http%3A%2F%2Fwww2.ohchr.org%2Fenglish%2Fbodies%2Fhr_council%2Fdocs%2F9special_session%2FReport9thSpecSessionFinal.doc&usq=AFQjCNGDhbNSDNkEqcfcWHmZpAEv-Iy8w&sig2=7M5oudalv63UM3WRGhr5w&vbm=bv.149397726.d.bGg (accessed: 15.03.2017).

¹²¹ A/HRC/12/48. Human Rights In Palestine and Other Occupied Arab Territories: Report of the United Nations Fact Finding Mission on the Gaza Conflict // Office of the High Commissioner for Human Rights. 25.09.2009. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/specialsession/9/docs/UNFFMGC_Report.pdf (accessed: 15.03.2017).

¹²² Herzberg A., Steinberg G. M. The Goldstone Report «Reconsidered» A Critical Analysis // NGO Monitor. 2012. URL: http://www.ngo-monitor.org.il/data/images/File/The_Goldstone_Report_Reconsidered.pdf (accessed: 15.03.2017).

¹²³ Experts or Ideologues? A Systematic Analysis of Human Rights Watch's Focus on Israel // NGO Monitor. 2009. URL: <http://www.ngo-monitor.org/hrw.pdf> (accessed: 15.03.2017).

¹²⁴ German funding for political advocacy NGOs active in the Arab-Israeli Conflict // NGO Monitor. 2013. URL: http://www.ngo-monitor.org/data/images/File/NGO_Monitor-Germany_October2013.pdf (accessed: 15.03.2017).

¹²⁵ Herzberg A. NGO Lawfare: Exploitation of Courts in the Arab-Israeli Conflict // NGO Monitor. 2010. URL: <http://www.ngo-monitor.org/data/images/File/lawfare-monograph.pdf> (accessed: 15.03.2017).

¹²⁶ Bernstein R. L. Rights Watchdog Lost in the Mideast // The New York Times. 19.10.2009. URL: <http://www.nytimes.com/2009/10/20/opinion/20bernstein.html> (accessed: 15.03.2017).

¹²⁷ Fridman O. 2013. The Power of Social Media: Analyzing Challenges and Opportunities for the Future Military Operations — Presented at SEDTC Politics Postgraduate Conference «Power Revisited: Crisis and Opportunities» at Royal Holloway University of London. URL: https://www.academia.edu/3622572/The_Power_of_Social_Media_Analyzing_Challenges_and_Opportunities_for_the_Future_Military_Operations (accessed: 15.03.2017).

¹²⁸ Boycott, Divestment and Sanctions.

¹²⁹ В процессе написания главы сайт не функционировал; ссылка приведена по официальным документам.

¹³⁰ Benillouche J. Israël a gagné sur le plan militaire et perdu sur le plan diplomatique une habitude // Slate. 14.08.2014. URL: <http://www.slate.fr/story/90587/israel-gagne-militaire-perd-diplomatique> (accessed: 15.03.2017). Цитируется по переводу ИноСМИ.

¹³¹ Сайт организации London South Bank University. URL: <http://www.lsbu.ac.uk/case-studies/confucius-institute-traditional-chinese-medicine-citcm> (accessed: 04.08.2016).

¹³² Там же.

¹³³ Ching F. World should watch for Confucius // The China Post. 01.10.2014. URL: <http://www.chinapost.com.tw/commentary/the-china-post/frank-ching/2014/10/01/418395/World-should.htm> (accessed: 04.08.2016).

¹³⁴ Mosher S. W. Confucius Institutes: How China is carrying out a «Long March» through our universities // The Human Events. 07.09.2012. URL: <http://humanevents.com/2012/09/07/confucius-institutes-how-china-is-carrying-out-a-long-march-through-our-universities-and-brainwashing-the-next-generation> (accessed: 04.08.2016).

¹³⁵ Статистический ресурс // China Internet Users. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.internetlivestats.com/internet-users/china/> (дата обращения: 04.08.2016).

¹³⁶ Lewis P., Kelso P. Thousands protest as Olympic flame carried through London // The Guardian. 07.04.2008. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/apr/07/olympicgames2008.china2> (accessed: 04.08.2016).

¹³⁷ Здесь и далее по тексту хронология событий представлена на основе статьи «Cyber Public Diplomacy as China's Smart Power Strategy in an Information Age: Case Study of Anti-Carrefour Incident in 2008» [Chen, 2012] и дополнена авторами.

¹³⁸ Необходимо отметить, что изначально говорилось о бойкоте всех французских магазинов. Leow J. In China, Citizens Call for Boycotts of Their Own // The Wall Street Journal. 14.04.2008. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB120812644213211317> (accessed: 04.08.2016).

¹³⁹ Crisis Management at Carrefour // EastSouthWestNorth. 28.04.2008. URL: http://www.zonaeuropa.com/20080428_1.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁴⁰ Kitty Shelley versus France // EastSouthWestNorth. 15.04.2008. URL: http://www.zonaeuropa.com/20080415_1.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁴¹ Crisis Management at Carrefour // EastSouthWestNorth. 28.04.2008. URL: http://www.zonaeuropa.com/20080428_1.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁴² Jacobs A., Wang J. Internet fuels mass patriotic fervor in China // The New York Times. 20.04.2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/04/20/world/asia/20iht-china.4.12168456.html> (accessed: 04.08.2016).

¹⁴³ Crisis Management at Carrefour // EastSouthWestNorth. 28.04.2008. URL: http://www.zonaeuropa.com/20080428_1.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁴⁴ Carrefour China Reiterates Support for Beijing Olympics // China.org.cn 29.04.2008. URL: http://www.china.org.cn/olympics/news/2008-04/29/content_15031311.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁴⁵ Carrefour chairman: Carrefour supports Beijing Olympics // Xinhua News Agency. 23.04.2008. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2008-04/23/content_8034795.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁴⁶ Crisis Management at Carrefour. — EastSouthWestNorth. 28.04.2008. URL: http://www.zonaeuropa.com/20080428_1.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁴⁷ Источник: Google Trends, дата обращения — 01.08.2016 г.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ McDonald J. Protests target Carrefour stores in China // USA Today. 01.05.2008. URL: from http://usatoday30.usatoday.com/news/world/2008-05-01-3419792923_x.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Jacobs A., Wang J. Internet fuels mass patriotic fervor in China // The New York Times. 20.04.2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/04/20/world/asia/20iht-china.4.12168456.html> (accessed: 04.08.2016).

¹⁵² Kitty Shelley versus France. — EastSouthWestNorth. 15.04.2008. URL: http://www.zonaeuropa.com/20080415_1.htm (accessed: 04.08.2016).

¹⁵³ Jacobs A., Wang J. Internet fuels mass patriotic fervor in China // The New York Times. 20.04.2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/04/20/world/asia/20iht-china.4.12168456.html> (accessed: 04.08.2016).

¹⁵⁴ Речь идет об американском фильме «Борат», снятом в 2006 г., где казахский персонаж (в фильме — журналист Борат Сагдиев) представлен в крайне негативном свете.

¹⁵⁵ The Guardian, 04 October 2006. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/oct/04/comment.television>.

¹⁵⁶ Kazakhstan... is nice! The Sunday Times. December 24 2006. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/kazakhstan-is-nice-kmkp6jlqq77>.

¹⁵⁷ Фильм «Борат» привлекает в Казахстан все больше туристов. «MIR24.TV» от 23.04.2012. URL: <http://mir24.tv/news/lifestyle/489346>.

¹⁵⁸ Подробнее о деятельности СЛМТР см.: URL: http://www.religions-congress.org/component/option,com_frontpage/Itemid,1/lang,russian/.

¹⁵⁹ Более девяти тысяч иностранных студентов учится в Казахстане. — МОН РК. URL: http://www.inform.kz/ru/bolee-devyati-tys-inostrannyh-studentov-uchatsya-v-kazahstane-mon-rk_a2822550 (дата обращения 12.03.2017).

¹⁶⁰ Центр международных программ РК. Международная стипендия Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.bolashak.gov.kz/ru/pretendentu/pravila.html> (дата обращения 12.03.2017).

¹⁶¹ Почему Нарын, Хорог и Текели? Кампусы УЦА на перекрестках региона. Официальный сайт УЦА. URL: <http://www.ucentralasia.org/Resources/ItemRussian/1127> (дата обращения 12.03.2017).

¹⁶² Краткий обзор гражданского общества в Кыргызской Республике. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29513/csb-kgz-ru.pdf> (дата обращения: 13.03.2017).

¹⁶³ Официальный сайт ТОДКС. URL: <http://friendship.tj/>

¹⁶⁴ Итог работы ТОДКС за 2012 год. URL: <http://friendship.tj/index.php/o-nas/205-todks-podvel-itogi-deyatelnosti-za-2012-god> (дата обращения: 03.03.2017). См. также: Расширенное заседание Таджикского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами по итогам 2015 года. URL: <http://rus-ksors.tj/index.php/2-uncategorised/93-rasshirennoe-zasedanie-tadzhikskogo-obshchestva-druzhby-i-kulturnykh-svyazey-s-zarubezhnyimi-stranami-po-itogam-2015-goda> (дата обращения: 03.03.2017).

¹⁶⁵ См. подробнее на сайте РОО «Нур» URL: <http://www.roonoor.ru/>.

¹⁶⁶ Первый межнациональный турнир по волейболу в Москве. Спутник-ныос от 17.11.2016. URL: <http://ru.sputnik-tj.com/photo/20161107/1021033069.html> (дата обращения: 03.03.2017). См. также: Турнир по шахматам, посвященный 25-летию установления дипломатических отношений между Таджикистаном и Россией — URL: <http://www.tajembassy.ru/ru/press/news/15-obshchestvo/521-turnir-po-shakhmatam-posvyashchennyj-25-letiyu-ustanovleniya-diplomaticeskikh-otnoshenij-mezhdu-tadzhikistanom-i-rossiej-#sthash.ED6rYV0C.dpuf> (дата обращения: 03.03.2017).

¹⁶⁷ В Ашхабаде открылся международный форум «Диалог культур на Великом шелковом пути». URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=9902> (дата обращения: 13.03.2015).

¹⁶⁸ О Совете обществ дружбы и культурно-просветительских связей Узбекистана с зарубежными странами. URL: <http://nbu.uz/ru/obshhestvo-druzhby-uzbekistan-yaropniya/o-sovete-obshhestv-druzhby-i-kulturno-prosvetitskih-svyazej-uzbekistana-s-zarubezhnymi-stranami/> (дата обращения: 27.04.2017).

¹⁶⁹ Кыргызстан обратился к ОДКБ за помощью в разрешении приграничного спора с Узбекистаном. ИА Фергана, 22.03.2016. URL: <http://www.fergananews.com/news/24567> (дата обращения: 15.03.2017)

¹⁷⁰ Таджикиский политолог: народная дипломатия решит приграничные конфликты. Спутник, 04.08.2015. URL: <https://ru.sputnik.kg/opinion/20150804/1017164924.html> (дата обращения: 15.03.2017).

¹⁷¹ Central Asian involvement in the conflict in Syria and Iraq: drivers and responses. [Electronic resource]. Report by USAID. May 4, 2015. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/CVE_CentralAsiansSyriaIraq.pdf (accessed 15.03.2017).

¹⁷² «Новруз»/«Навруз» с персидского/таджикского языка переводится как «новый день». В разных странах этот праздник известен под названиями Новруз, Нав-враз, Неороз, Наурыз, Нооруз, Наврӯз, Невруз или Навруз. Однако корень во всех вариациях один.

¹⁷³ UNESCO registers Norouz. Iran daily. URL: <http://www.iran-daily.com/News/172956.html?catid=11&title=UNESCO-registers-Norouz> (accessed 23.02.2017).

¹⁷⁴ Message from Ms Irina Bokova, Director-General of UNESCO on the occasion of the International Day of Nowruz. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002200/220097e.pdf> (accessed: 24.02.2017).

¹⁷⁵ Secretary-General's Message for 2011. URL: <http://www.un.org/en/events/nowruzday/2011/sgmessage.shtml> (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁷⁶ Подробнее об объектах Всемирного наследия ЮНЕСКО в Иране см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/statesparties/ir/> (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁷⁷ UNWTO: Iran ranked 48 in tourist attraction. Mehr news agency, Sat 8 November 2014. URL: <http://en.mehrnews.com/news/104545/UNWTO-Iran-ranked-48-in-tourist-attraction> (accessed 23.02.2017).

¹⁷⁸ Подробнее см. на официальном сайте справочника. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 25.02.2017).

¹⁷⁹ «Usage of content languages for websites». W3Techs.com. Retrieved 24 March 2015. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all (accessed: 25.02.2017).

¹⁸⁰ Роль персидского языка в расширении отношений иранцев с другими народами мира. Pars Today от 23.09. 2016. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i43687> (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁸¹ МИД Таджикистана направило ноту посольству Ирана, Asia Plus, 29 декабря, 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.tj/ru/node/219814> (дата обращения: 27.02.2017).

¹⁸² В Иране задумались о воссоздании «великой Персии». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1121619/> (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Interview: Joseph Nye on Iran and the End of American Exceptionalism/Iran View, Nov 23rd, 2015. URL: <http://www.iransview.com/interview-joseph-nye-on-iran-and-the-end-of-american-exceptionalism/1592/> (accessed 02.03.2017).

¹⁸⁵ Имеется в виду определение, предложенное в 1965 г. американским исследователем Э. Гуллином. Он назвал публичную дипломатию измерением международных отношений, которое выходит за рамки традиционной дипломатии, и средством, с помощью которого правительства и частные группы влияют на мнения и отношения других правительств и народов с целью воздействия на принимаемые ими решения в сфере внешней политики. По мнению Гуллиона, «центральный моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей». См.: The Edward R. Murrow Center for Public Diplomacy — Definitions of Public Diplomacy. URL: <http://fletcher.tufts.edu/murrow/pd/definitions.html> (accessed 11.03.2017).

¹⁸⁶ Public diplomacy involves people role in foreign relations: Spokesman. Tehran, March 6, IRNA. URL: <http://www.irna.ir/en/News/81991382/> (дата обращения: 11.03.2017).

¹⁸⁷ Интервью Марзия Афхам газете «Кейхан». 24.02.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kayhan.ir/fa/publication/84/901> (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁸⁸ Конституция Исламской Республики Иран (гл. 10, ст. 154).

¹⁸⁹ Почему голос Ирана все громче звучит в суннитском мире? Сайт Фонда поддержки исламской культуры и образования от 03.04.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.islamfund.ru/news-view-2545.html> (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁹⁰ Послание духовного лидера исламской революции по случаю великого конгресса «Хадж», 15.11. 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=753&Itemid=66 (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁹¹ Заседание Всемирной ассамблеи исламского пробуждения в Багдаде. Сайт Совета муфтиев России. 24 октября 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://muslim.ru/articles/287/16329/> (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁹² The objectives of Islamic World Peace Forum. URL: <http://en.iwpeace.com/about/purposes> (accessed: 14.02.2017).

¹⁹³ The aims of Islamic Culture and Relations Organization. URL: <http://en.icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=257&pageid=9641> (accessed 11.03.2017).

¹⁹⁴ Страница Культурного представительства Исламской Республики Иран в Москве. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://moscow.icro.ir/index.aspx?ifkeyid=&siteid=122&pageid=7085> (дата обращения: 23.02.2017).

¹⁹⁵ Подробнее о фонде: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iranology.ru/> (дата обращения: 07.03.2017).

¹⁹⁶ Подробнее см. на сайте Международного университета «Аль-Мустафа». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.miu.ac.ir/index.aspx?siteid=57&pageid=19754> (дата обращения: 08.03.2017).

¹⁹⁷ Официальный представитель Ирана: Иран будет предоставлять в год стипендии 40 студентам из Западной Африки. ИРНА от 27.07.2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www8.irna.ir/ru/News/3170009/> (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁹⁸ Foreign students from 123 countries study in Iran. Iran Daily, 16 May 2015. URL: <http://www.iran-daily.com/News/118146.html?catid=3&title=Foreign-students-from-123-countries-study-in-Iran> (accessed: 08.03.2017).

¹⁹⁹ Structure of Iran's State-Run TV IRIB. Open Source Center, 16 December 2009. URL: <https://fas.org/irp/dni/osc/iran-tv.pdf> (accessed: 12.03.2017).

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ About «Jame Jam TV» URL: <http://www.jjtvn.ir/fa/about> (accessed: 13.02.2017).

²⁰² Русскоязычная страница «Pars Today». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://parstoday.com/ru>.

²⁰³ Unbiased programs and reports, which are projected to address all the Jews around the world. Tehran Jewish Committee. Dec. 2002 URL: http://www.iranjewish.com/News_e/19-6.htm (accessed: 11.03.2017).

²⁰⁴ Об ИА «Тасним» см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tasnimnews.com/en/about>.

²⁰⁵ Об ИА «Мехр» см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mehrnews.com/news/2408725/>.

²⁰⁶ Подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://twiplomacy.com/info/asia/iran/> (accessed: 11.03.2017).

²⁰⁷ Looking at Iran: How 20 Arab and Muslim nations view Iran and Its policies. Report by Zogby Research Services, LLC, 2012. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/iranpollresultsreport.pdf> (accessed: 13.02.2017).

²⁰⁸ Каноническое право в Католической церкви — совокупность норм, обязательных для исполнения, изданных церковными властями и содержащихся в церковных канонах, т.е. в правилах, относящихся к устройству церковных учреждений, взаимоотношениям церкви и государства, а также жизни членов церкви.

²⁰⁹ Вормский конкордат — соглашение, подписанное 23 сентября 1122 г. в Вормсе императором Генрихом V и папой Каликстом II, положившее конец «борьбе за инвеституру». Император отказывался в пользу папы от духовной инвеституры (кольцом и посохом) и подтверждал незыблемость канонического избрания и посвящения прелата; папа сохранял за императором право присутствовать при избрании епископов и аббатов на территории Германского королевства и наделять его светской властью (скипетром).

²¹⁰ С 1965 г. преобразованные в пронунциев и фактически упраздненные в 1992 г.

²¹¹ В 1946 г. поднимает уровень своего представительства до интернунциатуры. Однако в 1951 г. Коммунистическая партия Китая принимает решение о конфискации всего имущества Католической церкви, вслед за чем следует разрыв дипломатических отношений.

²¹² Святой престол является членом международных организаций (ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ, ВТО, МОМ и др.) в статусе наблюдателя (что позволяет ему сохранять нейтралитет). Он также располагает сетью постоянных представительств при организациях, где он не является членом (АСЕАН, Арабский союз, Совет Европы и др.).

²¹³ Папа Иоанн XXIII правил с 1958 по 1963 г.

²¹⁴ Angelus 1 сентября. Призыв прекратить войну в Сирии. Радио Ватикана. 01.09.2013. URL: http://ru.radiovaticana.va/storico/2013/09/01/angelus_1_сентября_призыв_прекратить_войну_в_сирии/rus-724700.

²¹⁵ Raúl Castro, un'ora con il Papa. Poi da Renzi: «Che errore mettere Cuba tra i Paesi terroristi» // LaRepubblica. 10.05.2015.

²¹⁶ La rete ama Papa Francesco: il Pontefice «personaggio dell'anno» anche online. Ricerca 3RDplace 2014. URL: http://3rdplace.com/wp-content/themes/bones/library/docs/aletéia_201401_web_listening.pdf.

²¹⁷ Уровень вовлеченности аудитории по отношению к одному посту/всему сообществу, рассчитываемый по специальным формулам.

²¹⁸ La rete ama Papa Francesco: il Pontefice «personaggio dell'anno» anche online. Ricerca 3RDplace 2014. URL: http://3rdplace.com/wp-content/themes/bones/library/docs/aletéia_201401_web_listening.pdf.

²¹⁹ Аббревиатура «WriteOne, ReadMultiple» для электронного сервиса сбора и систематизации информации.

²²⁰ Servizio di Documentazione — Служба документации.

²²¹ Distribuzione elettronica dell'informazione — система электронного распространения информации.

²²² Will Pope Francis' Album Be a Hit? An Analysis Based on Past Papal Album Sales / Billboard, 9.28.2015. URL: <http://www.billboard.com/articles/news/6708209/will-pope-francis-album-be-a-hit-an-analysis-based-on-past-papal-album-sales>.

²²³ Gagliarducci A. Monsignor Viganò: «Assumiamoci il rischio di comunicare in maniera proattiva». AciStampa: 11.04.2016. URL: <http://www.acistampa.com/story/monsignor-vigano-assumiamoci-il-rischio-di-comunicare-in-mania-proattiva-3051>.

²²⁴ Papa Francesco: non abbiate paura della Rete // EuropaQuotidiano. 23.01.2014.

²²⁵ Segreteria per la Comunicazione. Официальный сайт Ватикана. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/segreteria/segreteria-comunicazione/documents/segreteria-per-comunicazione_profilo_it.html.

²²⁶ Папская летняя резиденция.

²²⁷ Gli incarichi professionali e istituzionali nel mondo del cinema e dell'audiovisivo // Официальный сайт монсьёра Дарио Эдоардо Вигано. URL: <http://www.darioedoardovigano.com/ita/biografia.php>.

²²⁸ Festival Venezia. Viganò consegna premio Bresson a Konchalovsky // RadioVaticana.09.09.2016. URL: http://it.radiovaticana.va/news/2016/09/09/mons_vigan%C3%B2_consegna_premio_bresson_a_konchalovsky/1256958.

²²⁹ Fondazione Ente dello Spettacolo.

²³⁰ The Vatican Film List. Decent Films. URL: <http://www.decentfilms.com/articles/vaticanfilmlist>.

²³¹ История ВДМ. Официальный сайт Всемирных дней молодежи. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.krakow2016.com/ru/istorija-vdm>.

²³² Впервые Римско-католической церковью юбилейный год был учрежден 12 февраля 1300 г. по постановлению папы Бонифация VIII. В соответствии с его указанием, юбилейный год должен был отмечаться каждые сто лет. Со времен правления папы Павла V юбилейный год отмечается каждые 25 лет, не считая внеочередных юбилейных годов, учреждающихся папами по особым причинам. 2016 г. был объявлен Франциском внеочередным юбилейным годом милосердия.

²³³ Открытие Святых врат (дверей) — неотъемлемый ритуал открытия юбилейного (святого) года. Представляет собой торжественное открытие входа в крупные храмы.

²³⁴ Conferenza Stampa a conclusione del Giubileo Straordinario della Misericordia e per la presentazione della Lettera Apostolica del Santo Padre Francesco «Misericordia et Misera», 21.11.2016.

²³⁵ Официальный сайт Года милосердия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iubilaeummisericordiae.va/content/gdm/it.html> (accessed 22.12.2016).

²³⁶ Официальный сайт Opus Dei в России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://opusdei.org/ru/section/opus-dei/>.

²³⁷ Официальный сайт Opus Dei. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://opusdei.org/>.

²³⁸ Официальный сайт братства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.clonline.org/>.

²³⁹ Данные за 2015 г. с официального сайта конгрегации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.legionariosdecristo.org/>.

²⁴⁰ Официальный сайт движения «Фоколяры». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.focolare.org/chi-siamo/domande-frequenti/>.

²⁴¹ Официальный сайт Общины Святого Эгидия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.santegidio.org/pageID/2/langID/it/la-comunit%C3%A0.html>.

²⁴² Сайт российского представительства ассоциации «Compagnia delle Opere». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interserviceitalia.com/ru/cdo.html>.

²⁴³ Движение Римско-католической церкви, основанное в 1964 г. в Испании под влиянием идей Второго Ватиканского собора как ответ на секуляризацию общества.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Бордюжа Н. Н. Выступление Генерального секретаря ОДКБ 19 декабря 2013 г. на круглом столе — «Цветные революции: роль внешнего фактора и линия ОДКБ» — Официальный сайт ОДКБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/general_secretary/detail.php?ELEMENT_ID=3135&SECTION_ID=1089.

Выступление министра иностранных дел Кыргызской Республики Э. Б. Абдылдаева по случаю начала учебного года в Дипломатической академии МИД КР им. Казы Дикамбаева. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. 2015. № 5 (05). С. 6–10.

Выступление Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона на встрече с дипломатическими работниками страны по случаю открытия нового здания МИД РТ. Душанбе, 15.03.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.prezident.tj/ru/node/4114>.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2016. 6 декабря. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>.

Концепция внешней политики КР. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 10 января 2007 г. УП N2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mfa-osh.kg/pravovayabase/1065-konceptsiya-vneshney-politiki-kr.html#.WMiz29SLSt8>.

Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 г., № 332. Официальный веб-сайт МИД РТ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mfa.tj/?l=ru&art=1072>.

Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. — МИД Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186.

Лавров С. В. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель.

Лукашенко А. Приветствие к участникам X Форума творческой интеллигенции // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=564922-10-2015>.

Назарбаев Н. Х Форум интеллигенции стран СНГ внесет свой вклад в продвижение ценностей мира и добрососедства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5649>.

О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации. Указ Президента РФ. 7 мая 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15256>.

Об Обращении глав государств–участников Содружества Независимых Государств к народам государств–участников Содружества и мировой обществу в связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=19170>.

Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества от 18.12.2010. МИД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/224550.

Послание Президента страны народу Казахстана, «Стратегия «Казахстан-2050». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mf.gov.kz/index.php/ru/informatsiya-o-kazakhstane/poslaniya-prezidenta-strany-narodu-kazakhstan/poslanie-prezidenta-strany-narodu-kazakhstana-strategiya-kazakhstan-2050>.

Путин В. За прошедшее десятилетие Форум творческой интеллигенции доказал свою востребованность. Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5649>.

Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>.

Решение Совета глав правительств СНГ об «Основных мероприятиях сотрудничества государств–участников Содружества Независимых Государств в области культуры на 2016–2020 гг.» от 29 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5132>.

Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г. 2016. Официальный сайт ОДКБ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=8382.

2014–2016 NATO Public diplomacy strategy. URL: <http://publicintelligence.net/nato-public-diplomacy-2016>.

A new strategy to put culture at the heart of EU international relations. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-2075_en.htm.

Council Decision establishing the organisation and functioning of the European External Action Service, 26 July 2010 (2010/427/EU), Official Journal of the European Union L 201/30, 3 August 2010, Article 4, 9 (6) and Annex. URL: <https://books.google.ru/books?id=g0jQqUFFYQ0C&pg=PA14&dq=Council+decision+on+the+organisation+and+functioning+of+the+EEAS,+2010/427/EU,+26+July+2010,+&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjMi9LCkTtAhXrB5oKHdCRBi84FBDoAQghMAA#v=onepage&q=Council%20decision%20on%20the%20organisation%20and%20f>

unctioning%20of%20the%20EEAS%2C%20(2010%2F427%2FEU)%2C%2026%20July%202010%2C&f=false.

Delegation of the European Union to the International Organisations in Vienna. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/vienna/about_us/delegation_role/index_en.htm.

European Commission «A glance at EU public diplomacy at work. The EU's 50th anniversary celebrations around the world». Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P. 12.

European Commission. Trade. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/who/partners/civil-society/index_en.htm.

HANDBOOK ON CSDP. URL: <http://docplayer.net/441263-Second-edition-handbook-csdp-the-common-security-and-defence-policy-of-the-european-union.html>.

Information and Communication Handbook for EU Delegations in Third Countries and to International Organization. December 2012. P. 4.

La comunicazione etica, sostenibile e socialmente responsabile presso i pubblici e il mercato pubblicitario. Indagine integrata sull'audience del network Aleteia-AdEthic, GFK Eurisko, Milano, gennaio 2014.

Protocol Service of the European Commission. URL: http://ec.europa.eu/dgs/secretariat_general/corps/index.cfm?go=protocol.protocol.

Putin Vladimir V. A Plea for Caution From Russia // The New York Times. 11.09.2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html?_r=0.

Strategy Paper and Indicative Programme. 2014–2020. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/intra-acp-strategy-11-edf-2014-2020_en.pdf.

The Guardian, 04 October 2006. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/oct/04/comment.television>.

The Lisbon Treaty (consolidated version), The Treaty on European Union, Article 2, in Official Journal of the European Union C 83/17, 30 March 2010. P. 1.

Хомейни Р. Страница Имама. Тегеран, изд. «Танзим ва нашре осоре имом». 1989. №18. С.72.

دلج 1366، ینیمخ امام رانثا و رشن میظنت :نارعت ،رون هفیحص ،هللا جور ینیمخ یوسوم 18، ص 72.

Хаменеи А. Письмо молодежи западных государств. Официальная страница Аятуллы Сейид Али Хаменеи, 29-11-2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=1226&Itemid=66.

Словари, энциклопедии, справочники

Дипломатия Таджикистана. Душанбе: Изд. МИД РТ, 1994. С. 28.

Краткая российская энциклопедия: В 3 т. М.: Большая российская энциклопедия / ОНИКС XXI век, 2003, т. 1.

Литература

Абдраимов М. Дж. Внешнеполитическая информационная деятельность государства в современных условиях: концептуальная основа и проблемы //

Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. 2015. № 5 (05). С. 50–54.

Абжапарова Л. Ж., Сарсембаева А. Б. Народная дипломатия как фактор международных отношений: исторический опыт Казахстана // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 11–7. С. 1520–1523.

Абильдаев И. Формирование государственно-политического бренда Республики Казахстан // *КазҰУ хабаршысы = Вестник КазНУ. Серия: Философия, политология, культурология сериясы*. 2010. № 1 (34). С. 58–61.

Айтмурзаев Н. Т. «Мягкая сила» как потребность общества в социальном порядке в условиях глобализации // *Вестник Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики*. 2012. № 5 (05). С. 11–15.

Айтмурзаев Н. Т. «Мягкая сила» как один из факторов обеспечения безопасности государства в условиях глобализации // *Проблемы современной науки и образования*. № 36 (78). 2016. С. 101–103.

Актуальные проблемы расширения Шанхайской организации сотрудничества: Материалы Международной конференции (форума): «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшей развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества» (Институт стран СНГ). 2016. М.: Институт стран СНГ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://civilshos.ru/d/1230394/d/aktualnyye_problemy_rasshireniya_shankhayskoy_organizatsii_sotrudnichestva.pdf.

Алиев А. Иран vs Ирак: история и современность. М.: Изд-во МГУ. 2002. 768 с.

Барановский В. Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // *Полис*. 2017. № 3. С. 71–91.

Бартош А. А. Эволюция публичной дипломатии НАТО // *Дипломатическая служба*. 2013. № 3. С. 6–11.

Батыршин Р. Интервью: Телеканал «МИР» стал новым федеральным каналом в России // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tv.belta.by/news-tv-ru/view/mir-stal-novym-federalnym-kanalom-v-rossii-461/-21-07-2015>.

Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // *Вестник ТГУПБП. Серия: Общественные науки*. 2017. № 1 (70). С. 131–147.

Бекмухаммад К. Вакте чойи дипломатияи расонай холист // *Бознашр аз «Нигоҳ»* аз 25.04.2015. (Когда пустует место медиадипломатии / Пер. с тадж.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bekmuhammad.wordpress.com/author/kbekmuhammad/page/2/>.

Боришполец К. П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 5 (44). С. 42–55.

Вартанян А. М. Трансформация внешнеполитической доктрины ИРИ в 1979–2005 гг. // *Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен / Отв. ред. М. Р. Арунова*. М.: ИВ РАН, 2006. 242 с.

Гасеми Х. М. Политические и культурные условия внешней политики Исламской Республики Иран // *Молодой ученый*. 2013. № 4. С. 424–429.

Гладкова Е. Л. Сердце сердцу весть подает // *Родина*. 2001. № 5. С. 23–26.

Гурбангельдыев Дж. Культурная дипломатия — язык межнационального диалога. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=1018>.

Демиденко С. Научно-техническое сотрудничество России и Ирана. А был ли мальчик? // РСМД. 2014. 21 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4635#top-content.

Джаббари Насир Х. Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 4. С. 667–678.

Джонс С. НАТО ищет оружие, способное противостоять российской информационной войне. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/08dec2014/ft/nato_pr.

Долинский А. В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Дисс. ... канд. полит. наук. М: МГИМО (У), 2011.

Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25).

Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/>.

Долинский А. Публичная дипломатия для бизнеса, НКО и университетов // Российский Совет по международным делам. 2013. 26 сентября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-dlya-biznesa-nko-i-universitetov/>.

Дружиловский С. Трансформация внешнеполитического курса Ирана // Обозреватель Observer. Март 2017. № 3 (326). С. 25–35.

Душанбеева М. Глава фонда Ага Хана в РТ: Ежегодно в страну вкладываем 70 млн долл. Портал «Россия для всех». 12.10.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tjk.rus4all.ru/interview/20151012/726211718.html>.

Естратов А. Настоящая «иранская бомба» — научные достижения этой страны // ИА Iran.ru. 2012. 22 марта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iran.ru/news/analytics/79178/Nastoyashchaya_iranskaya_bomba_nauchnye_dostizheniya_etoju_strany.

Жакенова К. А. Публичная дипломатия как сфера национального брендинга // Вестник КазЭУ / КазЭУ Хабаршысы. 2012. № 6. С. 126–131.

Жураев Р. Т. Роль народной дипломатии Узбекистана в международных отношениях: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Андижан, 1998.

Жусупбеков Конысбек (зампред Исполкома СНГ). Интервью 13.01.2016. «В странах СНГ уделяется особое внимание соцзащите инвалидов и участников войны». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5899>.

Звягельская И. Д. Этноконфессиональные конфликты современности и подходы к их урегулированию // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

Зинько С. Ю. Публичная дипломатия и информационная политика Ирана. «Ближний Восток и современность»: Сб. статей. Вып. 40. М.: ИБВ, 2009. С. 61–77.

Зонова Т. В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» // РСМД. 2013. 4 июня. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/humanitarian-cooperation-between-russia-and-the-european-uni/>.

Зонова Т. В. Дипломатические структуры Европейского союза / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. Дипломатическая служба зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2015.

Зонова Т. В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

Зонова Т. В. Дипломатия. Модели, формы, методы. М.: Аспект Пресс, 2014.

Зонова Т. В. Модернизация дипломатической службы Италии / Под ред. Т. В. Зоновой. На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века. М.: Весь Мир, 2011.

Зонова Т. В. Парадипломатия Европейских регионов // Вся Европа. 2011. № 4 (54). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://alleuropalux.org/?p=2673>.

Зонова Т. В. Публичная дипломатия и ее акторы // РСМД. 2012. 28 августа. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/>.

Зонова Т. В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО — инструмент доверия или агент влияния? // Российский совет по международным делам. 2012. 7 августа. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681.

Зонова Т. В. Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2003.

Имаков Т. З., Семедов С. А. Хомейнизм — идеология политического ислама // Журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». Вып. № 4. 2010. С. 162—170.

Исабаева С. Как и чем Казахстан может способствовать разрешению кризиса в Украине? // Central Asia Monitor. 11.09.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://camonitor.kz/13391-kak-i-chem-kazahstan-mozhet-sposobstvovat-razresheniyu-krizisa-v-ukraine.html>.

Исомитдинов Ж. Б. К истории и традициям праздника Навруз // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5 (61). С. 161—170.

Казбекова Д. С. Публичная дипломатия во внешней политике Федеративной Республики Германия и Республики Казахстан: Дисс. ... д-ра полит. наук. Астана, 2014.

Каменева М. Цели культурной политики Ирана в регионе и ее воплощение // Роль и место Ирана в регионе. Коллективная монография / Отв. редакторы: Н. М. Мамедова, М. Иманипур. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.

Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8: Предполагаемое начало человеческой истории. М.: Чоро, 1994.

Ким Г. Н. Казахстанско-корейские отношения и публичная дипломатия Кореи // Казахстан Спектр. 2012. № 4. С. 24—36.

Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013.

Кун Г. Возвращение из преисподней: денацификация послевоенной Германии // Историк и художник. 2007. № 12.

Лалетин Ю. П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации // Восток. 2008. № 2. С. 137–149.

Латифов Д. Л. Атташе по культуре в посольствах и его роль в развитии международных культурных связей // Журнал МИД РТ «Внешняя политика». 2015. № 1. С. 114–119.

Лебедев С. В. Бишкеке будет дан импульс развитию сотрудничества стран СНГ // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=6409>.

Лебедева М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 47–55.

Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3. С. 112–121.

Лебедева М. М. Возможности публичной дипломатии России в развитии ЕАЭС // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. 2016. 26–30 мая. Ялта. Крымский федеральный университет, Кубанский государственный университет, Болгарский евразийский научный центр. Симферополь: ИТ «Ариал». С. 127–131.

Лебедева М. М. Мировая политика. 3-е изд., стереотип. М.: КНОРУС, 2015.

Лебедева М. М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2007.

Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1997.

Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4 (43). С. 45–56.

Лебедева М. М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 1998. № 3. С. 28–35.

Лебедева М. М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО. 2016. № 2. С. 125–133. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/mirovaya-politika/sistema-politicheskoy-organizacii-mira-idealnyy-shtorm>.

Лебедева М. М. Три элемента борьбы с терроризмом. Источник: Портал МГИМО от 21.12.15 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mgimo.ru/about/news/experts/tri-elementa-borby-s-terrorizmom/>.

Лебедева М. М., Боришполец К. П., Иванова Н. А., Чепурина М. А. Центральная Азия: социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект Пресс, 2016.

Лебедева М. М., Харкевич М. В., Зиновьева Е. С., Копосова Е. Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 22–36.

Леонова О. Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель — Observer. 2014. № 3. С. 18–28.

Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М., 2001.

Мамедова Н. М. Экономические связи Ирана и стран СНГ. Иран и СНГ. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.

Маслова Е. О., Шебалин Д. Д., Шебалина Е. О. Святой год 2016 — еще одно достижение папы Франциска // Миссия конфессий. 2016. № 18. С. 46–54.

Мейсан Т. Техника современной военной пропаганды. 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.voltairenet.org/article191836.html>.

Мураталиева Н. Деятельность НПО в Киргизии подрывает ее национальную безопасность. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/news/13164/>.

Мухаметов Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 84–90. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25264/1/iuro-2014-128-10.pdf>.

Мухаммад аль-Бухари. Роль народной дипломатии в укреплении дружбы и экономическо-общественного сотрудничества. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://muhammad-bukhari.blogspot.ru/2012/02/blog-post.html>.

Мухаммад М. Музокироти Тоҷикистону Қирғизистон: аз суботи марз то ҳамкориҳои иқтисодӣ (Таджико-киргизские переговоры: от стабильности на границах до экономического сотрудничества / Пер. с тадж.) // Радиои Озоди. 2016. 24 ноября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ozodi.org/a/tajik-and-kyrgyz-border-tensions-decreased-in-recent-years/28136570.html>.

Николаев С. А. Превентивная дипломатия для Центральной Азии // Международная жизнь. 2009. № 2–3. С. 96–107.

Новиков А. П. Приветствие участникам конференции «Создание воспитательной антитеррористической и антиэкстремистской среды в современном вузе». 2016. 14 апреля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cisatc.org/132/164/186/811.html>.

Нурланов Э. Роль неправительственных организаций в Кыргызской Республике: состояние, этапы развития // Время Востока. 2016. 23 ноября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/rol-npravitelstvennykh-organizatsii-v-kyrgyzskoi-respublike-sostoyanie-etapy-r#8>.

Оралов А. Учиться в МГИМО — большое счастье и огромная честь! Сайт МГИМО, 23.07.2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.mgi-mo.ru/news/faculty/document240694.phtml>.

Оспанов Н. Публичная дипломатия Кореи в отношениях с Казахстаном. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arirang.ru/news/2012/12060.htm>.

Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13). С. 91–97.

Панова Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (16). С. 157–161.

Плотников Д. С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // Журнал ARS ADMINISTRANDI. Вып. 1. 2016. С. 160–177.

Плутарх. Помпей. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: Наука, 1994. Т. II. С. 28. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439003200#24>.

Подберезкин А. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель. 2016. № 12 (323). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.materik.ru/upload/iblock/80b/80bc8c745705689ed2c0dbd527fb7290.pdf>.

Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал: В 5 т. Т. 2. М.: МГИМО, 2012.

Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО, 2015.

Подберезкин А. И., Харкевич М. В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. М.: МГИМО, 2015.

Развитие и деятельность Содружества Независимых Государств в 2016 г.: Сб. информационно-аналитических материалов. Вып. 5. Минск, 2017. С. 174. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-cis.info/foto/pages/25851.pdf>.

Савин Л. В., Федорченко С. Н., Шварц О. К. Сетецентрические методы в государственном управлении. М.: ООО «Сам полиграфист», 2015.

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мирь, 2006.

Саидов Ф. Цифровая дипломатия: понятие, история развития и значение // Журнал МИД РТ «Внешняя политика». 2013. № 1. С. 103–112.

Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М.: Госполитиздат, 1947.

Смирнова О. О. Парадигмы и параллели. О смене парадигмы однополярного мира и стратегическом планировании // МИР. Модернизация. Инновации. Развитие. 2014. № 3 (19).

Создание воспитательной антитеррористической и антиэкстремистской среды в современном вузе: Материалы Международной научно-практической конференции 14–15 апреля 2016 г. / Под ред. В. Е. Быданова; СПб ГТИ (ТУ). 2016. 357 с.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: Монография: В 2 т. / Под ред. А. И. Подберезкина. М.: МГИМО (У), 2015.

Тацит К. Сочинения в двух томах. Т. I: «Анналы. Малые произведения». М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. С. 21. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1346763637>.

Турсун А. Отношение к «Другому» как зеркало самосознания // Иран-намэ. 2011. № 4 (20). С. 5–25.

Ульмасов Р. Миграционная ситуация в Таджикистане: проблемы и пути решения. Портал «Культурная дипломатия» от 13 апреля 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://culturedip.interaffairs.ru/index.php/analitika/item/1034-1034>.

Хандогин К. Ю. Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ 1990-х годов // Власть. 2011. № 11. С. 167–169.

Холиқзод М., Муҳаммадраҷаб М. Дипломатияи мардумӣ баъри халли ма-соили марзӣ (Народная дипломатия для решения приграничных вопросов / Пер. с тадж.). Радиои Озоди. 2015. 11 феврал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL:<http://www.ozodi.org/a/border-land-dispute-discussion-tajikistan-kyrgyzstan/26842011.html>.

Цветкова Н. А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 552 с.

Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США и революции в арабском мире // Мир и политика. 2011. № 4. С. 45–53.

Цветкова Н. А., Кубышкин А. И. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2012.

Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Политизация «цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. 2013. Вып. 1. С. 119–124.

Цветкова Н. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. № 3. С. 121–133.

Цыганков П. А. «Гибридные войны»: понятие, интерпретации и реальность. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Издательство МГУ, 2015.

Шах М. Потенциал «народной дипломатии» и значение ее применения в Афганистане. Информационный портал «Афганистан.Ру». 03.05.2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/14632.html>.

Шебалин Д., Шебалина Е. Историческая встреча патриарха и папы как фактор развития межхристианского диалога: Материалы конференции «Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы». М.: Институт Европы РАН, 2016.

Шеринев И. Л. Общественная дипломатия Шанхайской организации сотрудничества: теория и практика. М.: Издательство Моск. гуманитар. ун-та, 2013.

Ягья В., Пономарева Е. Научное сотрудничество — форма и метод публичной дипломатии // Обозреватель. 2015. № 8 (307). С. 69–82.

Aall P. Nongovernmental Organizations and Peacemaking // Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict / Ed. by Ch. A. Crocker and F. O. Hampson with P. Aall. Wash., D.C.: United States Institute of Peace Press, 1996. P. 433–461.

Aall P. Building Interests, Relationships, and Capacity // Managing Conflict in a World Adrift / Ed. by Ch. A. Crocker and F. O. Hampson, P. Aall. Wash., D.C.: United States Institute of Peace Press, 2013. P. 409–427.

Azadi S., Maghsoodi M., Mehrpouyan A. Performance Analysis of Cultural Diplomacy of Iran in Central Asia // International Journal of Humanities and Cultural Studies. Sept. 2015. Vol. 2. Issue 2. P. 663–690.

Babst S. Public Diplomacy — the Art of engaging and influencing // Babst_Public_Diplomacy. 2009. P. 3. URL: <http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdfy/>.

Babst S. Стратегия обеспечения безопасности 2.0. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2011/10/19_x_3805886.shtml.

Bakeer Ali Hussein. The real face of Iran in the Arab world. Anadolu Agency. 08.06.2016. URL: <http://aa.com.tr/en/analysis-news/opinion-the-real-face-of-iran-in-the-arab-world/586470>.

Bátora J., Van de Craen F. Public diplomacy between home and abroad: Norway and Canada // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2006. Vol. 1. No 1. P. 53–349. doi: 10.1163/187119006x101852.

Beck U. *Metamorphoses of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016. Цит. по: *Метаморфозы мира / Пер. с англ. С. А. Кравченко. Вопросы анализа риска*. 2017. № 1. С. 9–16.

Bell D. *Reordering the World: Essays on Liberalism and Empire*. Princeton University Press, 2016.

Berridge G. *Diplomacy: Theory and Practice*. 4th ed. N.Y.: Palgrave, Macmillan, 2010.

Bertone T. *La Diplomazia pontificia in un mondo globalizzato*. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 2013.

Bull H. *The anarchical society: A study of order in world politics*. Palgrave Macmillan, 2012.

Byrne Caitlin. G20 Public Diplomacy: A Global Governance Imperative // G20 Information Center. 2016. August 25. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/biblio/byrne-sisu-2016.html>.

Castells M. The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. P. 616. URL: http://prtheories.pbworks.com/w/file/attach/45138545/Castells_2008_The_New_Public_Sphere.pdf.

Center S. *The Evolution of American Public Diplomacy: Four Historical Insights*. United States Advisory Commission on Public Diplomacy. 2013. URL: <https://www.state.gov/pdcommission/meetings/218815.htm>.

Chen P. Cyber Public Diplomacy as China's Smart Power Strategy in an Information Age: Case Study of Anti-Carrefour Incident in 2008 // *International Journal of China Studies*. 2012. Vol. 3. No 2. P. 189–217.

Cohen B. C. *Press and foreign policy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1963.

Cohen N. Who will rid us of hate channels such as Press TV? // *The Observer*. December 2011. No 4. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/dec/04/nick-cohen-press-tv-hatred>.

Copeland D. *Guerrilla Diplomacy: Rethinking International Relations*. Boulder: Lynne Rienner, 2009.

Cowan G., Arsenault A. Moving from monologue to dialogue to collaboration: The three layers of public diplomacy // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. T. 616. No 1. P. 10–30.

Cross M., Davis K. *European public diplomacy: soft power at work / Ed. by Mai'a K. Davis Cross*. N.Y., NY [u.a.]: Palgrave Macmillan, 2013. XIX. P. 230.

Cull N. *Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. No 1. P. 31–54.

Cull N. J. Public Diplomacy: Lessons from the Past. Los Angeles: Figueroa Press, 2009.

Dajani J. The Arab Media Revolution // PBS Frontline / World, 27.03.2007. URL: <http://www.jamaldajani.com/articles.html>.

Data Driven Public Diplomacy: Progress Towards Measuring the Impact of Public Diplomacy and International Broadcasting Activities. 2014 United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/231945.pdf>.

Dauber C. E. The Truth Is Out There: Responding to Insurgent Disinformation and Deception Operations // Military Review. 2009. Vol. 89. No 1. P. 13–24.

De Marchi G. Le nunziature apostoliche dal 1800 al 1956, Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1957.

Dearing J. W., Rogers E. M. Agenda-Setting Research: Where Has It Been Where Is It Going? // Annals of the International Communication Association. 1988. Vol. 11. No 1. P. 555–594.

Der Derian J. Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War. Cambridge (Mass.) & Oxford UK: Blackwell, 1992.

Diamond L., McDonald J. Multi-Track Diplomacy: A System Approach to Peace. 2nd ed. Wash. (D.C.): Inst. for Multi-Track Diplomacy, 1993.

Diplomacy and Statecraft. 2001. Vol. 2. No 6. P. 1–28.

Doyle M. Liberal peace: Selected essays. Routledge, 2011.

Duke S. The European External Action Service and Public Diplomacy / Discussion Papers in Diplomacy. September 2013. P. 10.

Dutta-Bergman M. J. US Public Diplomacy in the Middle East A Critical Cultural Approach // Journal of Communication Inquiry. 2006. Vol. 30. No 2. P. 102–124.

Echevarria A. J. Wars of ideas and the war of ideas. Carlisle Barracks Pennsylvania: U.S. Army War College: Strategic Studies Institute, 2008. P. 63.

Farquhar S. C. (ed.). Back to Basics: A Study of the Second Lebanon War and Operation CAST LEAD. Fort Leavenworth Kansas: Combat Studies Institute Press US Army Combined Arms Center, 2009. 156 p.

Filipazzi A. Rappresentanze e rappresentanti pontifici dalla seconda metà del XX secolo. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 2006.

Galula D. Counterinsurgency warfare: theory and practice. Greenwood Publishing Group, 2006.

Gifford D. Malone quoted in Evan H. Potter, ‘Canada and the New Public Diplomacy’, Discussion Papers in Diplomacy, No 81 (The Hague: Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendael’, 2002).

Gilboa E. Diplomacy in the Media Age: Tree Models of Uses and Effects / Diplomacy and Statecraft. 2001. Vol. 2. N 6. P. 1–28.

Gilboa E. Public Diplomacy: The Missing Component in Israel’s Foreign Policy // Israel Affairs. 2006. Vol. 12. No 4. P. 715–747. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13533310600890067>.

Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No 1. P. 55–77. URL: <https://doi.org/10.1177/0002716207312142>.

Golan Guy J., Carroll Terrance R. The op-ed as a strategic tool of public diplomacy: Framing of the 2011 Egyptian revolution // *Public Relations Review*. November 2012. Vol. 38. Issue 4. P. 630–632.

Gotz N. Civil Society and NGO: Far from Unproblematic Concepts // *The Ashgate Research Companion to Non-State Actors* / Ed. by B. Renalda. Burlington: Ashgate, 2011. P. 185–196.

Grunig J. Public relations and international affairs: Effects, ethics and responsibility // *Journal of International Affairs*. 1993. Vol. 47. No 1. P. 137–161.

Gullion E. A. What is Public Diplomacy? // USC Center of Public Diplomacy. 2015.

Hall I. The Transformation of Diplomacy: Mysteries, Insurgencies and Public Relations // *International Affairs*. 2010. Vol. 86. No 1. P. 247–256.

Ham P. van. Branding territory: Inside the wonderful worlds of PR and IR theory // *Millennium*. 2002. No 31 (2). P. 268. URL: <https://doi.org/10.1177/03058298020310020101>.

Hocking B., Spence D. (eds.). *Foreign Ministries in the European Union: Integrating Diplomats*. N.Y.: Palgrave, 2005.

Holz hacker L., Luif P. (eds). *Freedom, Security and Justice in the European Union. Life Learning Programme in the European Union Project no. 177316-LLP-1-2010-DE-ERASMUS-ENWA*. URL: <https://books.google.ru/books?id=31WRAAAAQBAJ&pg=PA1&dq=nobel+prize+european+union&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj336PGhdTTAhVHYJoKHZBPCawQ6AEIjAA#v=onepage&q=nobel%20prize%20european%20union&f=false>.

Huntington S. P. *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. University of Oklahoma Press, 1993.

IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy // US Department of State. 2010. September 1. URL: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>.

Jackson P. Th. Civilization's on Trial // *Millennium-Journal of International Studies*. 1999. Vol. 28. No 1. P. 141–153. URL: <https://doi.org/10.1177/03058298990280010301>.

Jarsky V. How the World Uses Twitter [Infographic] // *MarketingProfs*. 5.10.2015. URL: <http://www.marketingprofs.com/chirp/2015/28385/how-the-world-uses-twitter-infographic>.

Kalb M., Saivetz C. The Israeli-Hezbollah War of 2006: The Media as a Weapon in Asymmetrical Conflict // *The Harvard International Journal of Press/Politics*. 2007. Vol. 12. No 3. P. 43–66. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/1081180x07303934>.

Kelman H. *The Problem-Solving Workshop in Conflict Resolution* // *Communication in International Politics* / Ed. by R. L. Merritt. Urbana: University Press, 1972. P. 168–204.

Kelman H., Cohen S. *Reduction of International Conflict: An Interaction Approach* // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by W. G. Austin, S. Worchel. Monterey (Cal): Brooks-Cole Publ., 1979. P. 288–303.

Kraus J. M. *La nuova Chiesa di Papa Francesco*. Roma: Moraglia, 2013.

Lajolo G. *Nature & Function of Papal Diplomacy*. Singapore: Institute of South-east Asian Studies, 2005.

Latour B. *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford University Press, 2005.

Leonard M., Alakeson V. Going Public: Diplomacy for the Information Society. L.: Foreign Policy Centre, 2000.

Leonard M., Stead C., Smewing C. Public diplomacy. L.: Foreign Policy Centre, 2002. 183 p.

Lippmann W. Public opinion. N.Y.: Macmillan, 1922. 427 p.

Luttwak E. N. From geopolitics to geo-economics: logic of conflict, grammar of commerce // *The National Interest*. 1990. No 20. P. 17–23.

Mai'a K., Cross D. and Mellisen J. European Public Diplomacy: Soft Power at Work. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 120.

Malone G. D. Managing public diplomacy // *Washington Quarterly*. 1985. Vol. 8. No 3. P. 199–213. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/01636608509450301>.

Manning B. The Congress, the Executive and Intermestic Affairs: Three Proposals. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1977-01-01/congress-executive-and-intermestic-affairs-three-proposals>.

Mansoor P. R. Surge: my journey with General David Petraeus and the remaking of the Iraq War. Yale University Press, 2013.

March J. G., Olsen J. P. The new institutionalism: organizational factors in political life // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 78. No 03. P. 734–749.

McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. No 2. P. 176–187.

McDonald John W. Further Exploration of Track Two Diplomacy // *Timing the De-Escalation of International Conflicts* / Ed. by Louis Kriesberg & Stuart J. Thorson. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1991. P. 201–220.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a feather: Homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. No 1. P. 415–444.

Melissen J. The new public diplomacy: soft power in international relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 240 p.

Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. // *The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age* / Ed. by Jan Melissen. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. URL: http://www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf.

Melissen J. Beyond the New Public Diplomacy / *Clingendael Paper No 3*. The Hague: Netherlands Institute of International Relations, October 2011. P. 10.

Mohseni P. The Islamic Awakening: Iran's Grand Narrative of the Arab Uprisings // *Crown Center for Middle East Studies*. April 2013. No 71 URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB71.pdf>.

Morozov E. The net delusion: The dark side of Internet freedom // *PublicAffairs*. 2012.

Morozov E. To save everything click here: the folly of technological solutionism. N.Y.: PublicAffairs, 2013. 415 p.

Morris I. War! What is it Good For?: Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. Macmillan, 2014.

Murray D. Push off now, Press TV, and take your conspiracy theories with you. *The Spectator* (blog). 2012. January 20. URL: <http://blogs.spectator.co.uk/2012/01/push-off-now-press-tv-and-take-your-conspiracy-theories-with-you/>.

Murrow E. R. Commencement speech at East Carolina College's graduation / East Carolina University, 1963. URL: <https://digital.lib.ecu.edu/3493>.

Nagl J. A. et al. The US Army/Marine Corps Counterinsurgency Field Manual. University of Chicago Press, 2008.

Natsios A. S. An NGO Perspective. In *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques* / Ed. by I. W. Zartman and J. L. Rasmussen. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1996. P. 337–361.

Nossel S. Smart Power // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 83. No 2. P. 131–142. URL: <http://dx.doi.org/10.2307/20033907>.

Nye J. S. Bound to lead: the changing nature of American power. N.Y.: Basic Books, 1990. 336 p.

Nye J. S. The future of power. N.Y.: PublicAffairs, 2011. P. 34.

Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002.

Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

Obst D., Banks C. Reinventing Academic Ties: Opportunities for U.S.-Iran Higher Education Cooperation. Institute of International Education (IIE). July 2015. URL: <http://files.arnoldporter.com/reinventingacademicitiesopportunitiesforusiranhigher-educoop.pdf>.

Ormelicheva M. Eye on the international image: Turkmenistan's nation branding. LM.: Lexington books, 2015. P. 91–110.

O'Reilly T., Battelle J. Web squared: Web 2.0 five years on. «O'Reilly Media, Inc.», 2009.

Pagovski Z. Z. Public Diplomacy of Multilateral Organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN // Fuguero Press. 2015.

Pagovski Zhikica Zach. Public Diplomacy of International Organizations. The Cases of NATO, EU, and ASEAN. Figueroa Press, Los Angeles, 2015. URL: <http://uscpcd.sanmita.net/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u25044/Public%20Diplomacy%20of%20Multilateral%20-%20Full%20June%202015.pdf>.

Pahlavi P. Understanding Iran's Media Diplomacy // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2012. Vol. 6. No 2. P. 21–33.

Potter E. Canada and the new public diplomacy // *International Journal*. 2002. Vol. 58. No 1. P. 43–64. doi: 10.2307/40203812.

Rasmussen S. B. Discourse Analysis of EU Public Diplomacy Messages and Practices. The Hague: Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', 2009.

Rawnsley G. D. Media diplomacy: monitored broadcasts and foreign policy. Centre for the Study of Diplomacy, University of Leicester, 1995.

Rice C. Transformational diplomacy. Speech delivered at Georgetown University, Washington, DC. 2006. URL: <http://www.freemediaonline.org/publicdiplomacy-transformationaldiplomacyricejan2006.pdf>.

Risse Th. «Let's argue!»: communicative action in world politics // *International organization*. 2000. Vol. 54. No 01. P. 1–39. URL: <https://doi.org/10.1162/002081800551109>.

Risse Th. Transnational Actors and World Politics // *Handbook of International Relations* / Ed. by W. Carsenaes, Th. Risse, B. A. Simmons. L., a.o.: Sage, 2002. P. 255–274.

Said E. Orientalism. Vintage, 1979.

Schaake Marietje (rapporteur). Draft Report on the cultural dimensions of the EU's external action, Committee on Culture and Education (2010/2161). 2010. November 29. P. 5. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-450.904+04+DOC+PDF+V0//EN&language=EN>.

Schwan A. Werbung statt Waffen: wie strategische Außenkommunikation die Außenpolitik verändert / Wiesbaden: VS, Verl. für Sozialwiss., 2011. P. 397.

Semetko H. A. Media and public diplomacy in times of war and crisis // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. No 5. P. 639–642. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/0002764208324602>.

Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions Processes and Efficacy // *The China Journal*. 2007. No 57. P. 25–58.

Shirky C. Here comes everybody: the power of organizing without organizations. N.Y.: Penguin Books, 2008. 327 p.

Shlomi Eldar. Iran's 'Radio David' Tries to Woo Israelis // *AI-Monitor*. 2013. March 5. URL: <http://www.ai-monitor.com/pulse/originals/2013/03/iranian-radio-tries-to-win-over-the-israeli-public.html>.

Signitzer B. H., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual covergences. *Public Relations Review*. 1992. Vol. 18. No 2. P. 137–147. URL: [http://dx.doi.org/10.1016/0363-8111\(92\)90005-J](http://dx.doi.org/10.1016/0363-8111(92)90005-J).

Snow N., Taylor Ph. M. (eds.). *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. N.Y.: Routledge, 2009.

Soroka S. N. Media, public opinion, and foreign policy // *The International Journal of Press/Politics*. 2003. Vol. 8. No 1. P. 27–48. URL: <https://doi.org/10.1177/1081180X02238783>.

Stock F. The Borat Effect // *Place Branding and Public Diplomacy*. August 2009. Vol. 5. Issue 3. P. 180–191.

Strange S. The retreat of the state: The diffusion of power in the world economy. Cambridge University Press, 1996.

Tiedeman A. Islamic Republic of Iran Broadcasting: Public Diplomacy or Propaganda? // *Al Nakhlah*. Spring 2005. Article 5. URL: <http://fletcher.tufts.edu/~media/Fletcher/Microsites/al%20Nakhlah/archives/pdfs/tiedeman.pdf>.

Tilly Ch. *Coercion, capital, and European states, AD 990–1992*. Oxford: Blackwell, 1992.

Tuch H. N. *Communicating with the world: US public diplomacy overseas*. Macmillan, 1990.

Van Ham P. War, lies, and videotape: Public diplomacy and the USA's war on terrorism // *Security Dialogue*. 2003. Vol. 34. No 4. P. 427–444. URL: <https://doi.org/10.1177/0967010603344004>.

Vickers R. The new public diplomacy: Britain and Canada compared // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2004. Vol. 6. No 2. P. 182–194. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-856X.2004.00133.x>.

Wallström Margot. Vice President of the European Commission responsible for Partnership' Institutional relations and communications strategy «Communicating Europe» // ECAS Conference 'Is the EU really listening to citizens?', SPEECH/07/602. 2007. October 3.

Wang J. Managing national reputation and international relations in the global era: Public diplomacy revisited // *Public Relations Review*. 2006. Vol. 32. No 2. P. 91–96.

Winograd E. Winograd Commission Final Report. Israel Ministry of Foreign Affairs, 2008.

Witney N., Dworkin A. A Power Audit of EU-North Africa Relations // European Council on Foreign Relations. September 2012.

Zaharna R. S. Relational, networked, and collaborative approaches to public diplomacy: the connective mindshift / Ed. by R. S. Zaharna. N.Y. [u.a.]: Routledge, 2013. VIII. P. 240.

Zainulbhai H., Wike R. Iran's Global Image Mostly Negative. Pew Research Center, June 18, 2015. URL:<http://www.pewglobal.org/2015/06/18/irans-global-image-mostly-negative/>.

Zeitoff T. Does social media influence conflict? Evidence from the 2012 Gaza Conflict // *Journal of Conflict Resolution*. 2016.

Дадандиш П., Ахади А. Место публичной дипломатии во внешней политике Ирана // Журнал «Равобите хоричи». 2011. № 1. С. 143–173. (На перс. яз.)

Дехкани Фирузабади С. Концептуальная основа внешней политики Ирана. Тегеран: Изд-во «Азад университет», 2008. (На перс. яз.)

Дехшири М. Место «мягкой силы» в Исламской революции Ирана // Журнал «Хузур». 2009. № 57. С. 50–68. (На перс. яз.)

Джаводи М. Дж., Исмаили М. Роль публичной дипломатии в отношении Ирана с персоязычными странами // Журнал «Сиёсат». 2012. № 3. С. 97–113. (На перс. яз.)

Джаводи М. Дж. Публичная и культурная дипломатия Ирана в отношении государств Персидского залива // Журнал «Мутолеоти инкилоби исломи». 2015. № 41. С. 9–28. (На перс. яз.)

Дирахше Дж., Гаффару М. Публичная дипломатия Ирана в исламском мире: инициативы, приоритеты и достижения // Журнал «Фарханг — иртиботот». 2012. № 16. С. 9–45. (На перс. яз.)

Пурахмади Х. «Мягкая сила» и внешняя политика Ирана. Изд-во «Бустони кетаб», 2011. (На перс. яз.)

Сайиди Р., Мукадамфар Х. Источники «мягкой силы» Ирана // Журнал «Мутолиоти кудрате нарм». 2015. № 11. С. 107–126. (На перс. яз.)

Сутуда М. Трансформация международной системы и внешняя политика Ирана. Кум: Изд-во «Бустони кетоб», 2007. (На перс. яз.)

Фатхи Ю. К вопросу о рассмотрении сути, основ и задач современного терроризма в политической мысли Аятоллы Хаменеи // Пахухешномаи энкелобе эсломи. 2015. № 16. С. 47–64. (На перс. яз.)

Сведения об авторах

- Аптюхова Екатерина Андреевна** — кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России
- Бахриев Бахри Хуршедович** — аспирант Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
- Боришполец Ксения Петровна** — кандидат политических наук, профессор Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
- Джаббари Насир Хасан** — аспирант Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
- Зиновьева Елена Сергеевна** — кандидат политических наук, доцент Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
- Зонова Татьяна Владимировна** — доктор политических наук, профессор Кафедры дипломатии МГИМО МИД России
- Каберник Виталий Владимирович** — ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России
- Лебедева Марина Михайловна** — доктор политических наук, профессор, зав. Кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России
- Никитина Юлия Александровна** — кандидат политических наук, доцент Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
- Подберезкин Алексей Иванович** — доктор исторических наук, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД РФ, профессор Кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России
- Тимофеева Оксана Александровна** — преподаватель департамента медиа факультета коммуникаций, медиа и дизайна, НИУ ВШЭ
- Харкевич Максим Владимирович** — кандидат политических наук, доцент Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
- Шебалин Дмитрий Дмитриевич** — соискатель Кафедры дипломатии МГИМО МИД России, сотрудник Администрации Президента РФ
- Шебалина Екатерина Олеговна** — помощник проректора по кадровой политике МГИМО МИД России, соискатель Кафедры дипломатии МГИМО МИД России

Научное издание

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
Теория и практика

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 17,0.

Тираж 300 экз. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499) 270-73-59